

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО

УНИВЕРСИТЕТА

имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). № 3

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
 протокол № 6 от 05.10.2021 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени
 В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., доц. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендилы Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Меметов А. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки)

Подписано в печать 05.10.2021. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2021 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.0

ДИАЛЕКТИКА КАТЕГОРИИ ТОПОСА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Булгакова А. А.

*УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
г. Гродно, Беларусь E-mail: abulgakova@inbox.ru*

В статье анализируется топос как культурно-типологическая семиотическая единица, обладающая внутренней противоречивостью. Раскрывается значимость и актуальность данного термина как понятия топологического дискурса, отмечается его полисемантность, специфика трактовки в философии и культурологии, логике и риторике, социолингвистике и когнитивном направлении исследований языка и речи. Топос рассматривается одновременно как ментальная и языковая единица, организованная на основе бинарных оппозиций и проецирующая пространственную семантику в литературное произведение. Ставится вопрос о возможности функционирования топоса не только в литературном, но и другом художественном тексте (музыкальном, живописном и т. п.). Топос анализируется как понятие, совмещающее устойчивое (единица «бессознательной поэтики»), фиксирующая устойчивые связи между предметами и явлениями и сохраняющая «генетический код» культуры) и изменчивое (модифицирующая семантику и структуру под воздействием внешних и внутренних факторов). Выявляется диалектика в топосе универсального (устойчивое семантическое ядро, носитель наднациональных смыслов) и национального (развитие периферийных субтопосов, имеющих национальную окрасченность). Ставится вопрос о взаимодействии в топосе, который тесно связан с понятием художественного пространства, абстрактного и конкретного, предметно-чувственного. Определяется возможная корреляция понятий «топос» и «гетеротопия» (М. Фуко), их семантическая, структурная и функциональная близость.

Ключевые слова: топос, субтопос, культурная универсалия, фрейм, диалектика, гетеротопия.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отмечается повышенный интерес гуманитарных наук к изучению пространственно-временного континуума во всей многогранности и многоаспектности этого понятия. При этом исследовательский вектор направлен в сторону изучения пространственных характеристик бытия и понятий топологического дискурса. Как писал М. Фуко, «мы живем в пору, когда мир ощущается не столько как великая жизнь, что развивается, проходя сквозь время, сколько как сеть, связывающая между собой точки и перекрещивающиеся нити своего клубка» [27, с. 191]. Вследствие этого все пространственные термины оказываются семантически нагруженными или даже перегруженными. Вопрос об их содержании стоит достаточно остро, в частности, о смысле термина «топос», ставшего в последнее время особенно популярным, о чем свидетельствует возросшее количество работ, посвященных ему. Но не только интерес к пространству как таковому обуславливает внимание к топосам. Данная категория, как нам видится, оказывается в центре пересечения особенно актуальных в нынешнее время, отмеченное антропологическими сдвигами, исследований когнитивной деятельности

человека и изучения механизмов культурной памяти, стержнем которых и является пространственность.

Очевидно, что, несмотря на наукоемкость термина «топос», его частое использование в различных гуманитарных науках (литературоведение, риторика, языкознание, социология, философия, искусствоведение, культурология и др.), а возможно, и благодаря ему, данное понятие на сегодняшний день все же остается терминологически нечетким и полисемантическим.

В *логике и риторике* (Л. Арбузов, Л. В. Ассуирова, Л. Борншеуэр, Н. А. Донская, Р. Лаусберг, Р. Лахманн, А. К. Михальская, Р. Николози, Г. Г. Хазагеров, В. Шмидт-Биггеман и др.) топика рассматривается в теории аргументации, при этом упор делается на понимание топоса как «способа развертывания мысли и текста» [28, с. 7] и подчеркивается его коммуникативная природа и прагматическая установка.

Когнитивное направление в исследовании топоса ведется в рамках концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности и сопоставляет это понятие с концептом и фреймом. Топос рассматривается как универсальный способ представления знаний о мире, «модель категориального аппарата мышления» [2, с. 35]. Видим, что здесь основной акцент делается на гносеологические и эпистемологические возможности топики. Интересно, что отдельные представители риторической школы вовсе отрицают наличие в топосе когнитивного компонента (ср. Г.Г. Хазагеров: «Топосфера существует не в сознании, а в общении» [28, с. 10]), что, на наш взгляд, весьма дискуссионно, ведь любая аргументация основана на логических приемах, и хотя бы это уже связывает топос с когнитивной сферой.

В *литературоведении* категория топоса имеет наибольшую неопределенность. Трактовки топоса как варианта мотива, архетипа (А. Е. Махов), пространственного образа или объекта, локализирующего действие героя (М. М. Бахтин, Д. Ю. Боклах, О. А. Калмакова, Ю. Прокофьева, О. Е. Фролова) и др., в большей степени основаны на работах Э.Р. Курциуса.

Как правило, в литературоведении топика рассматривается в историко-литературном аспекте, а именно изучаются конкретные реализации того или иного топоса в творчестве определенного автора (О. А. Богданова, Л. Н. Гарданова, А. Е. Рылова, Г. В. Синило, С. Цикавый и др.), реже – в контексте его исторического бытования в литературе (Т. Е. Автухович, Е. Ч. Богдевич, Н.Е. Рябцева, Е. В. Сахарова, М. В. Топчиева и др.). Между тем, как показывает анализ исследовательской традиции, изучение топики в единстве теоретического и исторического аспектов является более продуктивным, как это, к примеру, реализовано в работах профессора, доктора филологических наук Т. Е. Автухович [1].

Культурологическая трактовка топоса сводится к пониманию его как категории культуры, фиксирующей ее «генетический код» (В. Н. Топоров), «универсального элемента человеческого опыта» [7, с. 283], «сгустка пространств, погруженного в культуру» [10, с. 68] и несущего «отпечаток отношений человек – пространство – культура» [25, с. 112]. В данном направлении топос сближается с культурными универсалиями (Л. Е. Артамошкина, Я. Ассман, Т. Брейер, Э. Лассан, У. Эко, З. Хайнади и др.).

В аспекте *психологии* топика можно рассматривать в качестве инструмента для решения коммуникативных задач. Очевидно, что восприятие топоса как «структурно-смысловой модели» (Н. А. Донская [11]) дает возможность использовать его в методиках «мозгового штурма», «шести шляп», синектики (аналогий), «морфологического ящика», фокальных объектов, SCAMPER и др., а также при построении «ментальных карт» (mind map – интеллект-карта, карта мыслей, диаграмма связей, ассоциативная карта). Структура mind map, представляющая древовидную схему, включающую центральное понятие и слова, идеи, образы, связанные ветвями, исходящими от него [4], напоминает структуру топоса (парадигму субтопосов и сеть образов-метафор, с помощью которых топос вербализуется в тексте).

Использование термина «топос» в *социолингвистике* базируется на риторическом его прочтении, однако здесь подчеркивается его амбивалентная природа, бинарность («в него заложены положительные и отрицательные ценности» [2, с. 34]), являющаяся важной характеристикой его кода, и социокультурная обусловленность (соотнесенность с ценностями и предпочтениями адресата [2, с. 35]). При прочтении термина *социологами* на первый план выходит важность топоса для формирования идентичности социальных групп через выделение собственного пространства и заполнение его культурными метафорами и символами, референтными для определенного социума (см. идеи Я. Ассмана, М. Хальбвакса).

Топологическое направление *философских* исследований, представленное довольно обширным рядом имен (А. Лефевр, Дж. Ло, П. Флоренский, М. Фуко, М. Хайдеггер и др.) прежде всего исходит из классической аристотелевской трактовки топоса и рассматривает его в качестве «множественного объекта (полифонической структуры), существующего в качестве пересечений различных пространств» [29, с. 57]. Топос в постнеклассической научной парадигме рассматривается как особый репрезентант мира, отражающий способность индивида жить в конкретном месте и выстраивать отношения определенным образом. Топос характеризуется как открытое пространство с «переменной размерностью и нетривиальной топологией» [26, с. 73], пространство не физическое, а виртуальное, обладающее динамичностью, изменчивостью, возможностью иметь множество сингулярностей и создавать новые локальные пространства-миры. В данной трактовке нам наиболее интересно сопоставление топоса и гетеротопии и выявление отношений между ними.

Учитывая важнейшие достижения когнитивистики, культурологии, риторики, философии, пропустив их через себя именно на уровне новых литературоведческих подходов, мы увидели в термине «топос» огромный исследовательский потенциал и множество возможностей как для изучения непосредственно данной терминологической единицы, так и для глубочайшего анализа художественных текстов (и даже не только литературных!), которые рассматриваются нами как проекция ментальных изменений в восприятии и объяснении мира.

В своих исследованиях мы не отказываемся полностью от трактовки Э. Р. Курциуса, на которую опирается большинство литературоведов, и не критикуем ее. Скорее, выдвигая на первый план интегральную природу термина «топос», хотим

вернуть ему ту смысловую объемность и многогранность, которая была дана данному понятию Аристотелем во время господства синкретичной парадигмы науки (время, заметим, подобное нашему).

Топос, по нашему мнению, внутренне неоднородная категория, совмещающая амбивалентные характеристики, которые, по законам диалектики, не только сосуществуют и образуют единство, но и должны вступать в борьбу. Остановимся на некоторых из подобных противоречий и поставим ряд вопросов, возникающих в связи с ними, решение которых, на наш взгляд, требует проведения дополнительных исследований.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Топос как ментальная и языковая единица

Как мы уже отметили, термин «топос» многозначен. Каждое из научных направлений, пользующихся данной категорией, исходит из формулировок, данных термину Аристотелем в трактатах «Риторика», «Физика» и «Поэтика». И в первую очередь это постулаты, декларирующие связь топоса с пространством. Возможно, именно пространственный компонент в семантике топоса и множественность подходов к определению понятию пространства, ключевого для современного гуманитарного знания, накладывают отпечаток на смысловое наполнение термина «топос» в различных научных парадигмах, а порой даже и в рамках одной научной школы.

Соотнесенность с пространством позволяет топосу не только рассматриваться в качестве некоего пространственного объекта в тексте (и который уместнее было бы все же называть локусом), но и выступать как пространство человеческого знания, выполняющее структурирующую функцию и фиксирующее устойчивые логико-смысловые отношения между предметами и явлениями мира в сознании человека. В этом топос сближается с фреймом, который, согласно М. Минскому, представляет собой сеть, состоящую из узлов и ассоциативных связей между ними, на основе которой совершаются базовые когнитивные акты, такие как восприятие и понимание сообщений [17]. Благодаря фреймовой организации сознания человек, желая познать новый элемент мира или новое явление, выбирает определенную структуру данных и соотносит это знание с уже имеющимся, помещая его в незаполненный слот (структурный элемент фрейма). Структура фрейма в целом напоминает нам структуру топоса, хотя пространственные характеристики нерелевантны для фрейма, в отличие от анализируемого нами топоса.

Многогранность и тотальная вовлеченность топоса в пространственные отношения приводит к рассмотрению топоса как *ментальной единицы*, организованной по законам структурирования пространства на основе бинарных оппозиций и проецирующего пространственную семантику в художественный текст. В то же время ментальные фреймы эксплицируются с помощью языка или сходных с ним семиотических систем. Следовательно, топос – в той же мере *языковая единица*, в коей ментальная – не существует вне текста и не может быть рассмотрен в отрыве от него.

Это дает нам постановку следующего вопроса: *может ли топос функционировать не только в литературном, но и в любом другом художественном (музыкальном, изобразительном, живописном, кинотексте и др.) и, возможно, нехудожественном (публицистическом, рекламном, научном и др.) тексте?*

Топос как ментальный фрейм, когнитивный коррелят знания, непременно должен проецировать устойчивые связи – не только логические, как в риторическом высказывании, но и метафорические, в тексте. Это может быть сделано с помощью любой семиотической системы. Музыка, живопись, кино, как и литература, обладают собственным языком и создают с его помощью тексты, входящие в семиосферу, где происходит знаковая коммуникация и становится возможным семиозис. Однако следует заметить, что механизмы, способы и средства «вербализации» топоса в соответствующей семиотической кодировке будут различны.

О топосе в музыкальном искусстве писали А. А. Галкин, Л. В. Кириллина, Т. С. Коваленко, И. М. Кривошей, Н. В. Пилипенко и др., рассматривая его не только и не столько как ««общее место» музыкального дискурса» [9, с. 10], но и как «некую область абстрактных идей и конкретных образов, воплощенных музыкальными средствами» [14, с. 113] и сопоставляя с лейтмотивом, слово-образом, художественной константой (термины, используемые И. М. Кривошей [15, с. 175]). Музыковеды так же, как и теоретики литературы, подчеркивают противоречивый характер этого термина, указывая на его модификационный потенциал и смысловую подвижность с одной стороны, и матричность, ограниченность, «связанную со смысловым восприятием» [14, с. 113], с другой, а также выявляют корреляцию топоса с художественным направлением [9, с. 13]. Не упускают они из виду и пространственную семантику данного понятия, характеризуя с помощью топоса (обычно в его качестве выступают топосы *простор, море, озеро, лес, мир, сад, дом, космос* и т. п.) место действия героя, его внутренний мир в отдельных произведениях или творчестве определенного композитора в целом. Что касается репрезентации «системы «общих мест», позволяющих обозначить ключевые координаты художественного мира произведения» [14, с. 113], то исследователи признают способом воплощения топоса в музыкальном тексте метафорическое миромоделирование (его теория развита Е. С. Кубряковой, А. П. Чудиновым, З. И. Резановой, Н. А. Мишанкиной и др.). И. М. Кривошей называет их «ключевыми», заимствуя данный термин у Н. Арутюновой, и сравнивает с «концептуальными метафорами» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также «парадигмами образов» Н. Павлович. Таким образом, очевидно, что термин «топос» проникает в музыковедение и приживается там и, что вероятно, может стать интегральным для наук о различных видах искусства, которые имеют дело с пространственным миромоделированием.

Понятие «топос» в исследованиях живописи или архитектуры не используется, однако немало трудов, в которых искусствоведы описывают так называемые «базовые» метафоры, или «метафоры-символы» (мир – книга, мир – храм, мир – сад и др.), которые представляют собой визуальные аналоги литературных тропов, в творчестве отдельных художников, определенных направлениях и архитектурных

стилях [3; 19; 20; 24]. Поэтому есть вероятность того, что термин «топос» будет востребован и в искусствоведении.

Топос как единство устойчивого и изменчивого

На первый взгляд, может показаться, что содержание топоса и субтопосов (структурных единиц в составе топоса) и реальная мировоззренческая позиция автора должны вступать в противоречие, однако это возможно лишь в том случае, если мы примем за основу утверждение о том, что топос прежде всего *единица «бессознательной поэтики»*. При таком подходе мы будем рассматривать фигурирование в тексте субтопосов как устойчивых формул, клише, когнитивных рамок, ментальных фреймов, которые ограничивают авторское сознание и по существу уже не отвечают ментальности изменившейся эпохи.

Однако мы все же не настолько категоричны в понимании «закостенелости» топоса как архетипической структуры в коллективном и индивидуальном сознании и предполагаем, что когнитивные рамки, существование которых обусловлено схожестью мыслительных процессов человека, все же допускают изменение их внутреннего наполнения, *содержательные трансформации субтопосов* и их *структурные переконфигурации* (см. схожие идеи в работах В. Гримальди – топос как «место для комбинирования и перекомбинирования» [32, с. 129]), которые неизбежно возникают и обусловлены рядом факторов. Среди них – изменение ментальности эпохи и мировоззренческие сдвиги в авторском сознании, которое осмысливает действительность по-особому, хотя и в рамках общекультурной идеологии. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что топос – это единство *устойчивого* (инвариант, «застывшая» структура, организованная бинарными оппозициями, отражающими сущность человеческого бытия) и *изменчивого* (семантика субтопосов, их вариации в тексте, способы и средства вербализации, экспликации в конкретном произведении), *архетипического* (выработанного коллективно) и *индивидуально-авторского* (авторская эпистема). При этом устойчивые значения формируют смысловое ядро топоса, а вариативные, инновационные образуют его периферию, что не исключает их перемещение или смену при изменении культурной парадигмы.

В поддержку своей точки зрения приведем мнение некоторых исследователей, представителей разных научных направлений. О топосе как не консервативной, а «адаптивной» категории писал представитель риторического подхода Г. Г. Хазагеров, утверждая, что «топосы подвержены селекции в соответствии с предпочтениями эпохи и национальным менталитетом» [28, с. 12], а изменения в топосфере «гибко отражают сдвиги в общественном сознании» [28, с. 11]. О вариативных возможностях топоса заявляла Т. Е. Автухович, отмечая при этом ограниченность вариаций субтопосов изначально заданными рамками значений [1]. С опорой на Р. Барта и К. Дурэма о возможностях расширения смысловых границ топоса («топос – подвижная граница») заявляет О. В. Боровикова [5, с. 39], а Т. Брейер даже выделяет отдельную категорию «индивидуальных топосов» в кругу «топосов культурной памяти», чтобы подчеркнуть изменчивую природу данного феномена [30, с. 106]. О соединении архетипического, надличностного, анонимного

и уникального, авторского начал в топосе писал и Э. Р. Курциус, подчеркивая преимущественно бессознательную сущность топоса как «внеличностного стиливого элемента» [31].

Образованность топоса бинарными оппозициями гносеологического (истина – ложь; разум – интуиция; слово – вещь; безграничность – ограниченность и др.), онтологического (бытие – небытие; космос – хаос; жизнь – смерть; Бог – человек и др.) и аксиологического (сакральное – профанное; духовность – телесность; прекрасное – безобразное и др.) характера, выступающими «культурным кодом переработки и хранения информации о мире» [13, с. 43], обуславливают развитие топоса – порождение метафор двунаправленного характера, тяготеющих к одному из полюсов оппозиции, что порождает «диссипативность текста» (понятие технических наук, примененное к тексту А. Киклевич [13, с. 55]), то есть возможность коренного изменения картин мира. Это изменение, выраженное в смене полюсов (от положительно маркированного члена диады к отрицательному и наоборот) вызывается сменой культурной парадигмы и выражается в модификации структуры и семантики топоса.

Итак, топос, с одной стороны, сохраняет архетипическое, устойчивое содержание, выступая как смысловая модель [18, с. 44]), а с другой стороны, коррелирует с литературным направлением и индивидуально-авторским восприятием и объяснением мира, что находит отражение в текстовой конфигурации субтопосов.

Существование в топосе этих двух противонаправленных тенденций – к сохранению семантического ядра и продуцированию новых смыслов, на наш взгляд, может быть объяснено, каким бы это ни казалось парадоксальным, взаимосвязью топоса с механизмами памяти. Обнаружение связи между памятью человека и его воображением является общепринятым, о чем неоднократно заявлял Л. Выготский [8]: воображение использует «следы» прошлых воспоминаний, впечатлений, представлений, которые присутствуют также и в подсознании. В основе памяти и воображения лежат схожие механизмы, однако при этом задача памяти – восстановить систему образов в максимальной приближенности к эталону, а задача воображения – исходные образы преобразовать (насколько это возможно). Эти тенденции характеризуют и творческий процесс: сознательное или бессознательное обращение к топосам – «генетическому коду» культуры – дает импульс к созданию новых образов.

Именно благодаря этим, подчеркнутым, равнозначным тенденциям топос одновременно может являться фактором преемственности литературы и фиксировать изменения мировоззрения и смену литературных направлений, отражая инновационность культуры в целом и литературного процесса в частности. И в этом, как мы считаем, заключается особая ценность топоса, из чего следует необходимость его тщательного изучения как одного из важнейших терминов теоретической и исторической поэтики.

Топос как единство универсального и национального

Еще одно противоречие, которое можно обнаружить при анализе категории топоса, – это противоречие между *универсальным* и *национальным*. Насколько

уместно говорить о влиянии национальной культуры на структуру и семантику топоса? Корректно ли сравнивать один и тот же топос в произведениях авторов одной эпохи, но отнесенных к разным культурным традициям? Какова доля национального в топосе?

Здесь можно провести параллель между топосом и культурной константой, с которой некоторые исследователи его отождествляют. Культурные константы общепринято разделять на национальные и универсальные [23]. Уместно ли перенести это разделение на топос и подобным образом выделить общекультурные, или универсальные, топосы и национальные? С одной стороны, это может показаться верным решением. Следуя этой логике, к примеру, топос *дачи* мы отнесем к топосам национальным, отражающим реалии действительности русского (как и топос степи, тайги, коммуналки и т. п.), а позже – советского человека, а топос *книги* (мир, сад, храм, тюрьма, море и др.) – к топосам общекультурным. С другой стороны, это может являться методологической ошибкой, а частности, из-за того, что под топосами мы все же понимаем универсальную схему мышления, своего рода рамку, фиксирующую стандартные связи и отношения между явлениями. А вот содержание этой рамки, которое составляют метафорические образы, и способы экспликации этих образов в тексте, как раз таки и могут отражать специфику национального видения мира. Это соотносится с высказыванием А. А. Леонтьева о том, что «в основе мировосприятия и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [16, с. 20].

Возможно, ответить на этот вопрос поможет сама структура топоса и соотнесенность его с понятиями «локус» и «субтопос». Парадигму топоса составляют устойчивые образы, связанные между собой логически или метафорически – локусы, или субтопосы. В своих работах мы используем именно второй вариант во избежание терминологической путаницы. Это обусловлено тем, что, несмотря на установившиеся в научной литературе отношения между топосом и локусом как отношения иерархии, некоторые исследователи пользуются лишь одним из терминов, рассматривая их как тождественные (М. А. Андрюнина, Н. В. Налегач и др.), другие, напротив, разводят их, третьи наделяют понятие «локус» совершенно иным смыслом. Следуя за лотмановской традицией в трактовке данного термина (П. З. Гольдин, Ю. М. Лотман, В. Ю. Прокофьева, Т. В. Субботина и др.), трактующей термин «локус» через топос как «ограниченное пространство в составе безграничного» [21, с. 87], мы можем сказать, что он представляет собой пространство более закрытое, локальное, то есть вариацию, частный случай топоса. В таком случае *семантическое ядро топоса* будет оставаться прежним и выступать как *универсальное, надкультурное образование*, в то время как его *периферийные локусы (субтопосы)* будут *национально окрашены* и обусловлены картиной мира, ментальностью народа, к которому принадлежит автор произведения.

Поясним это на примере топоса *дом*. Это топос, глубинный, онтологический смысл которого определен оппозициями «открытое – замкнутое», «свое – чужое», «мирное – враждебное», заложен в мифологическом сознании и выражен в древних прецедентных текстах. Но в русской традиции он может быть представлен субтопосами избы, усадьбы, дачи, коммуналки, барака, в то время как в

латиноамериканской или западноевропейской литературе будут фигурировать иные вариации топоса.

Диалектика конкретного и абстрактного в топосе

Возникновение топоса на пересечении множества различных пространств, на что указывает Е. А. Шанцева, позволяет рассматривать его как многоуровневое образование, реализующее одновременно абстрактный и конкретный, предметно-чувственный планы в соответствии с различными уровнями художественного пространства. Организация его как знаковой системы позволяет совмещать их, и это не выглядит противоречивым, хотя и может на первый взгляд показать таковым.

Абстрактное пространство текста в большей степени наделено признаком всеобщности и выражает универсальное содержание. Конкретное, привязанное к географическим реалиям, задает эмоциональный тон произведения и влияет на эволюцию характеров [12, с. 51]. В таком понимании топос как условная форма, выражающая философские идеи, может считаться разновидностью абстрактного пространства. В то же время, если принять во внимание тот факт, что топос может восприниматься как конкретное место действия в произведении, то очевидно, что в таком случае его следует рассматривать как единицу пространства конкретного.

Реальный план топоса, исходящий из представления его как «места», заполненного вполне конкретными вещами, имеющего географические и физические характеристики, оказывается тесно связанным с абстрактными уровнями – ментальным и семиотическим, или уровнем культуры. Данные уровни коррелируют с определением топоса как ментальной и языковой единицы и отражают реальный, перцептуальный и концептуальный уровни художественного пространства, на каждом из которых топос функционирует по-разному (в качестве системы локусов, иконического знака, лейтмотива, образа-символа в творчестве писателя, культурной универсалии).

Реальное пространство текста соотносится с конкретным (предметным) планом топоса. Однако восприятие топоса только как «места действия» является, на наш взгляд, ограниченным и отражает ньютоновскую концепцию пространства, экстраполируемую в сферу эстетики в целом и литературоведения в частности. На перцептуальном уровне, где топос представлен как схема-фрейм, отражающая субъективно выстроенные связи и отношения между явлениями в тексте в виде образа-символа, повторяющегося в контексте творчества писателя, и на концептуальном, где он функционирует как универсалия и рассматривается в контексте общекультурных типологических моделей, актуализируется абстрактный план топоса.

В конкретном произведении возможна реализация всех уровней пространства топоса в разной мере, а может превалировать один план. Их соотношение обуславливает специфику функционирования топоса в конкретном литературном направлении. Так, панзнаковый характер русского барокко обуславливает функционирование топоса *мир* в культурном семиозисе и преобладание в нем абстрактного начала над конкретным, в то время как для аналогичного топоса в литературе предромантизма не менее важным оказывается конкретный, предметно-

чувственный план. Превалирование одного из планов определяет приемы воплощения топоса в тексте, преобладание специфических риторических тропов и фигур, объясняющих характер взаимоотношений между словом и вещью, знаком и значением в творчестве отдельного писателя и литературном направлении в целом.

Топос и гетеротопия

Объемность понятия «топос», восприятие его в качестве пространства, фиксирующего определенные связи и отношения, позволяет соотнести топос с научным концептом гетеротопии, введенным в оборот М. Фуко («толкование фукианской гетеротопии остается неоднозначным» [22, с. 144]). Философ определял гетеротопию как особым образом устроенное, неоднородное по структуре место, обладающее своим временем и выступающее по отношению к другим пространствам в качестве дополнения или противопоставления: «Мы живем в рамках множества отношений, определяющих местоположения, не сводимые друг к другу и совершенно друг на друга не накладывающиеся» [27, с. 195].

Топос функционирует на различных уровнях художественного пространства, одновременно репрезентирует пространство языковое и ментальное, пространство коллективного и индивидуального сознания, следовательно, представляется возможным его функционирование в тексте в качестве гетеротопии (см., к примеру, рассуждения Е. Ч. Богдевич [6]).

Характеристики гетеротопии, описанные как самим М. Фуко, так и его последователями, разрабатывающими теорию гетеротопии (Б. Дженюккио, П. Джонсон, Э. К. Филимон, М. Никольчина и др.), а именно полисеманτικότητα, особые отношения гетеротопии с реальным пространством, изолированность и проницаемость, сложная структура, позволяющая совместить целый ряд пространств в одном, обусловленность мировоззренческими основаниями эпохи и культурной парадигмой («каждая конкретная гетеротопия может начать функционировать по-иному при изменении общей синхронии культуры, в которой она находится» [27, с. 198], что проецируется и на топос, который также подвержен модификации в связи с меняющимся сознанием эпохи вплоть до инверсии ядерных и периферийных значений), способность активизироваться в переходные периоды историко-культурного развития и т. п., при глубоком рассмотрении оказываются весьма близкими топосу как семиотической, культурно-типологической единице.

Топос также является одновременно закрытой и открытой структурой, в той же мере изолированной от внешних интенций (устойчивое образование), сколь проницаемой (несет отпечаток авторского сознания, культуры, эпохи).

Как и гетеротопии, топосы, в частности, те, что выполняют миромоделирующую функцию (топосы *мир, дом, храм, сад, книга* и их субтопосы), актуализирующуюся в переходные периоды развития культуры, играют компенсаторную роль, замещая реальную (травмирующую сознание человека, испытывающего недоверие к ценностям прошлого и страх перед неизвестностью) действительность обращением к устойчивым ценностно-смысловым моделям и предлагая иное по отношению к реальному пространству, не тождественное ему, но при этом имеющее с ним прочную связь.

Таким образом, очевидно, что понятия топоса и гетеротопии коррелируют друг с другом. Ответ на вопрос том, являются ли топосы гетеротопиями по определению либо могут функционировать в качестве гетеротопии при определенных условиях, требует, на наш взгляд, полноценного исследования.

ВЫВОДЫ

Итак, понимание диалектической природы топоса позволяет увидеть, что противоречия внутри данной категории (ментальная и языковая природа, устойчивость и изменчивость, универсальность и культурная обусловленность, целостность и неоднородность) способствуют ее развитию и обеспечивают актуальность топосов и постоянное их присутствие в семиосфере. Дополнительные исследования, направленные на поиск ответов на поставленные вопросы, позволят уточнить объем термина «топос» как поэтологической категории, расширить представления о его функциях в литературном и общекультурном процессе, закономерностях и механизмах структурно-семантических трансформаций, предложить и обосновать типологию топосов.

Список литературы

1. Автухович, Т. Е. Топика в смене литературных эпох [Текст] / Т. Е. Автухович // Автухович Т. Е. Поэзия риторики: очерки теоретической и исторической поэтики. – Минск: РИВШ, 2005. – 204 с.
2. Баребина, Н. С. Роль категории «топос» в исследовании аргументативного взаимодействия в социальной системе [Текст] / Н. С. Баребина // Научное мнение. – 2012. – № 9. – С. 32–35.
3. Брускин, Г. Все прекрасное – ужасно, все ужасное – прекрасно: Этюды о художниках и живописи [Текст] / Г. Брускин. – М.: НЛЮ, 2017. – 241 с.
4. Бьюзен, Т. Супермышление [Текст] / Т. Бьюзен, Б. Бьюзен. – Минск: ООО «Попурри», 2003. – 304 с.
5. Боровикова, О. В. Методология оправдания топики посредством «выявления топоса» [Текст] / О. В. Боровикова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. – № 349. – С. 38–44.
6. Богдевич, Е. Ч. Топос «книга» в литературном процессе XX–XXI вв.: генезис, структура, семантика, динамика развития [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Е. Ч. Богдевич. – Минск, 2020. – 26 с.
7. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая / Отв. ред. М. А. Кронгауз, вст. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
8. Выготский, Л. Воображение и творчество в детском возрасте [Текст] / Л. Выготский. – М.: Перспектива, 2020. – 125 с.
9. Галкин, А. А. Смысловые грани пасторального топоса в симфониях Г. Малера [Текст] / А. А. Галкин // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2018. – № 1 (47). – С. 10–14.
10. Гольдин, П. З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики [Текст] / П. З. Гольдин // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2012. – № 11–2 (25). – С. 66–69.
11. Донская, Н. А. Развитие категории «топос» в риторике и лингвистике [Текст] / Н. А. Донская, Л. В. Ассуирова // Вестник МГПУ. – 2019. – № 1 (41) – С. 93–101.
12. Есин, А. Б. Время и пространство [Текст] / А. Б. Есин // Введение в литературоведение. Литературное произведение. Основные понятия и термины: уч. пособие / Л. В. Чернец,

- В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; Академия, 1999. – С. 47–62.
13. Киклевич, А. Притяжение языка. Том 1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика [Текст] / А. Киклевич. – Olsztyn : Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. – 396 с.
 14. Кириллина, Л. В. Топос и символ в поэтике Римского-Корсакова [Текст] / Л. С. Кириллина // Научный Вестник Музыкальной Консерватории. Вып. 4. – М.: Консерватория, 2015. – С. 108–139.
 15. Кривошей, И. М. Слово-образ «простор» как художественная константа поэтики русского романса [Текст] / И. М. Кривошей // Проблемы музыкальной науки. – 2009. – № 2. – С. 175–181.
 16. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира [Текст] / А. А. Леонтьев // Языковое сознание: парадоксальная рациональность. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
 17. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под общ. ред. Ф. М. Кулакова. – М. : Энергия, 1979. – 150 с.
 18. Михальская, А. К. Основы риторики. Мысль и слово : уч. пособие / А. К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
 19. Настюк, Е. Окно как символ в искусстве. Портал в иные миры [Электронный ресурс] / Е. Настюк. – Режим доступа: https://artchive.ru/encyclopedia/2740~Okno_kak_simvol_v_iskusstve_Portal_v_inye_miry (дата обращения 10.08.2020).
 20. Петренко, В. Ф. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов [Текст] / В. Ф. Петренко, Е. А. Коротченко // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 19–40.
 21. Прокофьева, В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы [Текст] / В. Ю. Прокофьева // Вестник ОГУ. – 2011. – № 5. – С. 87–94.
 22. Радченко, Т. А. Гетеротопии в романе М. Эмиса «Беременная вдова» [Текст] / Т. А. Радченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 2 (68). – 2016. – № 2. – Ч. 2. – С. 140–150.
 23. Райков, А. Культурные константы / А. Райков // Топос: литературно-философский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/kulturnye-konstanty-4> (дата обращения 09.09.2020).
 24. Раппопорт, А. Г. Метафора в архитектуре / А. Г. Раппопорт [Электронный ресурс] / А. Г. Раппопорт. – Режим доступа: http://papardes.blogspot.com/2011/02/1983_09.html (дата обращения 20.09.2020).
 25. Субботина, Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий [Текст] / Т. В. Субботина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – 2011. – № 24 (239). – С. 111–113.
 26. Туркина, В. Г. Город как «топос» [Текст] / В. Г. Туркина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. – 2009. – № 2 (57). – С. 73–79.
 27. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 4 ч. [Текст] / М. Фуко. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191–205.
 28. Хазагеров, Г. Г. Топос vs Концепт: к изучению топосферы культуры [Текст] / Г. Г. Хазагеров // Известия Южного Федерального ун-та. Философские науки. – 2008. – № 3. – С. 7–26.
 29. Шенцева, Е. А. Топос философии [Текст] / Е. А. Шенцева // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 31. – Вып. 1. – С. 57–68.
 30. Breyer T. On the Topology of Cultural Memory. Different Modalities of Inscription and Transmission. Würzburg: Königshausen&Neumann, 2006. 119 p.

31. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*; Translated from the German by Willard R. Trask. NY: Harper & Row, 1963. 658 p.
32. Grimaldi William M. A. *Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. 151 p.

References

1. Avtuhovich T. E. *Topika v Smene Literaturnyh Epoch* [Topics in the Change of Literary Epochs]. Minsk: RIVSh Publ., 2005. 204 p.
2. Barebina N. S. *Rol' Kategorii «Topos» v Issledovanii Argumentativnogo Vzaimodeystviya v Social'noj Sisteme* [The Role of the Category "Topos" in the Study of Argumentative Interaction in the Social System]. *Nauchnoe Mnenie*, 2012, no 9, pp. 32–35.
3. Bruskin G. *Vse Prekrasnoe – Uzhasno, Vse Uzhasnoe – Prekrasno: Etyudy o Hudozhnikah i Zhivopisi* [Everything Beautiful is Terrible, Everything Terrible is Beautiful: Sketches about Artists and Painting]. Moscow: NLO Publ., 2017. 241 p.
4. B'yuzen T. *Supermyshlenie* [Superthinking]. Minsk: OOO «Popurri» Publ., 2003. 304 p.
5. Borovikova O. V. *Metodologiya Opravdaniya Topiki Posredstvom «Vyyavleniya Toposa»* [Methodology of Justifying Topics by Means of "Revealing the Topos"]. *Vestnik Tomskogo Gos. Un-ta*, 2011, no 349, pp. 38–44.
6. Bogdevich E. Ch. *Topos «Kniga» v Literaturnom Processe 20th–21th vv.: Genezis, Struktura, Semantika, Dinamika Razvitiya: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Topos "Book" in the Literary Process of the 20th–21th Centuries: Genesis, Structure, Semantics, Dynamics of Development. Abstract of Thesis]. Minsk, 2020.
7. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.
8. Vygotskij L. *Voobrazhenie i Tvorchestvo v Detskom Vostraste* [Imagination and Creativity in Childhood]. Moscow: Perspektiva Publ., 2020. 125 p.
9. Galkin A. A. *Smyslovye Grani Pastoral'nogo Toposa v Simfoniyah G. Malera* [Semantic Facets of Pastoral Topos in G. Mahler's Symphonies]. *Aktual'nye Problemy Vysshego Muzykal'nogo Obrazovaniya*, 2018, no 1 (47), pp. 10–14.
10. Gol'din P. Z. *Toponimika, Lokus i Topos Malyh Ulic v Paradigme Semiotiki* [Toponymy, Locus and Topos of Small Streets in the Paradigm of Semiotics]. *Istoriya, Filosofiya, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskustvovedenie*, 2012, no 11-2 (25), pp. 66–69.
11. Donskaya N. A. *Razvitie Kategorii «Topos» v Ritorike i Lingvistike* [Development of the Category "Topos" in Rhetoric and Linguistics]. *Vestnik MGPU*, 2019, no 1 (41), pp. 93–101.
12. Esin A. B. *Vremya i Prostranstvo* [Time and Space]. *Vvedenie v Literaturovedenie. Literaturnoe Proizvedenie. Osnovnye Ponyatiya i Terminy: Uch. Posobie*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; Akademiya Publ., 1999, pp. 47–62.
13. Kiklevich A. *Prityazhenie Yazyka. Vol. 1: Semantika. Lingvistika Teksta. Kommunikativnaya Lingvistika* [The Attraction of the Language. Vol. 1: Semantics. Linguistics of the Text. Communicative Linguistics]. Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2007. 396 p.
14. Kirillina L. V. *Topos i Simvol v Poetike Rimskogo-Korsakova* [Topos and Symbol in the Poetics of Rimsky-Korsakov]. *Nauchnyy Vestnik Muzykal'noy Konservatorii. Vyp. 4*, 2015, pp. 108–139.
15. Krivoshej I. M. *Slovo-obraz «Prostor» kak Hudozhestvennaya Konstanta Pojetiki Russkogo Romansa* [The Word-image "Space" as an Artistic Constant of the Poetics of the Russian Romance]. *Problemy Muzykal'noj Nauki*, 2009, no 2, pp. 175–181.
16. Leont'ev A. A. *Yazykovoe Soznanie i Obraz Mira* [Language Consciousness and Image of the World]. *Yazykovoe Soznanie: Paradoksal'naya Racional'nost'*, 1993, pp. 16–21.

17. Minskij M. *Frejmy dlya Predstavleniya Znaniy* [Frames for the Presentation of Knowledge]. Moscow: Energiya Publ., 1979. 150 p.
18. Mikhal'skaya A. K. *Osnovy Ritoriki. Mysl' i slovo: Uch. Posobie* [Foundations of Rhetoric. Thought and Word: a Tutorial]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1996. 416 p.
19. Nastyuk E. *Okno kak Simvol v Iskusstve. Portal v Inye Miry* [Window as a Symbol in Art. Portal to Other Worlds]. Available at: https://artchive.ru/encyclopedia/2740~Okno_kak_simvol_v_iskusstve_Portal_v_inye_miry (accessed 10 August 2020).
20. Petrenko V. F. *Obraznaya Sfera v Zhivopisi i Literature. Vizual'nye Analogi Literaturnyh Tropov* [The Figurative Sphere in Painting and Literature. Visual Analogs of Literary Tropes]. Psihologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Jekonomiki, 2008, vol. 5, no 4, pp. 19–40.
21. Prokof'eva V. Yu. *Kategoriya Prostranstvo v Hudozhestvennom Prelomlenii: Lokusy i Toposy* [The Category of Space in Artistic Refraction: Loci and Toposes]. Vestnik OGU, 2011, no 5, pp. 87–94.
22. Radchenko T. A. *Geterotopii v Romane M. Emisa «Beremennaya Vdova»* [Heterotopies in the Novel by M. Amis "The Pregnant Widow"]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Vol. 2 (68), 2016, no 2, part 2, pp. 140–150.
23. Raikov A. *Kul'turnye Konstanty* [Cultural Constants]. Available at: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/kulturnye-konstanty-4> (accessed 9 September 2020).
24. Rappoport A. G. *Metafora v Arhitekture* [Metaphor in Architecture]. Available at: http://papardes.blogspot.com/2011/02/1983_09.html (accessed 20 September 2020).
25. Subbotina T. V. *Lokus, Topos, Urbonim, Mikrotoponim: k Voprosu o Soderzhanii Prostranstvennyh Ponyatij* [Locus, Topos, Urbanonym, Microtoponym: on the Question of the Content of Spatial Concepts]. Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. Issue 57, 2011, no 24 (239), pp. 111–113.
26. Turkina V. G. *Gorod kak «Topos»* [City as a "Topos"]. Nauchnye Vedomosti BelGU. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 2009, no 2 (57), pp. 73–79.
27. Fuko M. *Intellektualy i Vlast': Izbrannye Politicheskie Stat'i, Vystupleniya i Interv'yu: v 4 p.* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews: in 4 parts]. Moscow: Praxis Publ., 2006. P. 3, pp. 191–205.
28. Hazagerov G. G. *Topos vs Kontsept: k Izucheniyu Toposfery Kul'tury* [Topos vs Concept: Towards the Study of the Toposphere of Culture]. Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo un-ta. Filosofskie nauki, 2008, no 3, pp. 7–26.
29. Shenceva E. A. *Topos Filosofii* [Topos of Philosophy]. Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya, 2018, vol. 31, pp. 57–68.
30. Breyer T. *On the Topology of Cultural Memory. Different Modalities of Inscription and Transmission.* Würzburg: Konigshausen&Neumann, 2006. 119 p.
31. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*; Translated from the German by Willard R. Trask. NY: Harper & Row, 1963. 658 p.
32. Grimaldi William M. A. *Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric.* Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. 151 p.

The article analyzes the topos as a cultural-typological semiotic unit with internal contradiction. The significance and relevance of this term as a concept of topological discourse is revealed, its polysemantic nature, the specificity of interpretation in philosophy and cultural studies, logic and rhetoric, sociolinguistics and the cognitive direction of language research are noted. The topos is viewed simultaneously as a mental and linguistic unit, organized on the basis of binary oppositions and projecting spatial semantics into a literary work. The question about the possibility of topos functioning not only in literary, but also in other literary text (musical, pictorial, etc.) is raised. The topos is analyzed as a concept that combines stable (a unit of "unconscious poetics", fixing stable connections between objects and phenomena and preserving the "genetic code" of culture) and changeable (modifying semantics and structure under the influence of external and internal factors). The dialectic in the topos of the universal (a stable semantic core, a carrier of supranational meanings) and national (the development of peripheral subtopos that have a national coloration) is revealed. The question of interaction in topos, which is closely related to the concept of artistic space, abstract and concrete, subject-sensory, is raised. The eventual correlation of the concepts "topos" and "heterotopy" (M. Foucault), their semantic, structural and functional proximity is determined.

Key words: topos, subtopos, cultural universals, frame, dialectics, heterotopy.

УДК 81'42:82–343.09

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ «ЖАР-ПТИЦА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Виноградова Е. В.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
E-mail: elnikova.katusha@yandex.ru*

В статье рассматриваются парадигмы образов «жар-птица», которые состоят из двух устойчивых смыслов – левого члена парадигмы (предмета сравнения *A*) и правого члена парадигмы (образа сравнения *B*). Образом сравнения – то есть то, с чем происходит сравнение, – выбран образ, создаваемый лексемой «жар-птица». Сформированы пять парадигм, предметом сравнения которых являются: *человек, зооним, абстрактное понятие, биофакты и артефакты*. Парадигма членится на подпарадигмы. В парадигме с таксоном «человек» выделяются следующие подпарадигмы: «женщина/женская красота – жар-птица», «человек (его духовный мир) – жар-птица», «человек (одежда) – жар-птица». В парадигме с таксоном «абстрактное понятие» подпарадигмами являются: «счастье/удача – жар-птица», «счастье – хвост жар-птицы», «душа России – жар-птица», «народная красота – жар-птица». В парадигме с таксоном «биофакты» отмечены подпарадигмы «солнце – жар-птица», «море – жар-птица», а парадигма с таксоном «артефакты» состоит из следующих подпарадигм: «церковь – жар-птица», «скатерть – жар-птица», «экспресс – жар-птица».

В исследовании принята точка зрения В. М. Огольцева, который включает, кроме известных показателей логической структуры сравнения, компоненты *α* и *β*, являющиеся распространителями компонентов *A* – предмета сравнения и *B* – образа сравнения. Эту модель мы проецируем и на характеристику метафор. В контекстах проанализирован каждый из компонентов логической структуры сравнения. Лексема «жар-птица» выступает не только в качестве компонента *B*, но и в отдельных случаях является компонентом *A*.

Ключевые слова: парадигмы образов, подпарадигма, лексема «жар-птица», сравнительные конструкции, логическая структура сравнения, компоненты *α* и *β*.

ВВЕДЕНИЕ

С древних пор являясь знаковым персонажем русских народных сказок, образ *жар-птицы* часто встречается в произведениях русских поэтов, в анимации и в прозаических произведениях разных жанров. В сказках жар-птица обладает необычайной яркостью, чье «перо сияло, как бы было зажжено великое множество свеч». Ранее этот волшебный персонаж был рассмотрен в статье «Образ *жар-птицы* в сказках русских писателей и искусстве» [10]. Кроме этого, лексема «жар-птица» и ее функционирование в русском языке исследованы в статье Е. Н. Зубковой [4]. Парадигмы с образом «жар-птица» построены и описаны в статье «Парадигмы образов *жар-птицы* в русской поэзии» на примере поэтических контекстов [11].

Цель статьи – проанализировать контексты из произведений известных русских писателей, содержащих лексему «жар-птица», и проследить раскрытие и трансформацию сказочного образа посредством денотатов и их распространителей.

Новизна статьи заключается в составлении парадигм и подпарадигм образов *жар-птица* и в комментировании сравнительных конструкций, в состав которых входит лексема «жар-птица».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Термин «парадигма образов» был введён Н. В. Павлович и описан в книге «Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке» [9]. По мнению Н. В. Павлович, поэтический образ представляет собой фрагмент текста, в котором разные по смыслу в общепринятом понимании понятия уподобляются друг другу [9, с. 17]. «Понять образ означает понять его парадигму» [9, с. 18]. С этой целью в исследовании были построены парадигмы образа «*жар-птица*».

Материал исследования был взят из «Национального корпуса русского языка» с последующим анализом прозаических контекстов, содержащих лексему «*жар-птица*».

В книге Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 1: “Птицы”» [5] отсутствуют комментарии изобразительно-выразительных средств. В предлагаемой статье учтены данные названного словаря, который состоит из трех частей. В I части птицы выступают в качестве образа сравнения, во II части книги птицы являются предметом сравнения, при этом иллюстративный материал не представлен. В III части словаря «“Крылья”, “Перья” как образ сравнения» приведены два контекста, связанные с крыльями *жар-птицы*. Лексема «крылья» выступает в качестве образа сравнения со сном, с пожарами, а также зафиксированы два контекста, связанные с перьями *жар-птицы*, где предметом сравнения являются *заря* и *звезды*.

В статье выделено 5 парадигм, построенных на основании признаков красоты и блеска, характерных для сказочного персонажа «*жар-птица*». В парадигмы входят такие изобразительно-выразительные средства, как метафоры, сравнения, эпитеты и синекдоха.

Разработка понятия «сравнение» восходит к таким выдающимся ученым, как М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, А. А. Потебня. Позднее изучением сравнений занимались Н. М. Девятова, В. М. Огольцев, М. И. Черемисина, Н. А. Широкова и другие исследователи.

А. А. Потебня выделил компоненты логической схемы сравнения. Ученый предложил следующую модель: а) предмет сравнения, поясняемое (*comparandum*); б) поясняющее (*comparatum*); в) посредствующий, связующий элемент, служащий “мостиком” между двумя понятиями (*tertium comparationis*) – третья величина при двух сравниваемых [12, с. 130].

В других терминах логическую структуру сравнения представил В. М. Огольцев: «Элемент *A*, иначе “тема”, компонент, выражающий элемент *B*, иначе “образ”, компонент, выражающий 3-й элемент сравнения, *C*, т. е. признак, положенный в основание сравнения... Необходимым элементом языковой компаративной структуры является также показатель сравнения *m*, указывающий в условиях образного сравнения на факт уподобления первого члена сравнения второму» [7, с. 34].

Для осмысления и комментирования сравнительных конструкций, включающих лексему «жар-птица», мы воспользовались схемой, разработанной В. М. Огольцевым, согласно которой сравнение состоит из следующих элементов: *A* (предмет сравнения), *B* (образ сравнения), *C* (основание сравнения), *m* (показатель

сравнения). Кроме этого, в конструкцию сравнения могут входить компоненты α и β , ограничивающие элементы A и B – соответственно.

Поскольку метафора – скрытое сравнение, логическую структуру сравнения применяем также при анализе метафор.

Так, признак яркого сияния был положен в основу одной из определяющих парадигм образов *жар-птица*:

Человек – жар-птица

●Женщина, женская красота – жар-птица

В сборнике рассказов Т. А. Набатниковой «День рождения кошки» героиня, приехавшая из Сирии, называет себя *жар-птицей*. Загорелая кожа и необычность наряда выделяют героиню, что является основанием для сравнения с *жар-птицей* по яркости и уникальности. Предмет сравнения (A) выражен личным местоимением «я», образ сравнения «*жар-птица*» (B) распространен прилагательным «заморская» (β).

В партнерши себе Аркадий непременно решил подыскать красавицу, но не просто вульгарно-сладенькую мордашку, а неотразимую, ослепительную женщину, такую Жар-птицу, чьей привлекательности и красоты с лихвой хватило бы на двоих (Я. Кузнецова. Любовь лилипута). Красота и необычная внешность женщины (A), которую ищет лирический герой, послужила сравнением с *жар-птицей* (B), обладающей ослепительным сиянием. Сравнение происходит на основании сияния – красоты и блеска. В контексте выделены распространители компонента A – ‘неотразимая’ (α_1) и ‘ослепительная’ (α_2). Указательное местоимение «этакая» (β) подчёркивает качества, свойственные *жар-птице*. Анализ контекста показал, что узвальное «этакая», обычно употребляемое в отрицательном значении, имеет здесь положительную коннотацию.

В рассказе Б. В. Шергина «Изящные мастера», с точки зрения персонажей контекста, обсуждаемая ими героиня «эта» (A) не имеет права вести себя «*как жар-птица*» (B).

– *Что ж, Тамара... Другие-прочие пляшут, а ты будто жар-птица привинченная. Уважь дядю, пройдишь, что ли рыбкой!* (Саша Черный. Солдатские сказки / Кавказский черт). Героиня Тамара (A), обладающая красотой, но не желающая принимать участие во всеобщем веселье, сравнивается с «*жар-птицей*» (B). Эпитет «привинченная» (β) является ассоциацией с клеткой, в которую героиня сама себя посадила.

Он [подполковник Козырев] *подбирал слова покрасивее и наконец подобрал те, которые оказались ему самыми удачными: – Жар-птица она мне. Ясно?* (Юрий Герман. Дорогой мой человек). В предтексте речь идет о технике-лейтенанте Варваре, которая была возлюбленной подполковника Козырева. «*Жар-птица*» является метафорой, выражающей восторженное отношение лирического героя к своей возлюбленной.

– *Жар-птица объявилась!.. – проговорил какой-то унтер-офицер.* (К. М. Станюкович. Смотр). Матросы назвали дочь генерала «*жар-птицей*» за ее «пугливость» к грубому обхождению – «*Не может услышать бранного слова... Сейчас испугается и... в слезы!*» С точки зрения носителей языка, *жар-птица*

представляется именно такой – осторожной, пугливой, что и послужило основанием для сравнения героини рассказа с этим фольклорным персонажем. «Объявиться I // Обнаружиться» [14, т. 2, с. 580]. В контексте глагол «объявилась» несет отрицательную окраску, поскольку в силу специфики профессии матросам сложно сдерживаться от употребления «бранных слов».

Жар-птицей (*B*) герой романа Н. Э. Гейнце «Князь Тавриды» называет гречанку (*A*), «потемкинскую затворницу» (*α*) (фаворитку графа Потемкина), за красоту и необычную внешность (*C*), которые не названы, но подразумеваются из контекста.

Смотрит только на дверь, раскрыв глаза, а в двери – чудо Пава – не пава, **жар-птица**, а в общем – баба красоты писаной [атаманша Лелька]. (Б. А. Лавренев. Ветер). В данном примере героиня (*A*) на основании своей красоты (*C*) названа **жар-птицей** (*B₁*) («такая она красавица»), далее – чудо Павой (*B₂*), затем происходит отрицание – «не пава»; завершением описания является обобщение, представленное народнопоэтическим выражением «писаная красота» (*C*): «в общем – баба красоты писаной». «Писаная красавица – такой, как на картине, очень красивый» [14, т. 3, с. 125]. «Баба. 3. прост., обычно пренебр. Женщина вообще» [14, т. 1, с. 53]. В тексте нарицательное существительное «красавица» заменяется на абстрактное имя «красота». Предмет сравнения (атаманша Лелька) существует в предтексте, а объект сравнения представляет градацию: Пава (павлин) – не пава – **жар-птица** – баба красоты писаной. Сначала возвышение образа (чудо Пава), затем отрицание (не пава), еще большее возвышение (**жар-птица**), снижение (*баба*) и снова возвышение (*красоты писаной*). Данная парадигма при сопоставлении женщины/женской красоты с **жар-птицей** является наиболее объемной с точки зрения метафор и сравнений.

● **Человек (духовный мир) – жар-птица**

– Ты ведь **Жар-Птица**, а на том дереве – просто птицы: воробьи, вороны. Они бы тебя заклевали... (А. С. Эфрон. Страницы воспоминаний). Талант и уникальность личности К. Д. Бальмонта (*A*) сравниваются с **жар-птицей** (*B*) как ярким, необычным персонажем (*C*). Кроме этого, «жар-птица» написана двумя заглавными буквами, что подчеркивает значимость поэта.

Эмоции главного героя романа А. С. Грина «Золотая цепь», вызванные услышанным разговором, ассоциируются с **жар-птицей** как с чем-то удивительным и невозможным.

В рассказе «Неумелые» М. Е. Салтыкова-Щедрина из цикла «Губернские очерки» честный человек (*A*) сравнивается с **жар-птицей** (*B*), основанием сравнения (*C*) является семантический признак 'редкость', показателем сравнения выступает союз «словно».

Нельзя быть в искусстве **жар-птицей**, а в быту мокрой курицей (З. Масленикова. Разговоры с Пастернаком). Данное изречение Б. Пастернака является перефразированием известного выражения «Талантливый человек талантлив во всем» Лиона Фейхтвангера и означает, что человек, обладающий выдающимися способностями в определенной области, не может быть посредственным и в других сферах деятельности.

● **Человек (одежда) – жар-птица**

...в соседней карете, со взводом прислуги в нарядной ливрее на запятках, барыня, разряженная, как жар-птица... (И. И. Лажечников. Ледяной дом). Эпитет «разряженная» (α) акцентирует внимание на барыне (A) и подчеркивает красоту оперения *жар-птицы* (B).

Героиня пьесы Э. С. Радзинского «Обольститель Колобашкин» Лида, одетая «во все пестрое», сравнивается с *жар-птицей*. Сравнение с *жар-птицей* (B) происходит на основании пестрых красок одежды героини, обозначенной в контексте местоимением «она» (A) одета (α) [в одежду] во все пестрое (C).

А Саша лежал не шевелясь и видел ее [Катю] – как она вошла и стоит в комнате, загорелая и румяная, в платье огненных цветов, вся пестрая, как жар-птица... (В. Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска). Предмет сравнения «она» (героиня по имени Катя) (A) в платье (α_1) сравнивается с *жар-птицей* (B) на основании цвета («огненных цветов») и пестроты (C) и распространяется определительным местоимением «вся» (α_2). В приведенном контексте отражена модель синекдохи: героиня одета в такое платье, которое по яркости сравнивается с *жар-птицей*.

Средняя сестра говорит: «Когда б на мне Иван-царевич женился, выткала б я ему кафтан становой чиста серебра, красна золота, и сиял бы тот кафтан как жар-птица» (П. И. Мельников-Печерский. В лесах). Сияние кафтана (A) сравнивается по сиянию (C) с *жар-птицей* (B), а народнопоэтические выражения «чиста серебра» (α_1), «красна золота» (α_2) усиливают предмет сравнения.

Зоонимы – жар-птица

Жар-птица часто является олицетворением красоты, поэтому, желая подчеркнуть особую внешнюю привлекательность животных, авторы прибегают к сравнению их со сказочной птицей.

● **Лошадь – жар-птица**

И. С. Шмелев в романе «Лето Господне» говорит о сходстве лошади своего отца с *жар-птицей*. Лошадь (A) через *золотистый* (α_1) и *серебряный* (α_2) цвета сравнивается с *жар-птицей* (B) с помощью слова-показателя «прямо» и определена «красавицей» (C). В контексте представлено усиление семы 'блеск' (блестит все: кожа, седло, глаза).

● **Клест – жар-птица**

Он [клест], как жар-птица, блестел и сиял на солнце (Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки). В данном контексте предметом сравнения является *птица клест* (A), образ сравнения – *жар-птица* (B), который распространяется субстантивами «блеск» (β_1) и «сияние» (β_2), основанием сравнения является словоформа «на солнце» (C).

Абстрактные понятия – жар-птица

● **Счастье/удача – жар-птица**

Часто в произведениях разных авторов прослеживается сравнение *жар-птицы* с счастьем, удачей, чем-то светлым, хорошим. Известный фразеологизм «поймать

жар-птицу» представлен в «Русской фразеологии. Историко-этимологическом словаре» [3, с. 218] в значении 'поймать свое счастье'. Устойчивое сочетание приводится и в украинском издании «Світ фразеологізмів», где «поймать жар-птицу» означает 'стать счастливым, достичь чего-то значительного' (*перевод с укр. – наш*) [13].

По мнению героя прозы Б. Васильева «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт», каждый русский человек своим трудом должен строить свое счастье – «свою **Жар-птицу**» – в зависимости от своих способностей и не надеяться на удачу или государство.

Один рассказывал: «снится мне жар-птица, снится, – раскроешь глаза – серая тоска...» (А. Н. Толстой. Хожение по мукам). Данный контекст передает мечтания героя, которые он называет **жар-птицей** среди серых будней: «раскроешь глаза – серая тоска».

На рабфак ехать, так это ж счастье, это, можно сказать, чи снится, чи якась жар-птица, черт его знает (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма). Поездка на рабфак ассоциируется с счастьем – **жар-птицей** как поездка в новую, лучшую жизнь.

Остается проселок, граждане богатыри! Вот он древний сказочный путь, по которому двинется Антилопа! Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет! Здесь еще летает догорающая жар-птица, и людям нашей профессии перепадут золотые пёрышки...» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок).

Как известно, Остап Бендер был «великим комбинатором», чьи комбинации являлись авантюрными. Исходя из этого, догорающая **жар-птица**, на которую возлагают надежду герои в предложенном контексте, обещает надежду на удачу в авантюрных делах. И хотя сказка заканчивается, а **жар-птица** уже «догорающая», еще остается надежда, что им «перепадут золотые перышки». Контекст наполнен народно-поэтическими выражениями: «сказочный путь», «русский дух», «Русью пахнет», что усиливает веру героев в их сказку и возможность найти перо **жар-птицы**.

В некоторых контекстах наблюдается трансформация известного фразеологизма «лучше синица в руках, чем журавль в небе»:

Журавль, он же моя жар-птица, далеко в небе (А. Т. Гладилин. Прогноз на завтра). Журавль (А) отождествляется с **жар-птицей** (В), компонент а – «далеко в небе» – подчеркивает несбывшиеся надежды героя на счастье и лучшую жизнь. Вторая часть фразеологизма здесь опущена.

У него теперь жар-птица в руках, до первой, конечно, аварии. И жизненной, и дорожно-транспортной (Ж. Миндубаев. Ярмарка тщеславия). Удача, хорошая жизнь в виде купленной родителями «престижной тачки» (А) сравниваются с **жар-птицей** (В), которая в руках у «юного сладкоежки» «до первой аварии» (а).

Бывает так: откроешь глаза, а в окне последняя алая полоса, и вдруг станет горько, вернуться унылые мысли, с которыми ты прилег на минутку. И чего-то жалко, как будто проспал свой божественный миг! Не украли за этот миг за окном твое счастье, не пролетела ли высоко твоя жар-птица? (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж). **Жар-птица** (А), о которой

предположительно напомнила лирическому герою «алая полоса» (а) солнечных лучей, сравнивается со счастьем (В), являющимся быстротечным и коротким, как один миг. В роли журавля здесь выступает *жар-птица*, символизирующая желанное, но недостижимое счастье.

Будущую удачу, которую представляли бумаги (А), оцениваемые в «миллион долларов» (а), героиня детективного романа А. Марининой «За все надо платить» называет *жар-птицей* (В), употребляя эпитет «волшебная» (β).

● **Счастье – хвост жар-птицы**

В парадигме «счастье – хвост жар-птицы» представлен фразеологизм «поймать... жар-птицу [за хвост]» [1, с. 899; 2, с. 502] в трансформированном виде.

...даже самые глубинные, тревоги, опасения, страхи покидают тебя, и ты несешься, несешься, точно прицепившись к хвосту неведомой Жар-птицы. Наконец-то тебе удалось уцепиться за него! (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2). Счастливый момент (А)» сравнивается с *жар-птицей* (В), показателем сравнения является союз «точно», а деепричастия «прицепившись», «уцепившись» подчеркивают значимость момента и силу желания героини не упустить свое счастье.

А вот вторично мне удалось ухватиться за хвост Жар-птицы именно в тот день, который я сейчас описала. «Мы цепко держались, и она, Жар-птица, преданно несла нас по своему удивительному маршруту. (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут: Часть 2).

В приведенных контекстах наблюдается трансформация фразеологизмов «поймать... жар-птицу [за хвост]» и «ловить за хвост что. Поймать за хвост что» разг. ирон. 1. Стремительно получить, добыть что-либо трудно дающееся; 2. Удачно находить, обнаруживать что-либо; наталкиваться на что-либо [16, с. 349]. Глаголы «ухватиться» и «цепко держались» усиливают желание героев произведения достичь своего счастья.

● **Душа России – жар-птица**

По мнению писателя Андрея Белого, «когда запад привьется к России, его охватит пожар, потому что только из пепельной смерти вылетит райская душенька – *Жар-птица*» (Андрей Белый. Серебряный голубь). В приведенном контексте на ассоциативном уровне прослеживается связь *жар-птицы* с мифической птицей феникс. Закрепленный в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» фразеологизм «восстать как феникс из пепла» с помощью лексических единиц «пожар», «сгорит» переносится на сравнение души России с *Жар-птицей*, которая должна вылететь из «пепельной смерти».

В произведении В. А. Солоухина «Письма из Русского музея» речь идет о величии, богатстве и благородстве души русских умельцев и проводится параллель их дара с «гнездом *жар-птицы*», такой же яркой и неподражаемой, как талант, которым они обладают. Этот талант, по мнению автора, берет начало в самой душе умельцев.

● **Народная красота – жар-птица**

А пока жар-птица трепещет и бьется смертно, обливаясь самоцветной кровью, под стальным глазом пулемета (Н. Клюев. Самоцветная кровь). По мнению автора статьи, «самоцветная кровь – это кровь жар-птицы» (Птица – Красота – родная

дочь древней Тайны), «которая трепещет и бьется смертно под стальным глазом пулемета». «Обливающаяся «самоцветной кровью» **жар-птица** – поруганная народная красота, пронесенная через все испытания и до поры до времени скрытая в сердце народном, которое также сокрыто под «Покрывалом Глубины», сшитым «Скорбящей Матерью» (Н. Клюев. Самоцветная кровь). Жар-птица (*B*) воплощает, по мнению автора, народные реликвии (*A*), поруганные большевиками, а оттого и обливается «самоцветной кровью» (*a*).

В романе В. Пелевина «Бэтмен Аполло» **жар-птица** входит в один ряд со сказками и церковными куполами как один из наиболее важных образов детских воспоминаний лирического героя.

Биофакты – жар-птица

● Солнце – жар-птица

...пролетела жар-птица, в одном месте ясно было, что солнце... – Смотрите, Жар-птица остановилась. В свете солнца показались громадные здания, трубы, огромный город, прекрасный, залитый солнцем, каждый дом – крепость... (М. М. Пришвин. Дневники). Через повторение причастия «озаренные» усиливается интенсивность солнечного света, охватывающего все вокруг.

Солнце (*A*) не только сравнивается со сказочной **жар-птицей** (*B*), но и отождествляется с нею.

С удовольствием оглядываешься вечером на запад, и там, как жар-птица за лапами [деревьев], – солнце (М. М. Пришвин. Дневники).

Солнце взлетело высоко в небо и сияло там, как жар-птица (Е. Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина).

Солнце (*A*) сравнивается с жар-птицей (*B*) через сияние (*C*), подобное оперению **жар-птицы**, описанному в русском фольклоре.

Солнце, растопырив огненные перья, садилось за Биржей, как жар-птица в пышную постель (В. Я. Шишков. Угрюм-река). Компонент *A* (солнце) распространяется единицами образного характера α_1 («огненные перья») и α_2 («пышную постель»). Проводится параллель лучей солнца с перьями **жар-птицы**.

Сравнение **жар-птицы** с солнцем происходит на основании необычайно яркого оперения, поскольку даже одно перо способно среди ночи создавать вокруг себя свет, подобный дневному. Эпитет «пышная» подчеркивает торжественность описанного момента.

● Море – жар-птица

Грбовщик глянул...на синее, как жар-птица, море. (А. Г. Малышкин. Люди из захолустья). В данном контексте происходит сравнение моря (*A*) с **жар-птицей** (*B*) на основании цвета – «синее» (*C*), поскольку некоторой разновидности пламени свойственен синий цвет: в нижней части пламя имеет синий цвет ввиду небольшого количества кислорода и одновременно большого – топлива. Вследствие этого топливо, не сгорая полностью, и образует оксид углерода, который, в свою очередь, и придает пламени синий цвет [15].

«Головни» (A_1) и «сучья» (A_2), летящие из костра во время драки, сопоставляются с *жар-птицей* (B) на основании свойства пламени – «горящие» (C), показатель сравнения (m) – союз «словно» (В. Я. Шишков. Угрюм-река).

Артефакты – жар-птица

● Церковь – жар-птица

А через это сама церковь с ее удивительной формой, с ее сложнейшими, но безупречными хоровыми пеньями, сама церковь – тоже как жар-птица. (В. А. Солоухин. «Письма из Русского музея»). Церковь (A) сравнивается с *жар-птицей* (B) по цвету куполов и по внутреннему убранству (C). Выделяются компоненты α_1 (форма церкви) и α_2 (хоровые пения), далее следует обобщение – возвращение к компоненту A (сама церковь). Наличие хорового пения в сравнительной конструкции свидетельствует о синестезии – звуковое (церковное пение) переходит в зрительное (*жар-птица*). В данном контексте прослеживается синекдоха – перенос золота куполов церкви на саму церковь и далее – на *жар-птицу*.

● Скатерть – жар-птица

Скатерть (A) по интенсивности своей яркости сравнивается с *жар-птицей* (B_1) и с костром (B_2), а эпитеты «яркость» (C_1), «сочность» (C_2) передают интенсивность красок (В. А. Солоухин. Владимирские проселки).

● Экспресс – жар-птица

Наконец, подошел экспресс... Был он весь залит огнями, словно жар-птица, прилетевшая из сказочной страны (С. А. Гарин. Мечта). Экспресс (A) с помощью метафоры «залит огнями» (α) сравнивается с *жар-птицей* (B), «прилетевшей из сказочной страны» (β). Сравнение происходит на основании ярких огней – «весь залит огнями» (C).

● Вулканитовые диски – жар-птица

Стертые почти до основания вулканитовые диски сбрасывались, а вместо них устанавливались новые. И опять с визгом распускались хвостами жар-птиц снопы огненных искр (В. Мясников. Водка). Искры, сыплющиеся при перепиливании вулканитовых дисков (A), сравниваются с распустившимися хвостами *жар-птиц* (B). Это конструкция с творительным метафорическим, в которой глагол «распускались» употребляется в переносном значении, метафоризированное существительное в Р. п. «хвостами жар-птиц», прилагательное в прямом значении «огненных», существительное в прямом значении в Р. п. «искр». Основанием сравнения (C) являются искры, летящие при резке металла.

ВЫВОДЫ

Таким образом, на основании анализа прозаических контекстов, содержащих лексему «жар-птица», было построено 5 парадигм, которые подразделяются на подпарадигмы: *человек* (женщина, женская красота; одежда мужчины/женщины; духовный мир человека) – жар-птица; *зоонимы* (лошадь, клест, песец) – жар-птица; *абстрактные понятия* (счастье/удача – жар-птица, счастье – хвост жар-птицы, душа России – жар-птица, красота народная – жар-птица) – жар-птица; *биофакты* (солнце, море, горящие сучья) – жар-птица; *артефакты* (церковь, скатерть, экспресс, искры

вулканитовых дисков) – жар-птица. Редко в качестве предмета сравнения выступает *жар-птица*, которая сравнивается со счастьем. Исследование показало, что фольклорный образ *жар-птицы* трансформируется в представлении современных писателей, расширяется, создается при помощи различных изобразительно-выразительных средств языка – метафор, сравнений, эпитетов, синекдохи. Представленный материал дополняет исследования Н. В. Павлович, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Мир Энциклопедий Аванта+, 2007. – 1134 с.
2. Баранов, А. Н. Тезаурус русских идиом / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Лексурс, 2018. – 888 с.
3. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко. – М.: АСТ, 2007. – 928 с.
4. Зубкова, Е. Н. Лексема *жар-птица* как номинация русской фантастической птицы и особенности ее функционирования в русском языке / Е. Н. Зубкова // Язык. Текст. Дискурс. Научно-исследовательская лаборатория «Лид». – Ставрополь, 2017. – С. 319–341.
5. Кожевникова, Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Выпуск 1: «Птицы» / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яреца. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.
7. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: монография / В. М. Огольцев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. – 160 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Оникс, 2010. – 988 с.
9. Павлович, Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М.: Азбуковник, 2004. – 528 с.
10. Петров, А. В. Образ жар-птицы в сказках русских писателей и искусстве / А. В. Петров, Е. В. Виноградова // Гуманитарно-педагогическое образование. – Севастополь, 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 61–66.
11. Петров, А. В. Парадигмы образов жар-птицы в русской поэзии / А. В. Петров, Е. В. Виноградова // Восточнославянская филология. Языкознание. Горловский институт иностранных языков. – Горловка, 2018. – № 7 (33). – С. 25–32.
12. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потебня. – Харьков: Мирный труд, 1914. – 164 с.
13. Світ фразеологізмів / сост. В. А. Забіяка, І. М. Забіяка. – Київ: Академія, 2014. – 304 с.
14. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1–3.
15. Тидеман, Б. Г. Химия горения / Б. Г. Тидеман, Д. Б. Сциборский. – Л.: ГОСТРАНСИЗДАТ, 1935. – 358 с.
16. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр. / сост. А. И. Федоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

References

1. Baranov A. N. *Slovar'-Tezaurus Sovremennoi Russkoi Idiomatiki* [Russian Russian Dictionary-Thesaurus of modern Russian Idiomatics-Thesaurus of modern Russian idiomatics]. Moscow: Mir Jentsiklopedii Avanta+, 2007. 1134 p.
2. Baranov A. N. *Tezaurus Russkikh Idiom* [Thesaurus of Russian Idioms]. Moscow: Leksurs, 2018. 888 p.
3. Birikh A. K. *Russkaya Frazeologiya. Istoriko-Jetimologicheskii Slovar'* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: AST, 2007. 928 p.
4. Zubkova E. N. *Leksema Zhar-Ptitsa kak Nominatsiya Russkoi Fantasticheskoi Ptitsy i Osobennosti Ee Funktsionirovaniya v Russkom Yazyke* [Russian Russian Firebird Lexeme as a Nomination of the Russian Fantastic Bird and the Peculiarities of its Functioning in the Russian Language]. *Yazyk. Tekst. Diskurs.* Nauchno-Issledovatel'skaya Laboratoriya Lid. Stavropol', 2017, pp. 319–341.
5. Kozhevnikova N. A. *Materialy k Slovaryu Metafor i Sravnenii Russkoi Literatury XIX–XX Vv. Vypusk 1. Ptitsy* [Materials for the Dictionary of Metaphors and Comparisons of Russian Literature of the XIX–XX Centuries. Issue 1: "Birds"]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. 480 p.
6. *Lingvisticheskii Jentsiklopedicheskii Slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Sov. Jentsiklopediya, 1990. 682 p.
7. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivye Sravneniya v Sisteme Russkoi Frazeologii: Monografiya* [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology: Monograph]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo Universiteta, 1978. 160 p.
8. Ozhegov S. I. *Tolkovyi Slovar' Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Oniks, 2010. 988 p.
9. Pavlovich N. V. *Yazyk Obrazov. Paradigmy Obrazov v Russkom Poeticheskom Yazyke* [The Language of Images. Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. Moscow: Azbukovnik, 2004. 528 p.
10. Petrov A. V. *Obraz Zhar-Ptitsy v Skazkakh Russkikh Pisatelei i Iskusstve* [The Image of the Firebird in the Fairy Tales of Russian Writers and Art]. *Gumanitarno-Pedagogicheskoe Obrazovanie.* Sevastopol', 2019, vol. 5, no 3, pp. 61–66.
11. Petrov A. V. *Paradigmy Obrazov Zhar-Ptitsy v Russkoi Poezii* [Paradigms of Firebird Images in Russian Poetry]. *Vostochnoslavianskaya Filologiya. Yazykoznanie.* Gorlovskii Institut Inostrannykh Yazykov. Gorlovka, 2018, no 7 (33), pp. 25–32.
12. Potebnyia A. A. *Iz Lektsii po Teorii Slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka* [From Lectures on the Theory of Literature. A Fable. A Proverb. Proverb]. Khar'kov: Mirnyi Trud, 1914. 164 p.
13. *Svit Frazeologizmi* [World of phraseological units]. Coll. by. V. A. Zabiya, I. M. Zabiya. Kiiiv: Akademiya, 2014. 304 p.
14. *Slovar' Russkogo Yazyka: In 4 Volumes* [Dictionary of the Russian Language: in 4 Volumes.]. Ed. by A. P. Evgen'eva. 4th ed. Moscow: Poligrafresursy, 1999. Vol. 1–3.
15. Tideman B. G. *Khimiya goreniya* [Chemistry of Gorenje]. Leningrad: GOSTRANSIZDAT, 1935. 358 p.
16. *Frazeologicheskii Slovar' Russkogo Literaturnogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. 3rd ed. Coll. by A. I. Fedorov. Moscow: Astrel': AST, 2008. 878 p.

PARADIGMS OF IMAGES OF FIREBIRD IN THE POEMS
OF RUSSIAN WRITERS

Vinogradova E. V.

The article examines the paradigms of images of firebird, which consist of two stable meanings – the left member of the paradigm (subject of comparison *A*) and the right member of the paradigm (image of comparison *B*). The image of the comparison – that is, the one with which the comparison is made – is the image created by the lexeme firebird. Five paradigms have been formed, the subject of comparison of which are: a person, a zoonym, an abstract concept, biofacts and artifacts. The paradigm is divided into subparadigms. In the paradigm with the taxon *man*, the following subparadigms are distinguished: *a woman / female beauty is a firebird, a man (his spiritual world) is a firebird, a man (clothes) is a firebird*. In the paradigm with the taxon *abstract concept*, the subparadigms are: *happiness / luck is a firebird, happiness is the tail of a firebird, the soul of Russia is a firebird, folk beauty is a firebird*. In the paradigm with the taxon *biofacts*, the subparadigms *sun – firebird, sea – firebird* are marked, and the paradigm with the taxon *biofacts* consists of the following subparadigms: *church – firebird, tablecloth – firebird, express – firebird*. The study adopted the point of view of V.M. Ogoltsev, which includes, in addition to the well-known indicators of the logical structure of comparison, the components α and β , which are the distributors of components *A* – the subject of comparison and *B* – the image of comparison. We project this model onto the characteristics of metaphors. Each of the components of the logical comparison framework is analyzed in the contexts. The lexeme «firebird» acts not only as a component *B*, but in some cases can be also a component *A*.

Key words: paradigms of images, subparadigm, lexeme firebird, comparative constructions, logical structure of comparison, components α and β .

УДК 82.09:303.725.22

КОНЦЕПТ «ОАЗИС»

В «ПУТЕШЕСТВИИ ПО ВСЕМУ КРЫМУ И БЕССАРАБИИ В 1799 ГОДУ»

П. И. СУМАРОКОВА

Галушко А. Д.

Институт филологии

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация*

E-mail: alenagalushko@rambler.ru

Предпринятый в статье анализ книги «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова позволяет наблюдать обогащение просветительской философии автора под влиянием реальных фактов стремительного преобразования Юга страны в конце XVIII века. На некогда пустынных землях появляются «новоосвоенные» Г. А. Потемкиным города; недавно приобретенные Россией (по Ясскому договору 1791 г.) пространства, облагоустроенные трудом, представляются путешественнику неким «оазисом». С другой стороны, в Крыму П. И. Сумарокову встречаются «сотворенные самою природой» «оазисы», где природа «по-матерински» представляет труженику свои богатства, обещая «в сем Эдемском краю» «услаждения жизни»; здесь человек, «огражденный от света, им оставленного, неприступными горами», обретает «следы золотого века», «бесперывные удовольствия» «природной» жизни. Т. о., философия Просвещения в тексте Сумарокова обогащается новыми реалиями промышленного созидания; выстраивается подтвержденная личными наблюдениями парадигма разумного сосуществования природы и человека, природы и «логической упорядоченности» потребностей государства, природы и научного прогресса.

Ключевые слова: П. И. Сумароков, «оазис», сентиментализм, Просвещение, Крым, Г. А. Потемкин, Николаев, Херсон, Перекоп.

ВВЕДЕНИЕ

Первое упоминание об «оазисе» восходит к началу II тысячелетия до нашей эры, когда, по египетским преданиям, «Орфей посетил долину Нила и город Оазис <...>», где был посвящён в «тайнства богов египетскими жрецами» и даровал Элладе «учение о богах, жертвоприношениях и благочестии» [15, с. 44]. В современном понимании «оазис» – «место в пустыне или полупустыне, где есть растительность и вода» [16, с. 34]. Оазис являлся не только местом возникновения поселений, но и необходимым пристанищем для странствующих. С развитием языка коннотативные возможности слова расширились: об «оазисе» говорится как о чём-то «отрадном, выделяющемся на общем мрачном фоне» [16, с. 34], «исключительном, непохожем на окружающее, преимущ. о лучшем среди худшего» [18]; в художественном тексте оазис иногда означает «пространство» (а точнее – условие) психологического комфорта, радости, удовлетворения – как, например, в стихотворении К. Бальмонта «Оазис («Ты была как оазис в пустыне...»)».

Очевидно, что переносные значения слова «оазис» генерировались художественной литературой, и главным образом – жанром пасторали. В специфическом хронотопе, присущем этому жанру [1, с. 10], художественный центр – локус, гармонирующий с природой и позволяющий наслаждаться простыми

человеческими радостями, – это «пасторальный оазис» [13, с. 214–215], противопоставленный окружающему миру и защищенный от него. В шекспировском понимании, это аналог райского сада, «где первые люди жили в блаженном неведении греха, не зная зла и не ощущая бега времени» [4]. Пасторальные мотивы, приобретя особую популярность в эпоху Возрождения, формировали специфическое мировидение [14], особую систему ценностных ориентиров, которые переосмыслились в контексте позднейших литературных эпох.

Закономерно, что константы пасторального мышления получили новую жизнь в литературе сентиментализма, нацелившейся на поиск гармоничного сосуществования личности и окружающего мира. В этом контексте художественная категория «пасторального оазиса» начала приобретать новое звучание и искать свое место в картине мира, сформированной эпохой Просвещения. Особенно четко, на наш взгляд, это проявилось в путевой литературе, где восприятие и описание нового пространства часто происходит в контрастных авторских оценках, и легко предположить появление в тексте дополнительных (индивидуальных) коннотативных вариантов понятия «оазис». **Цель** статьи – выявить авторские стилистические приемы в путевой прозе П. И. Сумарокова при описании южных районов России с их природными особенностями и рукотворными хозяйственными достижениями, способствующими не только развитию отраслей промышленности, но преобразованию местностей в гармоничном сочетании потребностей государства и важности сохранения природных ландшафтов.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Павел Иванович Сумароков (1767–1846), отправляясь в 1799 г. в странствие по еще недавно завоеванному в ходе русско-турецких войн «знаменитому полуострову», где «слава, парящая между двух морей не престаёт красить до пределов всей вселенной в золотую трубу свою мудрость, величество и кротость Российского престола» [17, с. 45], имел немногие представления о нем. К тому периоду наука и литература лишь начинали осваивать Тавриду. В распоряжении путешественника были научные описания Крыма, созданные К. И. Габлицем [3] и П. С. Палласом [12], первоначальная редакция описательной поэмы С. С. Боброва «Таврида», но это, пожалуй, и все, что могло служить Сумарокову источником точной и актуальной информации о полуострове. Отметим, что во всех упомянутых источниках основное внимание сосредоточено на природных богатствах Крыма, уникальных для Российской Империи. А потому ожидания путешественника должны были касаться именно этой сферы: разнообразных и необычных ландшафтов, экзотической растительности, субтропического климата и т. д. Одновременно, несмотря на существование пусть и редких текстов о Крыме, Сумароков должен был ощущать себя в определенной степени первопроходцем. Поясним, почему.

По мнению В. В. Орехова, «эпоха романтизма повела научный и литературный тексты о Крыме разными путями»: наука совершенствовала методологию поиска и анализа точных фактов, а литература сосредоточивалась на образном и философском осмыслении крымской истории и реальности [10, с. 202], что концептуально выразилось в известной пушкинской фразе «Мифологические предания счастливее

для меня воспоминаний исторических». Это наблюдение справедливо, но отметим, что литераторы, посещавшие Крым в более ранние эпохи, также должны были сознавать специфичность, «литературность» собственной задачи. Конечно, описательная поэма С. С. Боброва представляла собой, по существу, поэтизированное изложение сведений, собранных и опубликованных Габлицем и Палласом. Однако мы не должны игнорировать и того, что автор, во-первых, облек эти сведения в форму художественной образности, а во-вторых, придал своему тексту философское и историософское звучание. П. И. Сумароков также не мог ограничиваться лишь ролью туриста, пересказывающего факты, изложенные учеными путешественниками, или подтверждающего верность этих фактов. Очевидно, что у него была еще и чисто литературная задача, и задача эта программировалась общелитературными целями сентиментализма. Путешествие Сумарокова превращалось из привычного описания новых земель, в поиск «земли обетованной» для сентиментального лирического героя. Эта цель путешествия не декларируется, но легко просматривается. Как известно, впечатления, отраженные в тексте, «зависят не только от исторических реалий <...>, но и от психологического настроения путешественника» [11, с. 258]. И сентиментальный настрой лирического героя Сумарокова угадывается читателем с самого начала: он выстраивает маршруты «в намерении употребить праздные часы свои себе на пользу» [17, с. 4], и для этого готов переживать лишения и трудности путешествия; главное для него – «любопытство видеть», познание своего государства.

Путь до Крыма пролегал через бескрайние равнинные пространства, еще мало освоенные хозяйственной деятельностью. 15 мая начался путь от Елисаветграда (получившего свое название от воздвигнутой в 1754 году крепости святой Елисаветы, матери Иоанна Крестителя), до Николаева (названного в честь святителя Николая Мирликийского, покровителя моряков, когда русские войска в 1788 году одержали победу над турками при крепости Очаков), выдался трудным, подобным передвижению по пустыне: «Несносный жар продолжался весь день, а полуденный навстречу ветер горячим дуновением своим еще более <...> беспокоил» [17, с. 48]; «на всем оном расстоянии нет ни одного дерева», «зверей и птиц здесь весьма мало» [17, с. 48]. Однако настроение резко меняется с прибытием в «новосооруженный град», и «первый <...> взгляд на Николаев привел <...> в изумление»: «Да, поистине надобно быть на месте, чтобы иметь понятие о чудотворном преобразовании степи в течение трех лет в хороший город» [17, с. 49]. «Чудотворное преобразование степи» равноценно созданию оазиса – как выстроенной человеком гармонии цивилизованного проникновения в природу, как совершенствование ее, и при этом рост промышленности, необходимой человеку, происходит в сочетании со стремлением к красоте и совершенству.

Описание Николаева развенчивает миф о «потемкинских деревнях», так называемых «бутафорских поселениях», которые якобы строил Григорий Потемкин на пути Екатерины II из Петербурга в Крым в январе – июле 1787 г.» [2, с. 97; 9, с. 342–343]. Нет, «местоположение Николаева величественно и красиво»: «на высокой утесистой горе, при подошве коей сходятся навстречу две большие реки Буг и Ингул»; «Ингул, извиваясь удивительными излучинами, обтекает переднюю часть

города; Буг же, обошел его с правой стороны и сзади, и составив из Николаева полуостров, влечет горделиво стремительные струи свои в лиман» [17, с. 49]. Такое расположение продуманно, обусловлено стратегическим значением города, который становится местом дислоцирования штаба Черноморского флота, тыловой базой, значимым военно-промышленным комплексом. И выстраивался город по плану академика и профессора Императорской Академии художеств архитектора И. Е. Старова; «улицы в нем прямые без переулков, одинаковой ширины 15 сажен, и все сквозные, так что при начале каждой виден конец оной» [17, с. 49], как далеко виден горизонт степи. И правда, «за неокончением построений по плану, находятся в нем многие пустыри» [17, с. 49]. Но город уже «имеет до 800 домов, построенных из камня, и большею частью с колоннами» [17, с. 49], и город работает: «Адмиралтейство Николаевское есть верховное место над всеми портами Черного и Азовского морей; оно соорудило уже до сих пор три корабля, из которых последний был о 90 пушках» [17, с. 53]. Итак, П. И. Сумароков понимает «оазис» не как «благое место», которое, может, и не удастся найти в бесконечном море песка, а как «благой» результат единения природы и человеческого труда. Адмиралтейство в Николаеве хорошее тому подтверждение: «утесистая гора, пространство вод, река, покрытая судами, беспрестанное движение матросов, воздымающейся мачты, все сие представляет прекрасную картину» [17, с. 53], а «Буг влечет горделиво стремительные струи свои в лиман» [17, с. 49].

Продолжением «прекрасной картины» становится описание села Спасского (название дано согласно ордеру кн. Потемкина от 27 августа 1789 г. №1065 [5, с. 14]), «отстоящего» от Николаева «в верстах двух»: «Прекрасное это местечко находится на пологом берегу Буга, где ущелье, покрытое диким виноградом, белым шиповником и плодоносными деревьями, составляет первое гулянье всего города. Посреди сего овражка протекает чистый ручей, и прохладная тень делает убежище сие приятным. Мы прохаживались тут по изгибистым дорожкам, духовая музыка увеселяла нашу прогулку; виноградные ветви висели над головами нашими, а сильное от цветов и пахучих трав благоухание услаждало обоняние. В Спасском построен увеселительный Молдаванский дом и беседка; сделанные же здесь фонтаны снабжают весь город водою» [17, с. 54-55]. Заметим, что Сумароков использует стилистические формы романтической прозы, но это не выглядит избыточным, поскольку соседствуют с реалистическими, притом информационными деталями: «плодоносные деревья» (сад), «гулянье всего города», «духовая музыка», «увеселительный Молдаванский дом и беседка», «фонтаны» (вполне благоустроенный парк). И что важно: фонтаны не только для красоты – они «снабжают весь город водою» (сегодня они известны как Спасские источники). В описании Сумарокова не просто восхищение красотой; в его прагматичном описании присутствует, как видим, безусловное одобрение трудов по замыслу и созданию парка, который внушает обществу чувство надежности, уверенности, радости.

Культуролог М. Н. Соколов называет это явление «принципом рая» и считает, что наиболее согласующееся с таким принципом идеальности, красоты и, в то же время, «лучшим полем для наблюдений» в этом плане «являются сад и парк»: «Они погружают нас в свой <...> равным образом настоящий, осязаемый и в то же время

не совсем настоящий, примышленный-к-настоящему мир в максимальном масштабе и с максимальным обаянием» [16, с. 13]. Это ограниченное рукотворное пространство (сад, парк), дающее человеку если не полное счастье удовлетворения, то надежду на его достижение. Собственно, эти признаки по принципу и похожести восприятия характерны для оазиса в пустыне, который дарит человеку и животным спасение, обеспечивает караванные пути и развитие общества и, наконец, обретает особую силу незабываемой долгожданной красоты. «Именно садово-парковая среда, – продолжает М. Н. Соколов, – лучше всего помогает понять тот практический идеализм, пребывающий на полпути между идеей и реальностью», и тогда «деятельность автора и зрителя» очевидны, и «поэтому старинные описания остаются в данном случае самым ценным свидетельством» [16, с. 14] Исследователь подчеркивает, что «общеприемлемый для всех эпох принцип рая состоит, вероятно, в том, что он являет собою некий онтологический абсолют, где все «добро зело», составляя нерушимое природно-человеческое единство» [16, с. 15].

«Оазис» Николаева продолжается стоящим «верст пять в сторону» [17, с. 57], селом Богоявленское, переименованным Г. А. Потемкиным, согласно ордеру от 27 августа 1789 года («№ 1065), по возведенной здесь в 1773 г. церкви Богоявления Господня. В селе, как рассказывает Сумароков, «находится дворец с превеликой галереей о двух светах, хороший английский сад с проведенным для воды каналами» [17, с. 57], потому место это «весьма приятно». А за пределами Богоявленского с английским садом – «открытая на 50 верст степь, где никакого селения не находится»: саранчи здесь «такое множество, что в иных местах вся дорога ею покрыта, и земли из-под оной не видно» [17, с. 57]. Как уже было сказано, в современных исследованиях сад, парк рассматривается как последовательная потребность человека создать искусственный оазис, подобие «рая», как «отпечаток воспоминания» счастливого былого, «противоположного» реальности – тому нравственному состоянию, в каком находится человек «между реальностью и идеей», между «данным» и «заданным» [7, с. 55]. Реальность путешествия заставляет Сумарокова проститься с прекрасным селом и продолжить путь по широкому пространству пустынной степи, «где никакого селения не находится». Преодолевается граница меж созданным человеком оазисом и «глухой и необитаемой», «пустой степью», и это сопровождается психологической угнетенностью, страстной потребностью приблизиться к новому оазису – в путешествии Сумарокова это будет Херсон. Так категория пространства «как величина динамичная» обогащает «психологический контекст» [8, с. 155].

Особенность психологического восприятия увиденного Сумароковым объясняется его верой в «чудотворные преобразования», на которые способен человек, как, например, при строительстве Херсона: «Множество полков, определенных к производству в нем построений, притом великое казны иждивение, в нескольких миллионах состоящее, претворили пустую степь в течение малого времени в знаменитый город, который подал о себе великую надежду» [17, с. 58]. По отношению к состоянию развивающей здесь, как и в Николаеве, промышленности Сумароков неоднократно использует выражение «цветущее», хотя речь идет вовсе не о растениях: «Торговля явилась в цветущем состоянии; учредились конторы, и флаг

российский развевался даже у марсельских берегов» [17, с. 58]. Как патриот, радующийся успехам государства, он именно так воспринимает свершившиеся в степи преобразования и, отметим, подчеркивает их эстетическую привлекательность: «Крепость с хорошим земляным укреплением», Соборная церковь, огромный арсенал, дом комендантский, казармы, «бывшие монетный, литейный для пушек дворы и многое другое»: «Все сии строения великолепны, имеют хорошие фасады, и могли бы в самой столице служить украшением» [17, с. 59]. И все это при том, что «окружающие Херсон со всех сторон пространные степи суть причиною затруднений, также невыгодностей в получении здесь леса» и прочих, необходимых для строительства и жизни товаров. Именно поэтому растущая Одесса все более соперничала с Херсоном.

Сумароков, однако, понимает, что не везде возможно поддерживать трудоемкое и дорогое «цветущее состояние», хоть и страстно хочется ему, сентименталисту, видеть мир совершенным, гармоничным. Честность путевого описания заставляет его рассказать о находящемся в упадке Бериславле, имеющем, между тем, «изрядное местоположение»: «Нет ни одного порядочного дома, и оный, будучи составлен из лачужек, более походит на необширную деревню» [17, с. 61].) Да и дорога от Бериславля «идет тут глухой степью, и на ней, кроме выкопанных на почтах для жительства ямщикам землянок, никакого селения не находится» [17, с. 61]. Так чередой «оазисов» сменяется «пустынными пейзажами»: «По вступлении в Перекоп первый взгляду <...> явился форштат, состоящий из 11 обывательских мазанок, притом двух или трех казенных домиков» [17, с. 69], «Положение его есть на степной равнине весьма скучное, и в нем нет не только реки, даже и ручейка; <...> там три только небольшие домика, огражденные пространной степью, в числе коих было также и жительство господина коменданта!» [17, с. 69-70]. «Маленький домик его походил на пустыню, где перед окнами оногo простиралась беспредельная степь, и необитаемость с безмолвием повсюду царствовали» [17, с. 72].

От Перекопа вглубь полуострова «идет глухая степь, на плоскости которой не приметно никаких возвышений и не видно нигде селений»: «Скучное это по таким местам единообразие и пустота, где тщетно зрение стремится открыть какие-либо предметы и теряется лишь по бесконечной поверхности, продолжалось более ста верст» [17, с. 73]. Первое место в Крыму, которое начинает напоминать путешественнику «оазис», становится Симферополь, который «находится от Перекопа в 134 верстах на веселой равнине, обставленной со всех сторон грядями гор. Речка Салгир, как чистый большой родник, течет по камням подле города во всю его длину, где по другую сторону соединение плодovitых садов, подобно густому лесу, украшает весь тот берег, и делает тут местоположение весьма приятным. Гора Чатырдаг, сей величественный колосс, отстоящая отсюда верстах в 20, господствует над городом» [17, с. 73–74]. Отметим, что, в отличие от прежде описанных городов, Симферополь привлекает Сумарокова не столько конструктивным вмешательством человека в природу, ее искусственным преображением, сколько первозданностью природы.

С этого момента Сумароков начинает сознавать, что Крым – благодатное по природным достоинствам место. Книги и устные рассказы бывавших в Крыму людей

в какой-то мере уже подготовили его к восприятию природных богатств Крыма: «Любопытство мое заготовляло мне сведения на предстоящие мне места. Мне сказывали о беспокойствах, какие я претерпеть должен, о страшных по приморским местам тропинках, по которым более 200 верст не иначе, как верхом проезжать надлежит, и об удивительных, равно достопамятных вещах, кои я там увижу» [17, с. 75]. Все трудности, о которых, как пишет П. И. Сумароков, его «предуведомили» [17, с. 98], искупались незабываемыми впечатлениями. Но обратим внимание на два эпизода, которые «вписывают» эти крымские впечатления в сентиментальную концепцию миропонимания.

Уже в Симферополе, как мы отметили, лирический герой путешествия смещает свой интерес с преобразовательной деятельности человека, на феноменальное богатство природы, и это настраивает его на размышления о ее величии: «О природа! <...> Ты, рассыпая по вселенной свои богатства, велишь в одном краю пренебрегать тем, что за великую редкость поставляют в другом. Бесчисленные в игре оттенки повсюду различают твои произведения! Тут ты воздымаешь величественные кипарисы и лавровые деревья, а в той стороне и простых дубьев не даешь. Там на испещренных розами и нарциссами долинах тихие зефиры разносят по воздуху ароматы и нежат царствующую любовь <...>! Ты мать в одних местах, но мачеха в других [17, с. 47]. Этот мысленный уход от восхищения рукотворными «оазисами» в сферу постижения природных закономерностей симптоматичен – он возвращает героя к исконным представлениям о «пасторальном оазисе»: этот оазис там, где сама природа проявляет себя не мачехой, а матерью, и это место, судя по впечатлениям Сумарокова, следует искать в Крыму.

Ожидания не обманули его. Он отправляется в путешествие вдоль побережья и 11 июня оказывается в селении Кучук-Узень (ныне с. Малореченское к востоку от Алушты). Этот уголок изолирован горами от остального мира, и здесь мирно обитает «отставной штаб-лекарь грек», который оказывает путнику простой, но радушный прием. Далее следует описание местной жизни: хозяин занят сельским хозяйством на лоне природы, он обрабатывает коконы тутового шелкопряда и растит сад, ловит рыбу и собирает моллюсков на морском берегу, и, судя по всему, испытывает чувство умиротворения, невзирая на «дикость сих мест» [17, с. 91]. Автор признается, что все увиденное «посеяло в мыслях» его рассуждения, которые мы решаемся привести полностью: «Почто <...> прилепляемся мы к сему суетному и праздному миру, где нет ни дружбы, ни родства, <...> где роскошь, богатство, наглость и игра составляют все достоинства <...>? Не нашел ли бы человек в сем Эдемском краю прямых услаждений своей жизни? Небольшой его домик, построенный на морском берегу в тени зеленеющих тополей и кипарисов, имел бы вместо пышных убранств спокойствие главным украшением. Появление дневного светила и глас пастушей свирели, сопровождающей стада на пастбища, возбуждали бы его от безмятежного сна, и тысяча различных предметов призывали бы его восхищаться ими. Он видел бы нивы, обещающие богатую жатву, деревья, обремененные плодами; все дышало бы вокруг его изобилием, весельем и свободой. Книги и милый сердцу человек разделяли бы его уединение, и он, огражденный от света, им оставленного, неприступными горами, куда бы ядовитые оного стрелы достигать не могли, обрел

бы здесь следы златого века, и все часы его текли бы в непрерывных удовольствиях» [17, с. 93]. Мы потому позволили себе столь обширную цитату, что она заключает в себе идеологическую основу всех дальнейших крымских впечатлений П. И. Сумарокова: в этом «Эдемском краю» в поле его зрения попадает прежде всего красота, нетронутость и величие (пускай порою пугающее) крымских ландшафтов. С. О. Курьянов и Я. В. Рыжман убедительно показывают, что «рождается это ощущение райского края» вовсе не случайно, «что сама реальность вызывает восхищение и поклонение» [17, с. 218]. И описания Сумарокова убеждали читателя, что весь полуостров представляет собой «пасторальный оазис», не созданный воображением автора, но сотворенный самою природой, будто нарочно для идиллического существования здесь человека, склонного к простым и естественным радостям бытия, поэтическим мечтаниям и философским размышлениям.

ВЫВОДЫ

Итак, в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» мы обнаруживаем двоякое авторское понимание феномена «оазис». С одной стороны, это место среди пустыни, облагороженное человеческим трудом, преобразенное во имя процветания прогресса и просвещения. С другой – напротив, нетронутый вмешательством человека уголок богатой природы, где человек способен осознать истинные человеческие ценности. Эти представления отражают противоречие, заключенное в самой идеологии эпохи Просвещения и отразившееся чуть позднее в «Фаусте» И. Гете. Как помним, Фауст находит смысл человеческого бытия в преобразовании действительности – в грандиозном строительстве города, символизирующем неизбежность и необходимость прогресса. И это, несомненно, продукт идеологических поисков просветительской эпохи. Однако это строительство разрушает идиллический мирок Филемона и Бавкиды, служащий прибежищем простых и естественных человеческих радостей, что также провозглашалось просветителями в качестве одной из фундаментальных ценностей. П. И. Сумароков, как видим, также чутко осознал это противоречие и попытался представить в своем путешествии вариант его разрешения. Текст Сумарокова должен был подсказывать читателю мысль о том, что человек должен активно преобразовывать реальность там, где природа в отношении него выступает в качестве «мачехи», а именно – в степях Херсона, Николаева, Перекопа. Но человек не должен нарушать замыслы природы там, где она «по-матерински» представляет ему свои богатства, позволяя вести жизнь, напоминающую «золотой век» и основанную на ценностях, запрограммированных самою же природой. В качестве такого, уникального для Российского государства уголка П. И. Сумароков изобразил Крым. Это, по нашему убеждению, во-первых, оказало влияние на позднейшие осмысления крымской темы русской литературой, а во-вторых, должно быть учтено нашей современностью при хозяйственном освоении полуострова.

Список литературы

1. Алисеенко, О. Н. О некоторых особенностях пасторальной модальности и пасторального транстекста английской литературы (к постановке проблемы) [Текст] / О. Н. Алисеенко // Web of Scholar. – 2018. – № 4. – Т. 3 (21). – Режим доступа: <http://archive.ws-conference.com/wp-content/uploads/wos0205.pdf>. – (Дата обращения: 13.04.2021).
2. Бобров, С. С. Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение [Текст] / С. С. Бобров – Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798. – 278 с.
3. Габлиц, К. И. Физическое описание Таврической области по ея местоположению и по всем трем царствам природы [Текст] / К. И. Габлиц. – СПб.: Императорская тип-я И. Вейтбрехта, 1785. – 198 с.
4. Горбунов, А. Н. Пасторальный оазис (Еще раз о пасторальных мотивах в пьесах Шекспира) [Текст] / А. Н. Горбунов // Шекспировские чтения. – М.: Наука, 1993. – С. 147–160.
5. Крючков, Ю. С. История улиц Николаева. Топонимический путеводитель по городу и окрестностям [Текст] / Ю. С. Крючков. – Николаев: Возможности Киммерии, 1997. – 149 с.
6. Курьянов, С. О., Рыжман, Я. В. Крымский миф в сентиментальных произведениях П. И. Сумарокова [Текст] / С. О. Курьянов, Я. В. Рыжман // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 30 (87). – С. 216–222.
7. Миллионщикова, Т. В. Сад и оазис в русской классике XIX – начала XX в.: восприятие российской и североамериканской славистикой. (Обзор) [Текст] / Т. В. Миллионщикова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 52–58.
8. Миллионщикова, Т. В. Граница как символическая модель в произведениях русской литературы XIX в.: восприятие литературоведением США [Текст] / Т. В. Миллионщикова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2021. – № 3. – С. 148–158.
9. Орехов, В. В. В лабиринте крымского мифа [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
10. Орехов, В. В. Миф о разрушении Херсонеса: эпизод литературного освоения Крыма [Текст] / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. – Томск, 2021. – № 15. – С. 194–213.
11. Орехова, Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации [Текст] / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Псков: ПГУ, 2015. – № 1. – С. 258–265.
12. Паллас, П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области [Текст] / П. С. Паллас. – СПб.: Императорская типография, 1795. – 72 с.
13. Потемкина, Л. Я. О системе поэтики западноевропейского пасторального романа XVI–XVII века [Текст] / Л. Я. Потемкина // Системность литературного процесса. – Днепрпетровск: ДГУ, 1987. – С. 111–118.
14. Потемкина, Л. Я., Пахсарьян, Н. Т. Осмысление «донкихотовской ситуации» в романе Ш. Сореля «Сумасбродный пастух» [Текст] / Л. Я. Потемкина, Н. Т. Пахсарьян // Сервантесовские чтения. Л.: Наука, 1985. – С. 179–189.
15. Рябчиков, В. На рубежах памяти (Незавершенная книга по истории Крыма) [Текст] / В. Рябчиков. – Симферополь: Сонат, 2003. – 248 с.
16. Соколов, М. Н. Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида [Текст] / М. Н. Соколов. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 704 с.

17. Сумароков, П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. [Текст] / П. И. Сумароков / Предисл. и комм. Т. М. Фадеевой – Симферополь: Бизнес-информ, 2012. – 208 с.
18. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка в 4-х томах [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков / Фундаментальная электронная библиотека. – 2006. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>. – (Дата обращения: 21.09.2021).

References

1. Aliseenko O. N. *O Nekotoryh Osobennostyah Pastoral'noj Modalnosti i Pastoralnogo Transteksta Anglijskoj Literatury (k Postanovke Problemy)* [On Some Features of Pastoral Modality and Pastoral Transliteration of English Literature (to the Formulation of the Problem)]. *Website of the Scientist*, 2018, vol. 4, no. 3 (21). Available at: <http://archive.ws-conference.com/wp-content/uploads/wos0205.pdf>. (accessed 13 April 2021).
2. Bobrov S. S. *Tavrida, ili Moj Letnij Den' v Tavricheskom Hersonise. Liriko-Epicheskoe Pesnotvorenje* [Tavrida, or My Summer Day in Tauride Hersonis. Lyric-Epic Song-Making]. Nikolaev: Chernomorskaya Admiraltejskaya Tipografiya Publ., 1798. 278 p.
3. Gablitz K. I. *Fizicheskoe Opisanie Tavricheskoj Oblasti po Eya Mestopolozheniyu i po Vsem Trem Carstvam Prirody* [Physical Description Taurus Region for its Location and for All Three Kingdoms of Nature]. St. Petersburg: Imperatorskaya Tipografiya I. Vejtbrekhta Publ., 1785. 198 p.
4. Gorbunov A. N. *Pastoral'nyj Oazis (Eshche Raz o Pastoralnyh Motivah v Pjesah Shekspira)* [Pastoral Oasis: (Again on Pastoral Motifs in Shakespeare's Plays)]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 147–160.
5. Kruchkov Y. S. *Istoriya Ulic Nikolaeva. Toponimicheskij Putevoditel' po Gorodu i Okrestnostyam* [The History of the Streets of Nikolaev. Toponymic Guide to the City and its Surroundings]. Nikolaev: Vozmozhnosti Kimmerii Publ., 1997. 149 p.
6. Kurjanov S. O., Ryzhman Y. V. *Krymskij Mif v Sentimental'nyh Proizvedeniyah P. I. Sumarokova* [The Crimean Myth in the Sentimental Works of P. I. Sumarokov]. *Voprosy Russkoj Literatury*, 2014, no 30 (87), pp. 216–222.
7. Millionshchikova T. V. *Sad i Oazis v Russkoj Klassike XIX – Nachala XX v.: Vospriyatie Rossijskoj i Severoamerikanskoj Slavistikoj* [The Garden and Oasis of Russian Classics of the XIX – Early XX Century: Perception of North American Slavistics and Russian]. *Socialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyj Zhurnal*, 2019, no. 4, pp. 52–58.
8. Millionshchikova T. V. *Granica kak Simvolicheskaya Model v Proizvedeniyah Russkoj Literatury XIX v.: Vospriyatie Literaturovedeniem SSHA* [The Border as a Symbolic Model in the Works of Russian Literature of the Nineteenth Century: Perception by Literary Studies of the USA]. *S Socialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 7: Literaturovedenie. Referativnyj Zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 148–158.
9. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol; Nizhny Novgorod: Rastr Publ., 2017. 579 p.
10. Orekhov V. V. *Mifo Razrushenii Hersonesa: Epizod Literaturnogo Osvoeniya Kryma* [The Myth of the Destruction of Chersonese: an Episode of the Literary Development of the Crimea]. *Imagologiya i Komparativistika*, Tomsk, 2021, no. 15, pp. 194–213.
11. Orekhova L. A. *Bahchisarajskij fontan A. S. Pushkina v Literature Puteshestvij po Krymu: Problemy Interpretacii* [The Fountain Bakhchisarai by A. S. Pushkin in the Literature of Travel in the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Socialno-Gumanitarnye nauki*. Pskov: PGU Publ., 2015, no. 1, pp. 258–265.

12. Pallas P. S. *Kratkoe Fizicheskoe I Topograficheskoe Opisanie Tavricheskoy Oblasti* [A Brief Physical and Topographic Description of the Tauride Region]. St. Petersburg: Imperatorskaya Tipografiya Publ., 1795. 72 p.
13. Potemkina L. Y. *O Sisteme Poetiki Zapadnoevropejskogo Pastoralnogo Romana XVI–XVII Veka* [About the System of Poetics of the Western European Pastoral Novel of the 16th–17th Century]. *Sistemnost' literaturnogo processa*, Dnepropetrovsk: DGU Publ., 1987, pp. 111–118.
14. Potemkina L. Y., Pakhsaryan N. T. Osmyslenie "Donkhotovskoj Situacii" v Romane Sh. Sorelya "Sumasbrodnyj Pastuh" [Comprehension of the "Quixotic Situation" in the Novel Sh. Sorel "The Madcap Shepherd"]. *Servantesovskie Chteniya*. Leningrad: Nauka Publ., 1985, pp. 179–189.
15. Ryabchikov V. *Na Rubezhah Pamyati (Nezavershennaya Kniga po Istorii Kryma)* [On the Frontiers of Memory (An Unfinished Book on the History of the Crimea)]. Simferopol: Sonat Publ., 2003. 248 p.
16. Sokolov M. N. *Princip Raya. Glavy ob Ikonologii Sada, Parka I Prekrasnogo Vida* [The Principle of Paradise. Chapters on the Iconology of the Garden, Park and Beautiful View]. Moscow: Progress–Tradiciya Publ., 2011. 704 p.
17. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po Vsemu Krymu I Bessarabii v 799 Godu* [The Journey Around the Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol: Business-Inform Publ., 2012. 208 p.
18. Ushakov D. N. *Tolkovyj Slovar Russkogo Yazyka v 4–h Tomah* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes]. *Fundamentalnaya Elektronnaya Biblioteka*, 2006. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm> (accessed: 21 September 2021).

THE CONCEPT OF OASIS IN THE "JOURNEY ACROSS THE CRIMEA AND BESSARABIA IN 1799" BY P. I. SUMAROKOV

Galushko A. D.

The analysis of the book "Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov allows us to observe the enrichment of the author's enlightenment philosophy under the influence of real facts of the rapid transformation of the South of the country at the end of the XVIII century. Cities newly equipped by G. A. Potemkin appear on the once deserted lands; recently acquired by Russia (according to the Iasi Treaty of 1791), the spaces ennobled by labor appear to the traveler as a kind of "oasis". On the other hand, in Crimea P. I. Sumarokov meets "oases created by nature itself", where nature "motherly" presents its riches to the worker, promising "in this The Eden land" of "the pleasures of life"; here the person, "shielded from the light he left behind by inaccessible mountains", finds "traces of the golden age", "continuous pleasures" of "natural" life. Thus, the philosophy of Enlightenment in Sumarokov's text is enriched with new realities of industrial creation; a paradigm of reasonable coexistence of nature and a human being, of nature and the "logical ordering" of the needs of the state, of nature and scientific progress is built.

Keywords: P. I. Sumarokov, the phenomenon of "oasis", sentimentalism, Enlightenment, the Crimea, Nikolaev, Kherson, Perekop.

УДК 821.161.1.

КОНЦЕПТ «КИТ-ТОТЕМ» В ПРОЗЕ ЧУКОТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ РЫТХЭУ

Жулева А. С.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького, г. Москва, Россия
E-mail: aszhuleva@mail.ru*

Статья посвящена мифопоэтике и историзму в чукотской литературе. Рассмотрены истоки и художественные приемы создания концептуального зооантропоморфного образа кита-тотема, а также историческая специфика бытования чукотской локальной мифоритуальной культуры в скрещении с миром других эпох и под влиянием инкультурации в прозе Юрия Рытхэу. Тотемизм рассматривается как культурное средство организации среды обитания общества с древних времен, а также как категория мировидения автора, художественная основа образа. Символически кит-тотем предстает метафизическим воплощением красоты и блага, а ргіогі ниспосланного свыше для содействия жизни человека. Мифопоэтика в создании образа включает разнообразные такие приемы устного народного творчества, как оборотничество, ludum (игру), мифологемы. Концепт кит –тотем, освоенный Рытхэу из мифов, обрядов, фольклора и реальной жизни формирует художественный мир текстов, создает концептосферу его разножанровых произведений на уровне смыслов.

Ключевые слова: чукотская литература, чукотский фольклор, Юрий Рытхэу, концепт, мифопоэтика, кит-тотем, историзм.

ВВЕДЕНИЕ

Проза одного из создателей чукотской литературы Юрия Рытхэу (1930–2008) представляет современному читателю традиционную культуру, историю-жизнь древнего северного народа, живущего на северо-востоке России.

Чукотские мифы и мифологические сказания, сказки, а также обряды и ритуалы реальной жизни не только активизировали создание художественных произведений, но и легли в основу развития сюжетов, создания героев авторских легенд о происхождении и начальном этапе эволюции людей, об их первопредках. Среди них «современная легенда», по определению писателя, «Когда киты уходят» Юрия Рытхэу и его рассказ-очерк «Кит», повествующие о тотемизме, происхождении прибрежных жителей Чукотки от кита и женщины.

Появление тотемизма в сознании людей у разных народов исследователями трактуется по-разному. Одно из объяснений – отражение существовавшей у первопредков тесной связи человека и природы. Чукотские писатели внесли свой вклад в подтверждение этого варианта. Как он представлен в произведении Юрия Рытхэу? Каковы истоки его создания?

Ответы на поставленные вопросы остаются в стадии поиска. О фольклорных мотивах в творчестве Ю. Рытхэу писала в своей работе «Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие)» А. В. Пошатаева [10, с. 107–115]. Северовед Ю. Г. Хазанкович в книге «Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики», рассматривая проблему трансформации и адаптивирования фольклора в прозе, соотнесла появление современной легенды Ю. Рытхэу с развитием литературного процесса в 60–80 годах XX века, отметив интерес

Ч. Айтматова, В. Астафьева, В. Распутина и других их современников к «натурфилософской» прозе, к мифологии и фольклору. Исследователь основательно проанализировала жанровую форму произведения Рыхтэу «Когда киты уходят», рассмотрела его мифологические истоки. [17, с. 176–206]. Кроме того, появился ряд статей автора данной работы о творчестве чукотского писателя в научных журналах и сборниках, посвящена большая часть раздела книги «Три мира народов Севера» [6, с. 7–191]. Однако, локально в историко-культурном аспекте мифологический образ кита-тотема ранее не рассматривался. Этим определена **актуальность нашего исследования**.

Юрий Рыхтэу в своих многочисленных произведениях, написанных на русском и чукотском языках, формировал реальную и воображаемую символическую картину мира своего народа. Создавая художественный мир, отражающий его жизнь в историческом развитии бытия, представляя мировосприятие, традиции и обычаи, он нередко наполнял нарратив авторскими вставками, раскрывающими его философские воззрения на синкретизм человека и природы. В его произведениях немало антропоморфных объектов и персонажей, свидетельствующих о существовании в прошлом тотемизма у чукотского народа. Сюжеты, мотивы, литературные образы ряда произведений наполнены мифологическим антропоморфизмом, а также зооморфизмом, оборотничеством животных, превращающихся в антропоса, и человека, превращающегося в животное, обратным оборотничеством. Одним из загадочных и сакральных персонажей предстает перед читателем кит, являющийся, согласно легендам и его устным рассказам, тотемом рода писателя.

Цель статьи – раскрыть в произведениях Юрия Рыхтэу смысловую значимость кита-тотема как зооморфного, художественно-эстетического антропоморфного образа. **Задачи исследования:** выявить мировидение автора и описать отраженное в его произведениях «мышление истории» [Термин ввел А. В. Михайлов. См. об этом: 8] как аксиоматики чукотской культуры.

Для достижения цели мы опирались на труды Бахтина М. М., Михайлова А. В., Гачева Г. Д., Гацака В. М., Топоркова А. Л., Богораз-Тана В., Беликова Л. В., а также зарубежных исследователей Рассела Б., Леви-Брюля Л., Юнга К. и др.

В процессе исследования использованы историко-культурный подход, герменевтический, семиотический и биографический анализ, привлечены знания и методология смежных наук – философии, этнологии, эстетики, психологии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Родившийся в чукотском селении Уэлен, где морские зверобои еще и в 30-е – начале 40-х годов XX века жили, в основном, по законам патриархально-родового сообщества, были верны вековым традициям и обычаям, Юрий Сергеевич Рыхтэу формировался под влиянием архаической духовной культуры, не без воздействия шаманизма, хорошо знал мифы и фольклор народа. Он не раз признавался современникам (писателям, журналистам), что восстановить атмосферу своего детства, определившего его мировоззрение, он не смог бы без воспоминаний о традициях устного творчества и жизненного уклада, которые окружали его.

Обращение к мифологическим образам, в том числе антропоморфным, стало одним из ключевых концептов его творчества в целом. Миф, представляя собой универсальный культурный принцип всего человечества, не подпадающий под категории времени, длительности, законченности, являющийся живой структурой, впитавшей переломы в истории человека и общества, активизировал индивидуальную творческую энергию чукотского писателя.

Следует отметить, что в жизни Рытхэу был период отрицания значимости древних чукотских мифов и фольклора. Это произошло, возможно, из-за того, что обучение на литературном факультете Ленинградского государственного университета сопровождалось активным приобщением к иной культуре. Однако, он довольно быстро осознал свою неправоту, о чем открыто признался в печати, объясняя, что сделал это «в пылу полемики». Писатель вернулся к чукотским мифам, легендам и сказкам, ставшим активными помощниками ему в развитии жанров, сюжетов и мотивов, в создании нравственно-эстетических образов.

Мифологический кит-тотем стал одним из главных персонажей повести-сказки Рытхэу «Когда киты уходят» (1975), которую он назвал «современной легендой», а исследователь А. В. Пошатаева определила ее как «сказка» [10]. Сюжет произведения построен на основе мифологических представлений живущих в Уэлене чукчей о своем происхождении, о первопредках, появившихся в результате брачного союза девушки и кита.

Источником для выбора темы и развития ее в произведении могли стать бытовавшие и записанные Владимиром Богоразом и Львом Беликовым чукотские мифы и сказки. В мифах присутствуют брачные отношения женщины и кита, представлен «китовый народ». Кит становится мужем девушки и появляется на свет сын-китенок, которого она кормит грудью. Китенок обретает какие-то человеческие черты, разговаривает с матерью на человеческом языке, но растет как кит.

В современной легенде «Когда киты уходят» фантазия уводит чукотского писателя в первовремя, и он в самом начале повести представляет картины бытия единственного человека на морской прибрежной Галечной косе – дочери Солнца Нау. Описывая восприятие посланницей Небес окружающего земного мира, писатель имплицитно выражает не только мифологические воззрения чукотского народа на появление людей на их земле, но и на возникновение и развитие естественных чувств (радости, страха, любви), осознание человеком окружающего мира и себя в нем.

Земной мир для дочери Солнца изначально был неотделим от ее самой: она «чувствовала себя одновременно упругим ветром, зеленой травой и мокрой галькой, высоким облаком и синим бездонным небом». Первая жительница прибрежной косы никогда не выделяла себя из этого мира, не смотрела на себя со стороны. И главное – она ко всему, что видела как к живому, так и безмолвному, но движущемуся и пребывающему в вечном покое, относилась одинаково ровно и спокойно. Первые эмоции возникли у Нау с появлением высокого фонтана и великана-кита с его длинным блестящим телом. Он привлекал внимание девушки тем, что останавливался у прибойной черты и поднимал волны. Кит всасывал вместе с водой красные ракушки, медуз и над его головой рождалась в водяной пыли солнечная радуга и звуки рэ-у-у-у. Эта радуга притягивала и манила к себе Нау, ей хотелось,

чтобы хоть одна капля, в которой сверкало маленькое солнце, упала на ее тело. И когда однажды Нау приблизилась к киту, он погрузил ее в фонтан. Вода фонтана оказалась такой, как она ожидала, теплой, и ее обволокли желанные солнечные лучи. И тогда у девушки появилось первое незнакомое ей чувство радости.

Радость обострила восприимчивость девушки к миру, позволила ей восхищаться и наслаждаться им. Это чувство сопровождало развитие отношений между нею и превратившимся в прекрасного юношу китом, которого она назвала Рэу, используя звуки, которые раздавались при выбросе китом фонтана. Можно предположить, что по ассоциации с этими звуками киты получили и чукотское название «рэу».

Как известно, мотив оборотничества соотносится с архаической концепцией «взаимооборачиваемости» всех сторон и проявлений действительности. Для потустороннего (т. е. относящегося к иной, обратной стороне) хтонического, запредельного мира характерна «оборотность – противоположность, начиная от ритма времени (день-ночь). Поворотами отмечается рубеж между мирами.

Поведение Рэу по отношению к Нау и в образе кита, и в облике мужчины соответствовало знакам внимания влюбленного человека. Его действия представляли собой целый комплекс игровых приемов, которые позволили девушке уменьшить возникший страх и не только присмотреться, но и увлечься, испытать большую любовь.

Великая Любовь соединила героев, наполнив их счастьем, «нечто высокое и вечное горело с постоянством и силой летнего незаходящего солнца». Но по вечерам мужчина Рэу уходил в море и, превращаясь в кита, возвращался в стаю. С наступлением холодов он не оставил Нау, несмотря на сопротивление братьев-китов. Построив жилище, стал жить новой жизнью, жизнью людей, и ждать потомства. Дети, родившиеся весной, были китятами, о которых женщина заботилась и кормила грудью. К осени их пришлось выпустить из лагуны в море, и они уплыли со стаей китов. Весной следующего года у необычной семейной пары родились дети-люди. Рэу передавал детям любовь к братьям-китам как родственникам. Вместе с мальчиками он приходил к морю и пел: «Киты и люди – один народ! Мы братья моря и земли! И рождены для вечной дружбы!» [12, с. 457]. И это благотворно отражалось на бытовании первого человеческого рода, преодолении катаклизмов в суровых условиях Севера. Братья-киты подгоняли людям моржей и тюленей к берегу, способствуя добыче.

Превратившись в человека, Рэу стал образцом идеального мужчины, быстро достигшим стадии эволюции homo sapiens. Великая Любовь к Нау и детям мистически превратила его в ответственного, умелого, мудрого мужа и отца. Он изготовил лук и стрелы для охоты, кожаную лодку с парусом, построил ярангу, покрыв вбитые в землю кольца моржовой шкурой. Занимался физической и духовной подготовкой потомков к жизни.

Для усиления значимости метафоры *Великая Любовь* Рытхэу включил монолог-завещание Рэу, постаревшего и собравшегося уйти «в вечность сквозь облака, но по морской дороге». Своим к тому времени многочисленным детям и внукам он дал наказ: «Мы пришли на землю, потому что есть высшее проявление живого – Великая Любовь. Она сделала нас людьми, сделала меня человеком. И если вы будете любить

друг друга, любить своих братьев, вы всегда будете оставаться людьми... Любовь всесуща» [12, с. 458].

Увлеченный теориями возникновения моральных императивов, Рытхэу на примере отношения потомков к киту-первопредку проводит мысль о том, что изначально именно Любовь была основой разумной организации жизни, в том числе семейной, в сложных условиях Севера.

Автор-рассказчик выделяет сентенцию: Великая Любовь соединила кита и человека. В своем исследовании эпических традиций в прозе народов Севера Ю. Г. Хазанкович представляет своеобразный вариант обоснования единения кита и женщины «Эпизод физического слияния Нау и Рэу восходит, на наш взгляд, к мифологическому сюжету о “новом рождении”» [17, с. 187].

Рэу не был бессмертен, с его уходом в иной мир завершается первая из трех частей повести-сказки. Эта часть представляет собой поэтически изложенный миф. Во второй и третьей частях изображена в художественной форме историческая смена поколений чукотского народа.

Для своеобразного эксперимента по проверке вечности Великой Любви к предкам как морального принципа среди людей автор наделяет бессмертием прародительницу Нау. Оставшись вдовой, женщина становится наставницей и покровительницей человеческого рода. Она постоянно поддерживает в памяти новых поколений легенду о перевоплощении их предка кита, убеждая, что в каждом из них есть кровь и частица духа тотема. Больше того, постоянно подчеркивает то, что киты издревле оказывают прямое влияние на изобилие морских животных около Галечной косы, способствуют удаче на охоте, обеспечивая сытую жизнь людям. Намекает, что нарушение запрета их первопредка может привести и ее к гибели.

Однако со сменой поколений постепенно уходит почтительное отношение к Нау и ее наставлениям. Нередко она слышит пренебрежительные слова о родстве людей и китов и недовольство запретом охотиться на них. Вопреки запретам честолобивый, уверенный в безнаказанности, наполненный нравственным скептицизмом охотник Армагыргин изранил и загарпунил одного из безмятежно плававших вдоль берега китов. Возвращаясь домой, охотник услышал около одной из яранг стон Нау и упрек ее в том, что он убил брата. И как результат злодейства – той же ночью Вечно Живущая Нау ушла сквозь облака. А наутро на берегу вместо кита увидели неживого человека. Вдалеке же не было видно ни одного кита. Они ушли. Таково трагическое завершение жизни Прародительницы. С уходом Великой Любви закончилось ее бессмертие.

Выстраивая на основе чукотских мифов, легенд и фольклора зооантропоморфную модель истории появления первых людей на своей родовой территории, благодаря, в первую очередь, образам первопредков, Рытхэу сознательно или бессознательно использовал, как уже отмечалось, установки своего мифологического мировидения, генетически обретенного и освоенного в детстве. Об этом он не раз писал в статьях, а также рассказал в книге «Дорожный лексикон».

Автор написал эту книгу в конце жизни, после возвращения из Дании, где жил вместе с женой у своей дочери в течение десяти лет. Рукопись Рытхэу закончил, но

не успел «отшлифовать» и подготовить к изданию. Это сделали сотрудники редакции журнала «Звезда», и посмертная книга Рытхэу «Дорожный лексикон» вышла 2010 г.

Написанная в духе постмодернизма, книга «Дорожный лексикон» своеобразна по форме и художественному стилю. Выстроенные на смешении авторского сознания с сознанием героя-рассказчика, на пересечении настоящего с прошлым, видимого с потаенным, рассказы, очерки-портреты представляют читателю картины жизни чукотского народа в историческом развитии бытия. Автор, выражая собственное отношение к истории, традициям, устному народному творчеству, создал своеобразные литературные образы порой очеркового типа, нередко обращаясь к уже имеющимся в других своих произведениях описаниям, фрагментам.

Художественно-эстетический антропоморфизм в рассказе-очерке Рытхэу «Кит» из «Дорожного лексикона» актуализируется посредством включенной в него легенды о происхождении чукотского народа, описания собственного участия автора в детские годы в охоте на кита в качестве помощника, благодаря воспоминаниям о торжественной встрече жителями селения охотников с добытым китом, о народном празднике-карнавале. Завязкой стало представление читателю этого удивительного морского зверя, вошедшего с древнейших времен в жизнь приморских арктических жителей Северо-Востока Азии. Автор отмечает, что чукотский народ выделял много разных видов китов и давал им «свое обозначение». Здесь он использует общее название кита – рьэу. Для того, чтобы выделить значимость самого большого морского млекопитающего животного для прибрежных жителей, автор знакомит читателя с практическим применением жителями не только китового мяса и жира, но и китового уса, из которого изготавливали полозья для нартов, рыболовные лески. Огромные челюсти чукчи использовали для жилища, поскольку, по мнению автора, своим изгибом они как бы специально были приспособлены, чтобы из них создавать конический свод яранги, противостоящий любому ураганному ветру. Прагматизм и мудрость народа проявляется не только в умении ценить добычу, но и в бережном отношении к животному миру. Добывать можно было только необходимое для выживания человека количество как морского зверя, так и других животных.

Автор, включив в текст рассказа-очерка эпизод из личной жизни, образно представил читателю вариант восприятия процесса аккультурации, изменения мировоззренческих представлений у чукотского народа в первой половине XX в. Узнав в школе о происхождении людей не от кита (в чем он был уверен прежде), а от обезьяны, мальчик, герой рассказа, всматриваясь в снимок обезьяны, был очень огорчен и не поверил в родство с нею. Его бабушка, услышав от школьника дарвиновскую версию происхождения, стала уточнять, кто был по национальности этот ученый, и предположила, что, возможно, его народ и произошел от обезьяны. Она укоренила свое твердое мнение в сознании внука словами: «Но ты-то знаешь, кто твой настоящий предок – Кит Рьэу!» [13, с. 138].

Добычу кита-тотема, пишет Рытхэу, чукчи воспринимали как великое жертвоприношение китовой стаи, их щедрый дар человеку-сородичу. Предполагалось, что пребывающие недалеко киты слышат звуки бубна и содержание песен во время «праздника кита». Их исполнял лучший из шаманов, певец и знаток древних обычаев. Он произносил слова ответной благодарности и обращался с

просьбой о прощении за убийство кита. Для китов и моря был приготовлен ответный дар – кусочки оленьего мяса. Автор описывает в рассказе-очерке «Кит» воспоминания о чествовании добытчиков и почитании китов-тотемов в 40–50-е гг. XX в. Это происходило в самом большом классе уэленской школы, в которой учился Рытхэу. Однако в памяти писателя всплывают и другие картины, навеянные рассказами близких родственников и сородичей о «Празднике Кита». В более давние времена праздник кита проходил в специальной яранге, которая называлась «клегран» – дословно «мужской дом». Там под крышей из моржовой кожи были развешены фигуры китов и других морских животных, птиц, звучали песни, которые, как представлялось автору, были сочинены далекими предками «возможно, помнившими прапродителя чукотского народа великого Ръэу – Кита, превратившегося в человека».

ВЫВОДЫ

– Концепт «кит-тотем» реализует в произведениях Ю. Рытхэу авторскую парадигму становления и развития древней традиционной чукотской культуры как мифоритуальной, организующей духовную и материальную жизнь этноса. В частности, кит-тотем художественно воплощает идею приобщения к Великой Любви, выполняющей прогрессивные функции в обществе.

– Опираясь на философские воззрения, обретенные в процессе инкультурации, Рытхэу представляет в легенде исторический процесс воплощения советов-рекомендаций, «наказов» кита-первопредка уже как отражение воли и влияния отдельных личностей на формирование коллективных воззрений, в том числе негативных. Перед нами вариант свидетельства сложного пути развития чукотской культуры, его нелинейности.

– Для создания образа кита-тотема, ряда других образов, развития сюжета современной легенды автором привлечены архетипы, мифологемы, а также как реальные жизненные ситуации, так и мифологические и фольклорные реминисценции. Символика этнопоэтики сопряжена с чукотскими традициями, ритуалами, мировидением, житейскими идеями и эмпириями, вещественным и духовным.

Художественно изображая далекое историческое время своего народа при поддержке мифологических образов первопредков, в том числе кита-тотема, Рытхэу активизировал и передал потомкам традиционные нравственные начала, послужившие основой человеческого общества, выделил, в частности, актуальность моральных императивов в условиях этического релятивизма.

Соединяя фантастическое и реальное, сознательное и бессознательное, прошлое и настоящее, чукотский писатель создал своеобразный, наполненный таинственностью и глубоким смыслом мифопоэтический образ, приобщающий к миру идеальных ценностей и наталкивающий на размышления о национальных культурных традициях чукотского народа, об их непростом историческом пути.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Эксмо-Пресс, 2014. – 704 с.
2. Беликов, Л. В. Устное народное творчество // История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / Л. В. Беликов. - Л.: Наука, 1987. – 287 с. – С. 251–260.
3. Богораз–Тан, В. Г. Чукчи. Т.2. Религия / В. Г. Богораз-Тан. – М.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 369 с.
4. Гачев, Г. Национальные образы мира/ Г. Д. Гачев. - М.: Советский писатель, 1988. – 444 с.
5. Гацак, В. М. Устная поэтическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики / В. М. Гацак. – М.: Наука, 1989. – 254 с.
6. Жулева, А. С. Три мира народов Севера. Литературные образы / А. С. Жулева. – М.: Филинь, 2020. – 394 с.
7. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
8. Михайлов, А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика / А. В. Михайлов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 560 с.
9. Огрызко, В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Библиографический справочник. Часть 2 / В. В. Огрызко. – М.: Литературная Россия, 1999. - 545 с.
10. Пошатаева, А. В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие) / А. В. Пошатаева. – М.: Наука, 1988. – 168 с.
11. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. - М.: АСТ, 2016. – 1024 с.
12. Рытхэу, Ю. С. Когда киты уходят // Рытхэу Ю. С. Полярный круг / Ю. Рытхэу. – Л.: Советский писатель, 1983. – С. 438–515.
13. Рытхэу, Ю. С. Дорожный лексикон / Ю. С. Рытхэу. – СПб.: Журнал «Звезда», 2010. – 520 с.
14. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. - М.: Наука, 1974. – 154 с.
15. Султанов, К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект / К. К. Султанов. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.
16. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 1997. – 455 с.
17. Хазанкович, Ю. Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики / Ю. Г. Хазанкович. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 416 с.

References

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i Narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennsansa* [Creativity of François Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2014. 704 p.
2. Belikov L. V. *Ustnoe Narodnoe Tvorchestvo* [Oral Folk Art]. *Istoriya i Kul'tura Chukchej. Istoriko-etnograficheskie Oчерki*. L.: Nauka Publ., 1987, pp. 251–260.
3. Bogoraz–Tan V. G. *Chukchi. T.2. Religiya* [Chukchi. Vol. 2. Religion]. Moscow: Izd-vo Glavsevmorputi Publ., 1939. 369 p.
4. Gachev G. *Nacional'nye Obrazy Mira* [National Images of the World] Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 444 p.
5. Gacak V. M. *Ustnaya Pojeticheskaya Tradiciya vo Vremeni. Istoricheskoe Issledovanie Pojetiki* [Oral Poetic Tradition in Time. Historical Research of Poetics]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 254 p.
6. Zhuleva A. S. *Tri Mira Narodov Severa. Literaturnye Obrazy* [Three Worlds of the Peoples of the North. Literary Images]. Moscow: Filintvz Publ., 2020. 394 p.

7. Levi-Bryul' L. *Sverhtvzestestvennoe v Pervobytnom Myshlenii* [The Supernatural in Primitive Thinking]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1992. 602 p.
8. Mihajlov A. V. *Izbrannoe. Istoricheskaya Poetika i Germenevtika* [Favorites. Historical Poetics and Hermeneutics]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta Publ., 2006. 560 p.
9. Ogryzko V. V. *Pisateli i Literaturnyye Malochislennyye Narody Severa i Dal'nego Vostoka. Biobibliograficheskij Spravochnik. Chast' 2* [Writers of Small Peoples of the North and the Far East. Biobibliographic Reference. Part 2]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 1989. 545 p.
10. Poshataeva A. V. *Literaturnyye Malochislennyye Narody Severa (Istoki. Stanovlenie. Razvitiye)* [Literature of the Peoples of the North (Sources. Becoming. Development)]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 168 p.
11. Rassel B. *Istoriya Zapadnoy Filosofii* [History of Western Philosophy]. Moscow: AST Publ., 2016. 1024 p.
12. Rythjeu Yu. S. *Kogda Kity Uhodyat* [When the Whales Go]. *Polyarnyy krug*. L.: Sovetskiy pisatel' Publ., 1983, pp. 438–515.
13. Rythjeu Yu. S. *Dorozhnyi Leksikon* [Road Lexicon]. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda» Publ., 2010. 520 p.
14. *Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki* [Fairy tales and myths of peoples of Chukotka and Kamchatka]. M.: Nauka Publ., 1974. 154 p.
15. Sultanov K. K. *Ugol Prelomleniya. Literatura i Identichnost': Kommunikativnyy Aspekt* [The Angle of Refraction. Literature and Identity: a Communicative Aspect]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2019. 352 p.
16. Toporkov A. L. *Teoriya Mifa v Russkoj Filologicheskoy Nauke* [The Theory of Myth in Russian Philological Science]. Moscow: Indrik Publ., 1997. 455 p.
17. Khazankovich Yu. G. *Jepicheskie Tradicii v Proze Korennykh Malochislennyykh Narodov Arktiki* [Epic Traditions in the Prose of the Indigenous Small Peoples of the Arctic]. Moscow: FLINTA Publ., 2019. 416 p.

THE CONCEPT OF A WHALE-TOTEM IN THE PROSE OF THE CHUKCHI WRITER YURI RYTHEU

Zhuleva A. S.

The article is devoted to mythopoetics and historicism in the Chukchi literature. The sources and artistic techniques of creating a conceptual zoanthropomorphic image of a totem-whale are considered, as well as the historical specifics of the existence of the Chukchi local mythological culture in crossing with the world of other epochs and under the influence of inculturation in the prose of Yuri Rytheu. Totemism is considered as a cultural means of organizing the habitat of society since ancient times, as well as a category of the author's worldview, the artistic basis of the image. Symbolically, the whale-totem appears as a metaphysical embodiment of beauty and goodness, a priori sent from above to promote human life. Mythopoetics in creating an image includes a variety of such methods of oral folk art as werewolf, ludum (game), mythologems. The concept of a whale-totem, mastered by Rytheu from myths, rituals, folklore and real life, forms the artistic world of texts, creates the conceptual sphere of his multi-genre works at the level of meanings.

Keywords: Chukchi literature, Chukchi folklore, Yuri Rytkheu, concept, mythopoetics, kit-totem, historicism.

УДК 821.161.1.0

МОТИВ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ И РОССИИ В ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЕВА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

Шестакова Е. Ю.

*Центральная библиотека им. Н. В. Гоголя, Северодвинск, Россия
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru*

В статье раскрываются особенности художественного воплощения мотива воспоминаний о детстве и России, который получил широкое развитие в произведениях писателя первой половины XX века Ивана Сергеевича Шмелева. Аналитическим материалом исследования послужили рассказы «Как мы летали», «Весенний плеск», «Миша», «Яичко», очерк «Христова всенощная», роман «Няня из Москвы», относящиеся к периоду эмиграции и созданные писателем в 1923–1936 гг. Художественные тексты, избранные для литературоведческого анализа, содержат темы, образы и эпизоды, решенные в ключе мотива воспоминаний о детстве и Родине. В ходе исследования установлено, что мотив воспоминаний в избранных произведениях особенно тесно связан с образами детства, русского пейзажа, русского народа, пасхального яйца, темами православной веры, Пасхи, мотивом воскресения, размышлениями о смысле человеческих страданий и значении революционных событий в России. В представлении И. С. Шмелева тема детства неразрывно сопрягается с религиозной проблематикой. В завершение обоснованы выводы о том, что память о детстве и горячо любимой Родине является для автора вечной ценностью, заключающей непреложное духовно-нравственное значение.

Ключевые слова: мотив воспоминаний, тема детства, образ России, И. С. Шмелев, произведения о детстве, образ ребенка, русская литература

ВВЕДЕНИЕ

Жизненный и творческий путь Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) тесно связан с историческими процессами, происходившими в России в 1917 г. Первоначальное восторженное принятие революции сменяется полным ее отвержением после встречи в Сибири с возвращающимися из ссылки политкаторжанами. Писателю «открывается подлинный, страшный лик революции», что стало «причиной перелома в (его – Е. Ш.) мировоззрении и идеологических ориентациях» [6, с. 12]. Уехав с семьей в 1918 г. в Алушту, И. С. Шмелев переживает там страшные события – террор, ежедневные смерти окружающих людей, голод, утрату горячо любимого единственного сына. Рассмотрению переломного для писателя крымского периода посвящены многие научные работы, среди которых мы бы выделили статьи Л. М. Борисовой и Л. А. Ореховой [1, 10, 11]. В Крыму писатель решает покинуть советскую Россию, выехав в ноябре 1922 г. в Берлин, а чуть позже переселяется в Париж. Ощущение острой тоски по Родине и оставленных там дому, родным, друзьям, знакомым вызывает в сознании И. С. Шмелева неиссякающий поток воспоминаний и желание описать их в своих произведениях. «Ностальгический период» [15, с. 162] творчества И. С. Шмелева характеризуется появлением целого ряда произведений, объединенных мотивом воспоминаний о России, тесно смыкающимся с образом детства: рассказы «Как мы летали» (1923), «Весенний плеск» (1925), очерк «Христова всенощная» (1927–1928), рассказы «Миша» (1928), «Яичко» (1929), роман «Няня из Москвы» (1936).

Творчество И. С. Шмелева явилось продуктивным этапом развития, модернизации предшествовавшей русской литературной традиции, и в особенности это касается темы детства. Писатель развивает традицию литературного осмысления темы детства, заложенную еще в XIX в. Л. Н. Толстым, С. Т. Аксаковым, А. И. Герценом, К. Н. Станюковичем, Н. Г. Гариним-Михайловским и др., о чем уже говорили исследователи [2, 9, 14, 17, 18, 19]. И. С. Шмелев продолжил начатые литературными предшественниками сосредоточенные художественные поиски, и самобытный талант писателя позволил придать теме детства оригинальное, неповторимое звучание.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Как мы летали» составляет с дореволюционными рассказами «Светлая страница» (1910) и «Рваный барин» (1911) «своеобразную трилогию, несмотря на то что написаны они в разное время и каждый рассказ имеет свою законченную сюжетную линию» [8, с. 23]. Произведения объединяют «родственная повествовательная структура, <...> повторяющиеся герои» и «двуслойная структура времени: пласты тесно переплетаются: взрослый повествователь как бы воскрешает в себе ребенка, а ребенок, открывая свои впечатления, неожиданно включает в повествовательное поле размышления себя взрослого» [8, с. 23]. При этом эмигрантский рассказ отличается более выраженной трагической направленностью, звучащая в эпизоде наказания детей, в котором проявляются тема «жизни – смерти» и мотив горестного отчаяния маленьких героев.

Мотив воспоминаний о детстве задается в подзаголовке к рассказу («Из воспоминаний приятеля») и первоначальных строках: «Теперь я хорошо вспомнил прошлое» [24, с. 246]. Также в начале задается время действия произведения: «Было это на Пасхе» [24, с. 248]. Фраза «Я снова маленький» [24, с. 246] очерчивает границу, которую взрослый повествователь не решается переступить, замолкает и дает возможность рассказывать об основных событиях ребенку (себе в детстве). С этого момента изменяется язык рассказа, преобразуясь в речь героя-ребенка, наполняется характерными словами и выражениями, создающими комический эффект («у Васки были сапоги – со скрипом, на гривенник скрипу в них было; даже собаки пугались», «белые голодные зубы, которые всегда что-то грызут», «мы их и съели, кокнув о тумбочку», «выскочил, как пробка из пистолета», «Драп ржал, как жеребенок», «Пошли глазеть на зверей» [24, с. 246–250]). Вместе с тем «голос» взрослого повествователя иногда слышен в общем потоке детской речи, подчеркивая ведущий мотив текста – воспоминания автора о собственном детстве и утраченной России (Мы живем на большом дворе, – его уже нет теперь!); «Пасха, милая, далекая Пасха! красные скорлупки, по-особенному радостные, лотки с апельсинами, треск пистолетиков, гнусавый писк жестяных дудок, пиликающие гармонии приодевшихся и уже захмелевших мастеровых! Чудесно! Праздник!» [24, с. 246, 250]).

Каждому из своих друзей герой-ребенок дает меткие характеристики, полные искрометного юмора: «Васька – сын сапожника Прохора, с нашего двора. Ему лет девять, он на целую голову выше меня и такой тонкий, что может быстро пролезать

в подворотню. <...> Драп в науке у Прохора: учиться сучить драпву и носить сапоги заказчикам. Он еще выше Васьки, мордастый, кулаки у него железные, а грудь чугунная. Он часто выпячивает ее и предлагает “попробовать” [24, с. 246–247]. Повествование маленького героя включает в себя многочисленные рассказы о прошлых и настоящих проказах своих закадычных друзей: Драп насыпал «барину» навозу на шляпу-цилиндр и украл медовые пряники у старичка-лавочника; Васька постоянно попадает в неловкие ситуации (кто-то ударяет его утюгом по лбу или возводит несправедливое обвинение в краже яиц). Эти перечисления забавных происшествий передают очарование детской природы, проявляющейся в яркой жизнерадостности, избытке сил, непосредственности поведения и естественности чувств. Взрослые находятся в постоянном конфликте с юными озорниками, «лавочник, старичок Трифоныч, предсказывал <...> горькое будущее: – Уж и выйдет из тебя пе-рец!», дворник Гриша грозился наказать своей метлой, «старичок в очках ухватил за ухо» Драпа, пугающего филина в Зоологическом саду, с «площадки, где было много столиков», мальчишек «выгнали салфетками, а какой-то толстяк во фраке пообещал нарвать уши» [24, с. 247–257].

Описание отношений в мальчишеской компании носит характер правдоподобности, писатель живописует законы детской «божбы»: «Тут уж мы не поверили, но Копченый так принялся божиться, так стучал себя в грудь кулаком, что Драп задумался и велел мальчишке поцеловать крест. Мальчишка поцеловал. Тут все поверили. Драп погрозил ему кулаком, если надует, и побежал с Васькой готовиться в дорогу» [24, с. 248]. Автор дословно приводит слова детской песенки, которую «Драп лихо гикал и напевал <...>: Эх, шильце в руках, / Щетинка в зубах, / Сам при хвартуке!», передает особенности речи детей из народа («– Обей вы дураки! – сказал Драп», «пешком дойти можно?»), детские «дразнилки» («– Э, трусишка <...> барин, кошку жарил!») [24, с. 249–251]. Шмелев изобразил детей в момент открытия ими окружающего мира – нового, удивительного, необыкновенного. Так, Драп «не отрываясь смотрел, как слоны вытягивали хоботы и брали ситнички», «смотрел, зачарованный, и все повторял: – Как жрут-то! А слоны глотали и глотали ситнички, словно работали машины. Драп выставился вперед, положил подбородок на перильца и все смотрел» [24, с. 253]. Уникальный талант художника слова позволил писателю показать своих юных героев, предстающих живыми, подлинными, настоящими.

Радость детей не затмевает понимание бедности и убогости их одежды («Он был уже совсем наготове: надел старый, обсаленный сюртук без пуговиц, до самых пяток, подаренный ему хорошим заказчиком, – совсем как пальто! – надел новый картуз за три гривенника, сползавший ему на глаза, и выполоскал в луже опорки. Васька был очень нарядный: был он в пиджаке до колен и с длиннейшими рукавами, так что мог даже хлестаться, в сапогах со скрипом на гривенник, а на голенища выпустил гороховые штаны» [24, с. 246–249]), постоянное чувство голода, они беспечны, веселы и счастливы просто от того, что живут, а их представления о чистоте и нарядности собственных одеяний просты и невинны, как и они сами.

Время описываемых событий – Светлая Пасха – соотносится с радостным и безмятежным мироощущением детей, пребывающих в состоянии полной гармонии с окружающим Божиим миром. Природные образы ярко сияющего солнца и зеленых

березок в саду, осененных звоном храмовых колоколов, рисуют благодатный земной мир, ассоциативно связанный с образом райского Эдема. Герои-дети живут как первые люди, стараясь не замечать невзгод и противоречий действительности.

Эпизод, описывающий быстрый, легкий, летящий бег детей, искренне радующихся жизни и красоте Божьего мира, содержит образы-мотивы «перезвона с колоколен», «цветных гроздей шаров», «празднично висевших сахарных яичек» [24, с. 247]. Этот образный ряд органично встраивается в следующий за ним образ-воспоминание «нового сада» с «желтенькими дорожками», «зеленеющей травой», «сверкающим прудом» и «шустро перепархивающими птицами» [24, с. 251]. Автор воссоздает образ «детского» сада-рая, где радуются и наслаждаются жизнью вместе дети из простого народа и дети «господ» в «красных и синих шапочках и чистеньких пальтецах с якорьками» [24, с. 252].

Образ пасхального яйца играет ключевую роль в идейно-художественном содержании произведения. Отдельно отметим, что этот образ является сквозным для творчества И. С. Шмелева, он встречается в романе «Лето Господне», рассказе «Яичко». С пасхальными яйцами в тексте связана яркая, разноцветная колористическая гамма и мотив солнечного света: «горки красных и лиловых яиц, на которых играло солнце!» [24, с. 250]. Яички визуально и содержательно смыкаются с образами воздушных шаров: «Они так ярко сквозили на солнце, красные, синие, шуршали бочками <...>» [24, с. 250]. Пасхальные яйца и шары – важные атрибуты Светлого Праздника, воплощающие представление о радости, счастье, беззаботности детства. Обонятельные ощущения, превалирующие в восприятии героем-ребенком окружающего мира, соединяются с эмоциями «радостного праздника», пахнущего «чем-то неуловимым», и этот запах «теперь еще (для взрослого автора. – Е. Ш.) напоминает весну, синее небо и балаганы под Девичьим» [24, с. 250].

Животные наравне с детьми включаются в праздничную атмосферу пасхальной радости, цирковой слон, почувствовав особую любовь и сострадание к Драпу, что-то угадав «особенное» в «плешинках» и «серых, грустных глазах» [24, с. 255] мальчика, разделяет с ним половину предложенного яичка. Слон и маленький человек угадали друг в друге «братьев» («Слон, прямо <...> по-братски!» [24, с. 256]), дети и животные объединены Христовой любовью, не делающей различий на Своей святой трапезе.

Однако постепенно невзгоды земного мира нарушают внутреннюю райскую безмятежность детей. Поразительное открытие «о бедности» француза, которая «чего не заставит вытворять», горькое высказывание Драпа: «Эх, лучше бы и мне летать, чем в сапожниках! По крайней мере, уж либо голову сломил, либо <...>», воспоминание о горькой доле друга («И там не бьют по голове колодкой, и никто его не шпыняет там. Только теперь изба у него забита, мать померла, а всех их, пятерых братьев, роздали в люди – в сапожники и по трактирам в мальчишки») [24, с. 264, 267], несправедливое и суровое наказание матери приоткрывают перед юным героем трагизм человеческого бытия. Мечта о победе из этой жизни-неволи, где дети оказываются узниками и жертвами, беззащитными перед произволом взрослых, все больше овладевает умами мальчиков. Драп, доведенный до отчаяния, решает лучше

погибнуть во время полета на воздушном шаре, чем остаться жить в чужой семье, где его жестоко бьют, постоянно оставляют голодным и заставляют много работать.

Мир детской мечты, наполненный яркими, необычными образами (Африка, «где <...> слоны ходят под жарким солнцем, в зеленых лесах», лес, «далекое небо», «храбрые вольные французы», «веселые яркие шары», «гуляют нарядные дети под музыку, выются флаги, господа кушают за беленькими столами, звучат ясные трубы»), контрастирует с обыденным пространством «скучной, жуткой подчас жизни», состоящей из «старого двора, развалившихся сараев, угроз, криков» [24, с. 264–265]. Но жизнерадостность детства побеждает разочарование, «серость», несправедливость и жестокость окружающей реальности. Свет и чистота детства оказываются сильнее «скучной жизни», которая «опять засверкает, вот только взойдет солнце» [24, с. 268].

Мотивы воспоминаний о детстве и России организуют художественное пространство очерка «Христова всенощная», построенного как зарисовка реального события, произошедшего с писателем. А. М. Любомудров определяет, что произведение близко жанру «исповедальной прозы», в которой «писатель описывает сокровенные процессы, происходящие в его собственной душе» [6, с. 135]. Ведущим образом произведения выступает всенощная – вечерняя служба в православном храме, упоминанием о ней открывается повествование. Всенощная импонирует автору-рассказчику своим умиротворяющим воздействием на душевное состояние, проявляющимся в «утишении страстей» [23, с. 240]. Мотивы тишины («тихие песнопения»), грусти и «примирения», образ «полутемного уголка» [23, с. 240], в котором можно спокойно молиться, сопровождают образ всенощной. Вечерняя служба помогает рассказчику отбросить все суетное, «мелкое», земное, и в полной мере ощутить, что «есть иная, светлая – Божья жизнь» [23, с. 240]. Так в тексте появляются два плана – реальной действительности («горькой жизни») и инобытия («светлой Божьей жизни»). Эти два плана на протяжении всего повествования то существуют порознь, то глубоко проникают друг в друга.

Принцип контраста определяет специфику пространственной структуры очерка. Автор-рассказчик перемещается из «черного-черного осеннего вечера, с дождем», характеризуемого определением «тьма», в храм, где должна проходить всенощная, полного света («многие окна светятся в этажах») [23, с. 242] и тепла. Временная структура претерпевает изменения вместе с внешними и внутренними передвижениями повествователя, который, отстраняясь от настоящей ситуации, мысленно переносится в прошлое. В его памяти возникают картины всенощной детства, русские храмы, пространственные и временные границы раздвигаются и возносятся к понятию вечности. Всенощная служилась в апостольские времена, в России детства автора, в промозглом пригороде Парижа, и это молитвенное предстояние человека перед Господом будет продолжаться всегда и никогда не закончится.

Инобытийный план воссоздается как в пространстве внутренних переживаний автора, так и в пении всенощных псалмов, постоянно прорывающихся сквозь авторские воспоминания. Возникающая духовная реальность, реализующая в многоаспектных значениях (благословенное, благодатное детство автора; вечное

всенощное служение; молитвенная душа русского народа; образ православной России), формирует особый художественный метод писателя – «духовного реализма» [3; 6]. Суть этого метода выражается в том, что «литератор нащупывает <...> возможность нового, одухотворенного реализма – того реализма, который, давая нам внешнюю правду вещей, не утаивал бы и ее внутренней сущности, раскрывал бы в отдельных явлениях общий смысл жизни» [3, с. 577].

Образ России предстает многозначным, многоплановым, он встраивается в пространственно-временной континуум прошлого, соотносимого с ушедшим детством, возникает как реальное пространство в настоящем времени – «русские дети» из приюта, «русский квартет», поющий псалмы всенощной службы, сам автор образуют малый островок соотечественников на чужбине. Православная дореволюционная Россия продолжает жить в храмах, в непрекращающихся службах, в иконе любимейшего на Руси святого Николая Угодника. Светлое, святое пространство России противопоставляется темному, черному хронотопу «чужбины». Зарубежье видится автору оплотом физического и духовного мрака, Родина – воплощением «светлой Божьей жизни».

Образ ребенка, детства обретает в тексте разнообразное воплощение, это и апостолы, слышащие обращенные к ним слова Господа: «Дети! Есть ли у вас какая пища? Они отвечали Ему: нет. Он же сказал им: закиньте сеть по правую сторону лодки <...>» (Ин. 21:5–7), и мальчики из приюта – «русские дети, <...> которые много претерпели в жизни» [23, с. 240]. «Христоцентричность» [5; 3] авторского мышления снимает границы, разделяющие реальное и инобытийное пространства, Господь оказывается «здесь, в этой комнате, при дороге, – Храме» [23, с. 240]. Он обращается с вопросом о «пище» ко всем Своим «детям» – и апостолам, и воспитанникам приюта, и самому автору. Ведь все они – униженные, страдающие от физического и духовного голода, потерянные, но бесконечно любящие Господа, молитвенно взывающие к Его благодатной помощи. И Господь готов всех напитать, утешить, обогреть Своей Любовью и Милосердием. В финале очерка звучит благодарность автора-повествователя Богу, который сотворил «чудо» – «коснулся его души», «явился в звуках молитв чудесных, оживотворивших душу» и привелшую сердце в «движение и трепет» [23, с. 240].

Мотив воспоминаний о детстве и русском народе является ведущим в рассказе «Весенний плеск». Начало произведения выдержано в минорных тонах, рассказчик находится «у чужой реки», окруженной «черными сучьями чужих деревьев» [20, с. 107]. Но воспоминания о счастливом эпизоде, произошедшем во время Пасхи в детстве, помогают автору преодолеть уныние и ощутить настоящую радость в день Светлого Праздника. Развитие темы счастливого детства, ключевой для данного текста, организуется повтором цветowych эпитетов «золотой», «голубой» и «белый» (небо – «золото голубое», «золотятся на ней овсинки», «золотая вода течет», «почки на них (тополях – Е. Ш.) золотятся», «белый ледок», «голубовато снежком белеет», «белые утки», «белые огоньки на них», «лужицы голубые»), использующихся при описании природы, а также мотивов света и блеска («сочится стеклянным блеском», «сверкающей сетке капель», «сыплется с крыши блеском», «тополя светлеют») [20, с. 107–108]. Природа словно нарядилась в Праздник, как и маленький герой

(повествователь в детстве), и даже цвет их одеяний одинаков: «<...> мое весеннее пальтецо, синее, с золотыми якорьками» [20, с. 108]. Образ солнца вписан в контекст праздничного состояния мира, «оно – везде»: «<...> играет в колокола, гудит, и звенит, и плещет, и хочется заплясать, запрыгать» [20, с. 108]. Мотивы радости, смеха, игры получают развитие в образах «перезвонов пасхальных», «перехода по доскам, до сада», «смеющихся колоколов, уток, кур, орущих на бревнах, кота, махнувшего на крышу в снег, голубей, вдруг взметнувшихся на хлопающих крыльях, плещущей лужи» [20, с. 109]. Возникает образ мира, в котором «все смеется, звенит, играет» [20, с. 109]. Природа, окружающие люди и предметы преобразуются чудом воскресения Христа, обновляются, становятся «совсем другими»: «и сосульки, и последний снежок на крыше, и пестрые бабы за забором, в зеленых и красных юбках, <...> и лужи, и красные шары, <...> и синие <...>» [20, с. 108].

Центральный герой рассказа – Михайла, «который тесал лопаточку», сполна одаривает героя-ребенка своей любовью и радостью, «садится, будто играет в коршуна, <...> схватывает (мальчика. – *Е. Ш.*) и <...> поднимает на страшную высоту, над страшной лужей» [20, с. 108]. Ребенок ощущает огромную любовь, исходящую от искренних объятий Михайлы: «Я его очень люблю. Я закрываю глаза от ужаса, от счастья» [20, с. 109]. Сила этой любви настолько велика, что мальчик запомнит этот миг на всю оставшуюся жизнь, ощущая глубокое духовное родство «с миром русского мужика, с его лукаво-веселыми глазами, то ясными, как вода, то омрачающимися до черной мути, со смехом и бойким словом, с лаской и дикой грубостью» [20, с. 110].

Образ чистого и безгрешного ребенка, связанного с воспоминаниями автора о собственном детстве и утраченной Родине, является главным в рассказе «Миша» (вариант неоконченного романа «Кошкин дом»). «Взрослые» персонажи, окружающие трехлетнего Мишу, – няня Домнушка и конюх Антип; время создания произведения (1928 г.), избранный ракурс изображения (ориентированность на передачу точки зрения героя-ребенка) свидетельствуют о том, что рассказ, возможно, являлся небольшой художественной зарисовкой, послужившей основой для некоторых эпизодов романа «Лето Господне» (1927–1944).

В тексте автором воссоздается не только детское мировидение («Ситцевые занавески, бегают по ним собаки, летят утки, и большой человек машет из травки палкой»), но и передаются особенности детской речи («И все собаки, и утки, и много человек», «Человеков там нет, и даже дворников там нет») [22, с. 257]. Простейшие сравнения («кошка была красная, как крыша», «другая кошка, серая, как забор» [22, с. 257]) призваны показать специфику детского мышления и возможности для соотнесения цветов и предметов трехлетним ребенком.

Автор показывает наивные представления героя о доброй и злой силах, противоборствующих в мире, заимствованные из рассказов няни. В детском восприятии «звездочки – глазки Божьи», а в «Кошкином доме живут они, – надо перекреститься только! – и не надо говорить – “черти”, а так, – они» [22, с. 257]. Сведения о чертях, живущих в загадочном и страшном Кошкином доме, вызывают в ребенке сильнейшее любопытство. Диалог Миши с Домнушкой выстраивается в соответствии с «детской» логикой, где основным предметом обсуждения становится

возможность поедания чертями снега, наличие у них лежанки и способность испытывать холод. Сон «о них», которые замерзли и «просились в тепло» [22, с. 258], вызывает в Мише страх и одновременно жалость и сострадание. Любящее сердце ребенка готово приютить всех, кто мучается, и впустить в тепло своей комнатки, освещенной огоньком лампы. Даже тараканы, «спящие на столе, около кружки с квасом» [22, с. 258], находят приют в светлом, теплом мире ребенка, осененном Божьей благодатью.

Конюх Антип является непререкаемым авторитетом для Миши («Антипу все известно» [22, с. 258]), носителем знания о таинственном инобытийном мире. Он с твердой убежденностью рассказывает ребенку о «хозяине», который «приходит ночью» и «ходит у лошадей, следит, не украли ли овсеца у них» [22, с. 258]. Конюх открывает Мише традиционные народные представления о том, что обычные предметы, вещи (метла, ворота, самовар), насекомые (тараканы), животные (конь Чалый) и весь окружающий человека мир является единым живым организмом, способным жаловаться на свою судьбу, чувствовать будущие несчастья (смерти, пожары), «скучать» по убранному кресту. Эта мудрость в глазах ребенка обретает значение невероятной глубины, такой, что он сравнивает Антипа со святыми с иконок няни. Святость конюха подтверждается тем обстоятельством, что он «из уважения поднял и повесил» в конюшне медный крест и освященный подсолнух, чтобы его не затоптали [22, с. 259]. Естественное соединение в мировоззрении Антипа языческих и христианских верований неведомо Мише, ребенок лишь ощущает духовную красоту, любовь и доброту, лежащих в основе народного видения окружающего мира, где протянутый лошадям хлеб освящается крестным знаменем, а молодой конь не просто воспринимается таким же ребенком, как и человеческое дитя, но наделяется большей мудростью, дарованной Богом «для пропитания» [22, с. 260].

Мотив святости мировосприятия, характерный для сознания русского народа, нашел продолжение в рассказе «Яичко». Няня маленького героя научила его вглядываться в панорамку «сахарного яичка» и видеть там «живого ангелочка» [23, с. 196]. Детская привычка подходить к киоту, «когда бывало горе» и, вглядываясь до «счастливых слез» [23, с. 196], получать утешение и ощущать свет, исходящий от Христа, который есть Любовь, сохранилась у автора-рассказчика на всю жизнь. Исповедальный характер присущ и этому произведению, образ повествователя здесь сливается с личностью автора, выражающего собственные сокровенные мысли и переживания.

Православная Пасхи, весна и детство показаны сквозь призму авторского восприятия. Повествователь выстраивает контрастную оппозицию: пространство Зарубежья противопоставляется России детства. Весна на чужбине совершенно не вызывает ощущение святого Праздника, в ней все заемное, ненастоящее, ложное: «каштаны в “свечках”» и «жесткие деревья, плачущие сажей», вместо «пушистой вербы» и «березок вольных», беспрестанный осенний дождь не предвещает появления традиционных для русской весны «снега пльвучего, криков петухов разливных, журчливых канавок под ледком» [23, с. 195]. В чужом краю «нет пробужденья, нет улыбки ясной, как у нас» [23, с. 195].

Образ русского неба в восприятии автора-рассказчика неразрывно связан с началом человеческой жизни («как полог над моей кроваткой», «свежим, все заливаешь новым»); символизм цветовой гаммы («светлое, голубоватое»), мотив света («всегда в сиянье»), образы «белых голубей» и «крестов колоколен» [23, с. 195–196] актуализируют значение святости Родины и детства. Образ неба Родины антиномичен небу Зарубежья, в основе этой противопоставленности лежит принцип «живого» («мое живое небо») / мертвого. Синэстетические ощущения повествователя («пахнет звездными ночами, мерзлым треском») [23, с. 196] дополняют картину-воспоминание.

Вопрос рассказчика о радостях детства («Где радость, заливающая сердце, – радость ни с чего как будто?») подразумевает ответ: радость в детстве ощущалась «и в щебетанье воробьев в пустых деревьях, в блеске засочневших почек, и в блеске первых камушков на мостовой, и в первых лужах, и в будто потеплевшем звоне, тающем, весеннем» [23, с. 195]. Иными словами, счастье с избытком наполняло пространство России – прекрасного благодатного Божьего мира, где воскресший Христос воспринимался как абсолютная реальность.

Образ пасхального яйца в рассказе выступает как образ-символ России и детства. В основе трактовки этого образа также лежит принцип контрастности. Мотивы темноты, тяжести, омертвелости сопровождают тему зарубежной Пасхи: «В витринах – груды яиц из шоколада, темных. Грузные они, повязанные лентами, немые» [23, с. 195]. Напротив, русское пасхальное яичко детства – «на золотом колечке и красной ленточке» – «живое», «сахарное» [23, с. 195], радостное, настоящее. Символика золотого цвета ассоциативно восходит к образу «золотого» счастливого детства, красный цвет воплощает семантику избытка и полноты жизни, свойственных мировосприятию ребенка, определение «сахарное» выражает ощущение наслаждения и радости бытия. Образ пасхального яичка детства преодолевает временные границы, вступая в пространство вечной памяти, которая будет жить всегда в душе автора: «Здесь оно, со мной. Не потускнело, не побилось, на золотом колечке, в сердце <...>» [23, с. 196]. Мотив святости яичка, детства и России становятся органической составляющей идейно-художественного содержания рассказа. Темы священной памяти о детстве и любви к России, смыкающиеся с мотивами «чудесного» и «далекого», оставленного в прошлом, но вечно живого благодаря бережно хранимым воспоминаниям, обретают в произведении особую силу художественного звучания.

В романе «Няня из Москвы» мотив воспоминаний о России становится доминантным, сквозным, определяющим основное ценностно-содержательное наполнение произведения. Роман «целиком стилизован под сказ», где рассказчик (Дарья Степановна Синицына) «несет и чисто сюжетную функцию, то есть вступает в орбиту действий с остальными персонажами как стоящий на определенной социально-профессиональной позиции», «с этой позиции он дает свое мнение и толкование тем процессам жизни, свидетелем которых он является» [16, с. 77]. Роман строится как беседа героини с бывшей знакомой «барыни», в семье которой она была няней. Перед читателем разворачиваются воспоминания Дарьи Степановны о жизни в дореволюционной России и в эмиграции.

Тема детства в романе представлена фрагментарно, ей посвящены эпизоды о детских годах Кати – воспитанницы главной героини. Няня как глубоко верующий человек старалась привить девочке любовь к православному храму и молитве, что безбожными родителями не приветствовалось и гневно отвергалось: «Они ее до ученья ни одной молитве не обучили. <...> Не смей Катюньчика глупостям учить, – барыня мне, – в молитвах твоих она все равно ничего не поймет» [21, с. 41]. Задачей матери было «сделать» из дочери «своевольного человека», который «сам всего добивается», а «не на Бога надеется» [21, с. 41]. Чистая душа ребенка доверчиво открывается в любви к Богу, маленькая Катя с удовольствием посещает церковь, куда ее водит няня втайне от родителей. Девочка уже способна понять: «<...> мамотька Боженку не любит, а мы любим» [21, с. 42]. Сознание ребенка формируется под воздействием разных мировоззрений: религиозного (со стороны няни) и светского, основывающегося на учении Ч. Дарвина (от матери). Дарья Степановна вспоминает уроки «барыни», содержавшие идеи возвеличивания человека («Все, что ни есть, он может») и одновременно уподобление его животным («И собачьи кости показывала, – одинаки, говорит») [21, с. 42].

Материнские взгляды оказались сильнее, плодами такого воспитания стало «своеволие» Кати. Девочка начинает отказываться от ношения креста, оскорблять и унижать няню («В лицо мне стала плевать», «Глупая ты, мамочка говорит, деревня ты!»), противоречить ей («Да еще спориться принялась») и даже бить («<...> по щекам хлестать», «<...> она меня прыгалкой по глазу, залился глаз») [21, с. 42–50]. В итоге из Кати выросла самолюбивая кокетка («<...> и тогда уж глазками поводила – красовалась», «<...> уж очень собой-то занималась» [21, с. 48–58]), актриса, любящая все показное, внешнее, с благосклонностью принимавшая обожание мужчин. Девушка вела себя эгоистично, мечтала о богатстве и любви окружающих, но сама не была готова отдавать свое душевное тепло и внимание. Катя, с точки зрения няни, дошла до страшного кощунства: «потешалась» над святым Иоанном Предтечей, участвуя в театральной постановке. Девушка не оценила настоящую любовь Василия Коврова, самонадеянно и высокомерно ответив отказом на его предложение.

Внутренние изменения в душе Кати начинаются после испытаний, последовавших за революцией 1917 г. Потеря родителей, необходимость самой зарабатывать, чтобы не умереть с голоду, гибель дома и необходимость расставания с родиной, потрясение от страданий белых офицеров, – все эти события становятся причиной значительных перемен в мировоззрении девушки. Она вспоминает то, чему учила ее няня в детстве, начинает посещать храм, обращается к молитве, осознает, как глубока и неподдельна к ней любовь Василия Коврова, поступает работать сестрой милосердия в Крыму. Путь Кати – это во многом путь и самого писателя, о чем очень верно сказано Е. А. Осьминой: «Горячая, искренняя вера заменила прежний “нравственный идеализм” Шмелева – таков итог свержения последнего кумира (речь идет о кумирах революции, политики, культуры. – *Е. III.*)» [12, с. 209]. В. П. Рябушинский отмечал, что поскольку «детство и отрочество Шмелева прошло под знаком духовного здоровья» [19, с. 350], это в зрелые годы помогло ему вернуться к вере и написать произведения об искренней, неподдельной любви человека к Богу.

ВЫВОДЫ

Мотив воспоминаний о детстве и России является сквозным, ведущим в эмиграционном творчестве И. С. Шмелева. Развитие этого мотива обусловлено трагическими жизненными обстоятельствами, основным из которых стало расставание с Родиной. Образ России в авторском сознании неразрывно связывается с детством, русской природой, русским народом и православной верой. Детство предстает счастливой, безмятежной, «золотой» порой, а трагические события, неизбежно сопровождающие детские годы, не затмевают радостное мировидение и мирочувствование ребенка. Тема Пасхи и образ-символ пасхального яйца, смыкающиеся с темой детства и Родины, обретают значение счастья, радости, полноты бытия, избытка жизненных сил. Мотив воскресения, заключенного в пасхальной тематике, переносится на актуальное внутреннее состояние автора-повествователя, способствуя оживлению духа, угасающего в унынии и отчаянии. Художественное осмысление автором значения революционных событий в России приводит к неожиданным выводам: страдания и потрясения, последовавшие за ними, способствовали духовному возрождению русского народа. Заложенные в детстве любовь и вера в Бога помогают взрослому человеку вернуться к духовным истокам бытия и обрести душевное равновесие.

Список литературы

1. Борисова, Л. М. Публикации И. С. Шмелева в севастопольских газетах «Юг», «Юг России» [Текст] / Л. М. Борисова // Крымский архив. – Симферополь, 1994. – № 1. – С. 125–127.
2. Борисова, Л. М., Дзыга Я. О. Продолжение «золотого века»: «Пути небесные» И. С. Шмелева и традиции русского романа [Текст] / Л. М. Борисова, Я. О. Дзыга. – Симферополь: Таврический национальный университета им. В. И. Вернадского, 2000. – 144 с.
3. Дунаев, М. М. Православие и русская литература: в 6 ч Ч. 5 [Текст] / М. М. Дунаев. – М.: Христианская литература, 2001–2004. – 780 с.
4. Есаулов, И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции [Текст] / И. А. Есаулов // Новый мир. – 1992. – № 10. – С. 232–242.
5. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе [Текст] / И. А. Есаулов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 287 с.
6. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев [Текст] / А. М. Любомудров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.
7. Любомудров, А. М. Иван Сергеевич Шмелев. Биография [Текст] / А. М. Любомудров // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 9–20.
8. Макарова, Л. А. Воцерковленная Россия в художественном изображении И. С. Шмелева: Малые жанры прозы [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.01 / Л. А. Макарова – Москва, 2007. – 28 с.
9. Орехов, В. В., Чжан М. «Вокруг света на “Коршуне”»: «взрослая» повесть для детей [Текст] / В. В. Орехов, М. Чжан // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2019. – Т. 5 (71). – № 2. – С. 67–93.
10. Орехова, Л. А. История профессора Голубева по архивным документам: материалы к изучению «Солнца мертвых» И. С. Шмелева [Текст] / Л. А. Орехова // Наследие

- И. С. Шмелева: Проблемы изучения издания. Сб. материалов междунар. науч. конференций 2003 и 2005 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 356–367.
11. Орехова, Л. А. «Солнце мертвых»: крымский текст и крымский архив [Текст] / Л. А. Орехова // Крымский текст в русской культуре. Материалы научной конференции. – Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006. – СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 2008. – С. 190–202.
 12. Осьминина, Е. А. «Крушение кумиров» [Текст] / Е. А. Осьминина // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 198–212.
 13. Рябушинский, В. П. Детство и отрочество Шмелева [Текст] / В. П. Рябушинский // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 343–351.
 14. Савина, Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. : Л. Н. Толстой «Детство», С. Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н. Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»: автореф. дисс ... д. филол. н. : 10.01.01 / Л. Н. Савина. – Волгоград, 2002. – 40 с.
 15. Смирнова, М. Г. Пути земные [Текст] / М. Г. Смирнова // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 134–171.
 16. Сорокина, О. Н. Творческий путь И. С. Шмелева в эмиграции [Текст] / О. Н. Сорокина // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – С. 60–87.
 17. Цирулев, А. Ф. О жанровой специфике автобиографического цикла Н. Г. Гарина-Михайловского [Текст] / А. Ф. Цирулев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4 (46). – Ч. I. – С. 203–205.
 18. Чжан, М. Принципы циклообразования в маринистике К. М. Станюковича [Текст]: дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / М. Чжан. – Симферополь, 2020. – 225 с.
 19. Чуркин, А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики [Текст]: дисс. ... к. филол. н.: 10.01.01 / А. А. Чуркин. – СПб., 2013. – 233 с.
 20. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – 512 с.
 21. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Рождество в Москве. Роман. Рассказы [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1998. – 352 с.
 22. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 6 (дополнительный). История любовная. Романы. Рассказы [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1999. – 512 с.
 23. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (дополнительный). Это было. Рассказы. Публицистика [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 1999. – 592 с.
 24. Шмелев, И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 8 (дополнительный). Рваный барин. Рассказы. Очерки. Сказки [Текст] / И. С. Шмелев. – М.: Русская книга, 2000. – 608 с.

References

1. Borisova L. M. Publikatsii I. S. *Shmeleva v Sevastopol'skikh Gazetakh «Yug», «Yug Rossii»* [Publications of I. S. Shmelev in the Sevastopol Newspapers *Yug, Yug Rossii*]. *Krymskii Arkhiv*. Simferopol', 1994, no. 1, pp.125–127.
2. Borisova L. M., Dzyga Ya. O. *Prodolzhenie Zolotogo Veka: Puti Nebesnye I. S. Shmeleva i Traditsii Russkogo Romana* [Continuation of the Golden Age: The Ways of Heaven by I. S. Shmelev and the Traditions of the Russian Novel]. Simferopol': Tavricheskii Natsional'nyi Universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2000. 144 p.
3. Dunaev M. M. *Pravoslavie i Russkaya Literatura: v 6 Ch. Ch. 5* [Orthodoxy and Russian Literature]: in 6 Chapters. Chapter 5. Moscow: Christian Literature Publ., 2001–2004. 780 p.

4. Esaulov I. A. *Prazdniki. Radosti. Skorbi. Literatura Russkogo Zarubezhya kak Zavershenie Traditsii* [Holidays. Joy. Sorrows. Literature of the Russian Diaspora as the End of a Tradition]. *Novyi Mir*, 1992, no. 10, pp. 232–242.
5. Esaulov I. A. *Kategoriya Sobornosti v Russkoi Literature* [The Category of Sobornost in Russian Literature]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo Universiteta, 1995. 287 p.
6. Lyubomudrov A. M. *Dukhovnyi Realizm v Literature Russkogo Zarubezhya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev* [Spiritual Realism in the Literature of the Russian Diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 272 p.
7. Lyubomudrov A. M. *Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya* [Ivan Sergeevich Shmelev. Biography]. *Dukhovnyj Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 9–20.
8. Makarova L. A. *Votserkovlennaya Rossiya v Khudozhestvennom Izobrazhenii I. S. Shmeleva: Malye Zhanry Prozy: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Churched Russia in the Artistic Image of I. S. Shmelev: Small Genres of Prose. Abstract of Thesis]. Moscow, 2007.
9. Orekhov V. V., Chzhan M. *Vokrug Sveta na Korshune: Vzroselaya Povest' dlya Detei* [Around the World on the Kite: Adult Story For Children]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*. Simferopol', 2019, Vol. 5 (71), no. 2, pp. 67–93.
10. Orekhova L. A. *Istoriya Professora Golubeva po Arkhivnym Dokumentam: Materialy Izucheniya Solntsa Mertvykh I. S. Shmeleva* [The Story of Professor Golubev according to Archival Documents: Materials for the Study of the Sun of the Dead by I. S. Shmelev]. *Nasledie I. S. Shmeleva: Problemy Izucheniya Izdaniya. Sb. Materialov Mezhdunar. Nauch. Konferentsii 2003 i 2005 gg.* Moscow: IMLI RAN Publ., 2007, pp. 356–367.
11. Orekhova L. A. *Solntse Mertvykh: Krymskii Tekst i Krymskij Arkhiv* [The Sun of the Dead: the Crimean Text and the Crimean Archive]. *Krymskii Tekst v Russkoj Kul'ture. Materialy Nauchnoi Konferentsii (Sankt-Peterburg, 4–6 Sentyabrya 2006)*. Saint-Petersburg: Izdatelstvo Pushkinskogo Doma, 2008, pp. 190–202.
12. Os'minina Ye. A. *Krushenie Kumirov* [The Crash of Idols]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 198–212.
13. Ryabushinskii V. P. *Detstvo i Otrochestvo Shmeleva* [Shmelev's Childhood and Adolescence]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 343–351.
14. Savina L. N. *Problematika i Pojetika Avtobiograficheskikh Povestei o Detstve Vtoroi Poloviny XIX V.: L. N. Tolstoi Detstvo, S. T. Aksakov Detskie Gody Bagrova-Vnuka, N. G. Garin-Mikhailovskii Detstvo Tyomy: Avtoref. Dis. ... Doct. Filol. Nauk* [Problematics and Poetics of Autobiographical Stories about Childhood of the Second Half of the 19th Century: Childhood by L. N. Tolstoy, The Childhood Years of Bagrov the Gandson by S. T. Aksakov, Childhood Themes by N. G. Garin-Mikhailovsky. Abstract of Thesis]. Volgograd, 2002.
15. Smirnova M. G. *Puti Zemnye* [The Terrestrial Ways]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 134–171.
16. Sorokina O. N. *Tvorcheskii Put' I. S. Shmeleva v Jemigratsii* [I. S. Shmelev's Creative Path in Emigration]. *Dukhovnyi Put' Ivana Shmeleva: Stat'i, Ocherki, Vospominaniya*. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., 2009, pp. 60–87.
17. Cirulev A. F. *O Zhanrovoj Spetsifike Avtobiograficheskogo Tsikla N. G. Garina-Mihajlovskogo* [On the Genre Specifics of the Autobiographical Cycle of N. G. Garin-Mikhailovsky]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, 2015, no. 4 (46), part I, pp. 203–205.
18. Chzhan M. *Principy Tsikloobrazovaniya v Marinistike K. M. Stanyukovicha: Dis. ... Doct. Filol. Nauk* [Principles of cycle formation in K. M. Stanyukovich's Marine Science. Thesis]. Simferopol', 2020. 225 p.

19. Churkin A. A. *Memuarno-Avtobiograficheskaya Proza S. T. Aksakova: Problemy Pojetiki: Dis. ... Doct. Filol. Nauk* [Memoirs and Autobiographical Prose of S. T. Aksakov: Problems of Poetics. Thesis]. Saint-Petersburg, 2013. 233 p.
20. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 2. V'ezd v Parizh. Rasskazy. Vospominaniya. Publitsistika* [Collected Works: in 5 Vols., Vol. 2. Entrance to Paris. Stories. Memories. Journalism]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1998. 512 p.
21. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 3. Rozhdestvo v Moskve. Roman. Rasskazy* [Collected Works: in 5 Vols, Vol. 3. Christmas in Moscow. Novel. Stories]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1998. 352 p.
22. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 6 (Dopolnitel'nyi). Istoryja Lyubovnaya. Romany. Rasskazy* [Collected Works: in 5 Vols., Vol. 6 (Additional). A Love Story. Novels. Stories]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1999. 512 p.
23. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 7 (Dopolnitel'nyi). Jeto Bylo. Rasskazy. Publitsistika* [Collected Works: in 5 Vols., Vol. 7 (Additional). It was. Stories. Journalism]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1999. 592 p.
24. Shmelev I. S. *Sobranie Sochinenii: v 5 Tomakh. T. 8 (Dopolnitel'nyi). Rvanyi Barin. Rasskazy. Ocherki. Skazki* [Collected works: in 5 Vols., Vol. 8 (Additional). A Ragged Gentleman. Stories. Essays. Fairy Tales]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 2000. 608 p.

THE MOTIF OF CHILDHOOD MEMORIES AND MEMORIES OF RUSSIA IN THE PROSE OF I. S. SHMELEV IN EMIGRATION

E. Y. Shestakova

This article reveals the features of the artistic embodiment of the motif of childhood memories and memories of Russia, which was widely developed in the works of the writer of the first half of the 20th century Ivan Sergeevich Shmelev. The analytical material of the study is presented by the stories *How We Flew*, *Spring Splash*, *Misha, Egg*, the essay *Christ's Vespers*, the novel *Nanny* from Moscow, related to the period of emigration and created by the writer in 1923–1936. The literary texts selected for literary analysis contain themes, images, and episodes, representing the motif of childhood memories and memories of motherland. Russian literature shows that this motif in selected works is particularly closely related to the images of childhood, Russian landscape, Russian people, Easter egg, the themes of the Orthodox faith and Easter, the motif of the resurrection, reflections on the meaning of human suffering and the significance of the revolutionary events in Russia. According to I. S. Shmelev, the theme of childhood is inextricably intertwined with religious issues. As a result, the author substantiates the conclusions that childhood memories and memories of beloved motherland presents to the writer an eternal value, which contains an immutable spiritual and moral significance.

Keywords: motif of memories, theme of childhood, image of Russia, I. S. Shmelev, works about childhood, image of a child, Russian literature.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81'367=161.2

КОНСТРУКЦІЇ ІЗ СЕМАНТИКОЮ ПЕРЕПОВІДНОСТІ У ТВОРАХ МАРКА ВОВЧКА

Ачилова О. Л., Пелипась М. І.

*Інститут філології
ФДАНЗ ВО «Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського»,
Сімферополь, Росія
e-mail: elena-achilova@yandex.ru; p_shkola@mail.ru*

У статті схарактеризовано конструкції з вербалізованою вказівкою на джерело інформації, зокрема непряму мову, безсполучникові конструкції повідомної модальності, речення з передаванням теми чужого мовлення і речення зі вставними конструкціями, що вказують на джерело мовлення. У переповідних конструкціях з непрямою мовою передається тільки зміст без збереження експресивності сказаного. Типовими стрижневими компонентами непрямої мови у творах Марка Вовчка є дієслова мовлення і мислення *говорити, казати, розказати, питати / спитати, думати / подумати*. Вибір сполучних засобів для введення чужого мовлення залежить від його цілеспрямованості. Найбільш уживаними є сполучники і сполучні слова *що, чи, який, щоб*. У безсполучникових конструкціях повідомної модальності перша частина є авторським коментарем, а чуже висловлення переповідається без додавання сполучника і записане після двокрапки з малої букви без лапок і тире. Коло ввідних компонентів обмежене, вони позначають мовлення, волевиявлення, мислення, сприймання: *сказати / казати, наказ, думати, чутка*. Тему повідомлення без збереження структури та модального змісту висловлення передають додатки та підрядні предикативні частини, що залежать від дієслів-предикатів на позначення мовлення і волевиявлення (*казати / сказати, розказувати, спитати / питати, веліти / звеліти, запросити*). Найбільш частотними серед вставних конструкцій є *кажуть, каже, сказано, краще мовити, думаю*. Проведений аналіз засвідчує, що Марко Вовчок своєю художньою практикою удосконалює систему переповідних конструкцій з непрямым відтворенням чужого мовлення сучасної української мови.

Ключові слова: чуже мовлення, семантика переповідності, непряма мова, безсполучникові конструкції повідомної модальності, тематичні конструкції, вставні конструкції, Марко Вовчок.

ВСТУП

Інтерес до конструкцій з чужим мовленням зберігає свою актуальність протягом кількох століть. Формування проблематики відтворення чужого мовлення висвітлено в багатьох аналітичних оглядах, приміром, Г. Чумакова [23], М. Архипової [1], Л. Шитик [24], С. Кузнецової [13], Н. Максимової [14]. Конструкції з чужим мовленням являють собою складну підсистему синтаксичної системи, і в той же час вони наділені внутрішніми ознаками, які визначають їх як особливу лінгвістичну категорію.

У численних роботах, присвячених дослідженню феномена чужого мовлення, відображено різні (але внутрішньо не суперечливі) підходи лінгвістів до цього явища.

Чуже мовлення описують з боку структурно-семантичних і функційно-стилістичних особливостей, з огляду на ідею діалогічної єдності, у комунікативно-стратегічному аспекті. Основну увагу спрямовано на центральне в цих теоретичних працях питання про різноманітні способи відтворення чужого мовлення.

Типологію способів відтворення чужого мовлення розробляли багато лінгвістів (Н. Арутюнова, І. Гальперін, О. Гончарова, В. Кухаренко, Е. Різель, Н. Шведова та ін.). Традиційно як у російському мовознавстві (І. Голуб, В. Кодухов, П. Лекант, Л. Максимов, О. Падучева, Г. Солганик), так і в українському (Б. Кулик, М. Каранська, М. Плющ, А. Загнітко, К. Шульжук, А. Багмут) виділяють три такі способи:

- пряма мова (пряме передавання чужого мовлення);
- непряма мова (непряме передавання чужого мовлення);
- невласне пряма мова (синкретичне передавання чужого мовлення).

Подальше вивчення способів передавання чужого мовлення і лексико-синтаксичних засобів їхнього вираження дало можливість розширити й уточнити типологію конструкцій із чужим мовленням [20; 22; 9].

Антропоцентричний підхід до характеристики комунікативної структури тексту уможливив розгляд нарації в лінгвістичному аспекті і сприяв виокремленню категорії переповідності як різновиду суб'єктивної модальності, що тісно пов'язана з категорією розповідності [5, с. 304]. Реалізацію цієї категорії описують у різностильових текстах [11; 12], аналізують особливості переповідності з погляду евіденції, семантичним обсягом якої є вказівка на джерело інформації, здобутої за допомогою мовлення, мислення та сенсорного сприймання і вираженої лексичними та синтаксичними засобами [26, с. 22; 27, с. 136].

Становить інтерес вивчення конструкцій переповідності у творах Марка Вовчка, де, як зазначає В. Ващенко, зафіксовано оригінальний усно-народний тип мови ХІХ століття. Письменниця відтворила такі колоритні зразки, які не наслідували, не повторили у своїй мовній практиці навіть визначні майстри художнього слова. Мова персонажів так міцно зливається з авторською, що це стає одним із фактів авторського стилю [2, с. 390]. А. Погрібний підкреслює, що форма розповіді від першої особи була відома в українській прозі й до появи «Народних оповідань», однак «у Марка Вовчка вона цілком оригінальна: авторка демократизувала її, повністю підпорядкувала розкриттю ідейного змісту, виявила надзвичайне почуття міри у відтворенні мови оповідачів з народних низів» [16, с. 13].

Способи передавання чужого мовлення у творах видатної української письменниці ХІХ ст. ще не були предметом спеціального вивчення, чим і зумовлена **актуальність** дослідження.

Мета роботи – аналіз структури та функціонування переповідних конструкцій з непрямым відтворенням чужого мовлення у творах Марка Вовчка [4].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

До форми непрямого передавання чужого мовлення вдаються тоді, коли потрібно зберегти зміст висловлення іншої особи без збереження його форми та

інтонації. На думку А. Коваль, таке відтворення завжди модальне: відповідальність за істинність твердження перекладено на того, хто його наводить [10, с. 329].

Засобами непрямої переповідності є речення з непрямою мовою, безсполучникові конструкціїповідомної модальності, тематичні речення, переповідні вставні компоненти.

1. Речення з непрямою мовою. Непряма мова [лат. *oratio obliqua*] – «спосіб уведення в текст, до авторської мови чужих висловлень зі збереженням їхньої змістової відповідності автора або оповідача разом зі словами автора» [19, с. 505]. Як і в конструкціях з прямою мовою, у непрямої мові теж є два компоненти: авторські слова, оформлені як головна частина складнопідрядного речення, і чуже мовлення, що є підрядною з'ясувальною частиною. Збереження слів та окремих висловів, порядку слів і всього характеру побудови передаваної мови є необов'язковим, а іноді й неможливим.

У науковій літературі непряму мову тлумачать по-різному:

- 1) введення в авторський текст чужої мови як мови автора [21, с. 379];
- 2) передавання від імені оповідача чужого висловлення разом зі словами автора [25, с. 623];
- 3) відтворення мовлення іншої особи не дослівно, без збереження його форми, а тільки з дотриманням змісту й синтаксичної будови сказаного [7, с. 343].

Наведені визначення підкреслюють головну ознаку непрямої мови: передавання чужого висловлення в зміненому вигляді, порушення характерних особливостей чужого мовлення, як лексичних, так і синтаксичних. Непряма мова передає тільки зміст висловлення, тому багато елементів живого розмовного мовлення взагалі не може входити в такі конструкції: звертання, вигуки, вставні слова, частки, форми наказового способу дієслова тощо. Значення, що їх виражають ці елементи, передають опосередковано іншими лексичними засобами. Особливістю непрямої мови С. І. Дорошенко вважає і можливість частково відтворити мову персонажа й водночас показати своє ставлення до об'єкта висловлення [6, с. 184].

За допомогою непрямої мови, як зазначає О. Пономарів, автор стисло передає чиєсь висловлювання, опускає вже відомі читачеві деталі, нецікаві чи неважливі для нього. Непряму мову використовують і тоді, коли немає потреби відтворювати своєрідність мовлення персонажів [17, с. 214].

Функційно-комунікативні різновиди конструкцій з непрямою мовою Н. Гуйванюк позначає термінами «непряморозповідні (переповідно-розповідні), які виражають непрямо чиєсь повідомлення чи чужу розповідь; непрямопитальні (переповідно-питальні) та непрямоспонукальні (переповідно-спонукальні)» [5, с. 408].

Від цілеспрямованості чужого мовлення залежить вибір сполучних засобів, які приєднують у цих конструкціях підрядну частину до головної. В аналізованих творах у непряморозповідних реченнях Марко Вовчок використовує сполучник **що** і сполучні слова **як, який, ніби, де**, а якщо в головній частині є експліцитне чи імпліцитне заперечення, то підрядну частину приєднує сполучник **щоб**; у непрямопитальних реченнях ужито сполучник **чи** і сполучні слова **чий, який, де, чого, як, кудю**; у непрямоспонукальних реченнях засобом зв'язку є сполучник **щоб**.

Як відомо, кількість компонентів, які вводять чуже мовлення, значно менша, ніж у конструкціях з прямою мовою чи в репліках діалогу.

Це здебільшого дієслова, рідше іменники із семантикою мовлення. Переважають ввідні слова на позначення нейтрального мовлення: *говорити, казати / сказати, розказати, розповідати, оповідати, примовляти, балакати, переказувати, промовляти, звістка, віда* (діал. 'звістка' [3, с. 164]), мова: «**скажи, що** засмутила вона мене сильно» [4, с. 39]; «**та й розповідаю** йому, **де** я служу» [4, с. 39]; «**кожному розкаже, що** вона князька дочка»; «**Чи мені ж те оповідати, що** не одна ньька стара хлопцеві серденько слізьми в'ялила?» [4, с. 100]; «хутко прийшла **звістка** од пана, **що** Йван помер» [4, с. 78].

Емоційну оцінку процесу мовлення містить дієслово *плескати* (казати дурниці; наговорювати на кого-небудь щось [4, с. 982]): «**Правда, плескав** хтось десь щось, **нібито** бачили молоду Кармелиху з дочкою» [4, с. 165].

Значною є кількість компонентів із семантикою мислення, розумової діяльності: *думати, подумати, знати, спогадати, гадати, здумати, згадувати, порішити, помислити, дознатися, догадатися, довідатися, міркувати, міркування, розважити, рахувати, бачити* (у значенні 'добре розуміти, усвідомлювати' [4, с. 64]), думка, переконання: «**А брат думає, що** то вже я роздумалась» [4, с. 34]; «**нехай помислить, що, може, трапиться** й добре ще в світі» [4, с. 38]; «**Бачу, що** мені недобре тут буде!» [4, с. 43]; «**підможе мене та думка, що** вільно мені, **що** не зв'язані руки мої» [4, с. 144].

Продуктивними є і компоненти із семантикою сприймання: *чути, чувати, почути, почуватися, не слухати, вичитати, чутка, знак*: «**І не чула, щоб** хто лихим словом обніс нашого покійника» [4, с. 44]; «**Де ж таки хто чував, щоб** дитина так незвичайно з питомою своєю матінкою поводитись?» [4, с. 43]; «**А в четвер почувли ми, що** вмерла» [4, с. 58]; «**а я од людей чула, що** недобре, як на сонних дітей місяць сипле промінням» [4, с. 99]; «**востатнє чутка** було розбіглася, **що** Кармелюк визволивсь, повернувся» [4, с. 169].

Одиничними є ввідні слова, що позначають емоційний стан: *горювати, дивувати, дивуватися, потурбуватися, піклуватися, побоюватися, журити*: «**другому жалиться, що** без його чогось їй смутно та дивно» [4, с. 109]; «**дивуємось, яких-то** вже між нами панів нема!» [4, с. 109]; «**Збоку дивували** люди, **що** се таке з ним поробилося» [4, с. 147]; «**побоялася, щоб** брат не сварився» [4, с. 40]; «**Одно й журило** їх, **що** діток господь не дає» [4, с. 48].

Запит на отримання інформації позначають ввідні слова *питати / спитати, розпитувати, запитатися, розпитатися*: «**Спитав, чи** нема листа од батька» [4, с. 56]; «**Коли ось підійшов якийсь муж до неї та й питає, чого** тут лежить, **чия** вона» [4, с. 81]; «**Розпитайся, де** він служить» [4, с. 81]; «**Питають, що** він їй подарував» [4, с. 117].

У непрямопонукальних реченнях семантику волевиявлення позначають предикати *просити, просьба, навчити, підговорити*: «**Так** люди виходили усенькою громадою **просити** за його, **щоб** оставлено» [4, с. 37]; «... пані наша й панночки **підговорили** її, **щоб** випросила собі Одарку» [4, с. 55].

Як видно з ілюстрацій, в аналізованих творах у реченнях з непрямою мовою здебільшого є одна підрядна частина, хоча трапляються конструкції, у яких при одній головній частині може бути кілька підрядних – як з однаковими сполучними засобами, так і з різними: «*лідможе мене та думка, що вільно мені, що не зв'язані руки мої*» [4, с. 144]; «*почав він розпитувати мельника (мірошника), що то за такі люди Книши, і як вони живуть, і який в їх звичай*» [4, с. 151]; «*напевне ніхто не знав, кудюю вона побралася, ані де вона пристала на життя*» [4, с. 165]. Трапляються і переповідні конструкції з декількома ввідними предикатами чужого мовлення різної семантики: «*Стара мати прибїгла з плачем, питаючи, чи цьому правда, благаючи, щоб відпустили сина її єдиного, побиваючись, що беруть*» [4, с. 162].

Особливим варіантом непрямої мови є *живописна мова*, яка зберігає індивідуальні особливості мови героя [24, с. 236]: «*Вже давненько панночки приїжджі переносили, що який-то вже там лікар полковий хороший: і брови йому чорні, й уста рум'яні, і станом високий, – така вже краса, що й не сказати! Тільки що гордий дуже, – на жодну не погляне, не заговорить, хоч там як до нього заходь...*» [4, с. 113].

Характерним показником ідіостилю Марка Вовчка є включення до прямої мови конструкцій з непрямою мовою: «– *Кажіть йому, що дуже мені жалко і його, і діток, і серце моє в'яне...*» [4, с. 39]; «– *Братику, мій соколе! А мені казали, що ти дуже гніваєшся на мене!*» [4, с. 46].

2. Конструкції повідомної модальності оформлені безсполучниковими реченнями пояснювальної семантики з розгортанням значення. Їх ще називають безсполучниковими реченнями переповідної модальності [18, с. 277]. У таких реченнях авторські слова стоять на початку, а чуже висловлення переповідається без додавання з'ясувального сполучника, його записують після двокрапки з малої букви без лапок і тире. Інколи для підкреслення експресії замість двокрапки може стояти і тире. Між компонентами безсполучникової конструкції Марко Вовчок уживає також кому. Розділовий знак у кінці речення відповідає інтонуванию чужого мовлення.

Як і в реченнях з непрямою мовою, чуже мовлення в аналізованих творах уводять слова різних семантичних груп. Переважно це предикати мовлення, передавання інформації: *казати / сказати, розказувати, одказати, торгуватись, гримати, новина*: «*Скажете: тітка прислала*» [4, с. 39]; «*Сказано: жіноцький розум на що добре здатний?*» [4, с. 70]; «*Сказано: встань, лихо, та й не ляж!*...» [4, с. 130]; «*Воно кажуть: привикнеш!*...» [43, с. 85]; «*Усі одказали: нічого не знаємо*» [4, с. 161]; «*Вони почали торгуватись: і дуже дорого, і гроші не можна разом*» [4, с. 47]; «*пані гримає на Тишка – біг коло неї, не вклонився*» [4, с. 75]; «*аж прийшов той день, що по місті новина, як стріла пролетіла: Кармелюк ранений, Кармелюка везуть!*» [4, с. 168]; «*скажи їй, брати поснули*» [4, с. 178].

Семантику мислення, розумової діяльності в конструкціях повідомної модальності позначають дієслова *думати, міркувати, спом'янути*: «*Я такеньки міркую: зостанусь я тутечки, у Дубцях, буду вам господарства доглядати, поряджати, а ти у хуторі хозяйствуй*» [4, с. 118]; «*А таки дума собі: спробую одбиватись!*» [4, с. 158]; «*Легко зітхнути, весело глянути й думати: що зароблю, то все на себе; що й посиджу і поговорю – нікого не боюся*» [4, с. 143].

Є в безсполучникових конструкціях і ввідні слова на позначення сприймання: *чутти, чутка, бачити, показувати*: «**Чую** я – не спить ся щось моєму парубкові» [4, с. 63]; «*пройшла в нас **чутка** – некрутчина сього року буде*» [4, с. 100]; «*Коли так, навесні, **чутка**: москалі виходять у поход!*» [4, с. 143]; «*Стара всіх нас **показує**: се Ганна, а се Варка, а це Домаха...*» [4, с. 107].

Одиничним є дієслово на позначення емоційного стану *сподіватись*: «*Перше все **сподівались**: молодий пан буде добрий*» [4, с. 49].

Значно рідше в безсполучникових переповідних реченнях ужито слова із семантикою отримання інформації: *питатися, питання*: «*і вся його постать **питала** без слів: звідки гості? які вісті?*» [4, с. 213]; «*ім приходили на гадку **питання**, від яких смертельно свербив язик: **звідки** він, мандрівець, прибув і **куди** мандрує?*» [4, с. 174].

У таких конструкціях вжито і слова із семантикою волевиявлення: *вмовляти, кликати, наказ*: «*стара почала **вмовляти**: останься та й останься*» [4, с. 46]; «*Та так жалісно, як пташенятчко, **кликає** – пустіть!*» [4, с. 58]; «*А тут і **наказ**: у поход, у поход лагодитись!*» [4, с. 143].

Слова, що вводять чуже мовлення, можуть бути опущені, але на них указують додатки: «*А вона **до мене**: чи не згоджуся я*» [4, с. 42]; «*Далі старий **до парубка**: як? що? чи все гаразд? який заробіток?*» [4, с. 61].

Отже, безсполучникові переповідні речення є синонімічним засобом урізноманітнення синтаксичного ладу художнього тексту. Типовим у них є дієслово мовлення *казати / сказати*.

3. Тематичні речення. Як зазначає Г. Чумаков, тематична мова лише називає тему, предмет розмови, чим узагальнено вказує на зміст чужого мовлення [223, с. 94–95]. Функційно-семантичною особливістю тематичної мови є те, що вона не відтворює первинного мовлення в повному, неповному чи фрагментарному вигляді, але зберігає його [15, с. 7–8]. Автор передає думку персонажа у власній манері і додає окремі слова, словосполучення, речення із чужого мовлення.

У складі тематичної мови Г. Чумаков розглядає два основні структурні різновиди: тематичну мову-член (або тему-член) і тематичну мову-речення (або тему-речення). Репрезентують тематичну мову-член конструкції з додатками при дієсловах або віддієслівних іменниках зі значенням мовлення чи мислення, а тому в синтаксичному плані така тематична мова є простим реченням. Об'єктні поширювачі можуть бути виражені:

- іменниками з прийменниками чи без них;
- займенниками з прийменниками чи без них;
- формами інфінітива.

Тематична мова-речення виражена підрядною частиною, що введена співвідносним займенником з прийменником чи без нього. Засобами зв'язку слугують тільки сполучні слова. За метою висловлення тематична мова являє собою розповідний фрагмент тексту [8, с. 5; 26, с. 53].

У творах Марка Вовчка переважають конструкції, у яких тема чужого мовлення виражена додатками зі значенням об'єкта, що називають тему, предмет розмови чи перелік обговорюваних питань. Якщо деталі предмету розмови є неактуальними, не

викликають інтересу, відволікають від головного, мовці вдаються до так званого «нерозгорнутого чужого мовлення» (Є. С. Отін).

Тематичні речення різноманітні за будовою. Дієслова, а також віддієслівні іменники на позначення мовлення і мислення, які є структурним центром таких конструкцій, керують іменниками:

- у знахідному відмінку з прийменником **про**: «Якось сидимо ми в своїй хаті, **говоримо** собі таки **про** його, недобрим словом згадуючи» [4, с. 52]; «**розказує про** наших батьків вільних» [4, с. 88]; «**балакаючи про** біду їх теперішню» [4, с. 165]; «Мандрівець, якщо й **вів розмову**, то все **про** справи спільні» [4, с. 174]; «Наслухавшись усяких таких **оповідань про** різню тамечки від одного земляка» [3, с. 244]; «Іде Кармель додому та все **дума про** дівчину, **про** наймичку» [4, с. 153]; «**Спитав він про** Одарку» [4, с. 52]; «В їхньому шепоті все **чулося про** всякі січі, **про** спалені міста, зруйновані села, **про** полеглих у січі людей» [4, с. 173]; «А вона все дякує та **одмовляється** то тим, то сим» [4, с. 68]; «**Розказую** їм і **про** те, і **про** друге» [4, с. 99]; «Тарас <...> **заговорював** до неї **про** те, **про** інше» [4, с. 198];

- у знахідному відмінку без прийменника: «Ось я тобі службу **нараджу**» [4, с. 36]; «і **обіцяли** велику їм плату й нагороду» [4, с. 160]; «Та й **оповістила** йому все чисто» [4, с. 70];

- у знахідному відмінку з прийменником **за**: «**Подякувала** їм **за** милість і **за** ласку» [4, с. 40]; «**Старі дякують за** ласку» [4, с. 68]; «Як почала вона говорити, то й **за** себе все **казала**, і **за** нас **одповістила**» [4, с. 55];

- в орудному відмінку без прийменника: «**одв'язав** коня, <...> **обізвавши** його прожорою» [4, с. 203]; «А вона все дякує та **одмовляється** то тим, то сим» [4, с. 68];

- у родовому відмінку без прийменника: «Спочила коло святої лаври та й пішла собі місця **питати**» [4, с. 41]; «Хазяїн <...> **лазив** на горщице, **питаючи** попереду дозволу пана Івана» [4, с. 197]; «Всі царства божого йому **жадають**» [4, с. 44].

У тематичній конструкції є і поєднання різних дієслів із семантикою мовлення: «**розпитуюсь** дороги в Дем'янівку, **подякую** за хліб-сіть» [4, с. 35].

В аналізованих творах додатки в тематичній мові виражені також дієсловами в інфінітиві. Ввідними компонентами для них є дієслова на позначення різного ступеня волевиявлення. У творах про тяжке невільницьке становище кріпаків типовими в тематичних конструкціях є дієслова *веліти* / *звеліти*, *наказувати*, *загадати*, *казати*: «**Веліли** Горпині стати перед себе» [4, с. 88]; «Тоді **звеліла** пані одвезти дівчину в больницю» [4, с. 57]; «Пан **звелів** коней зупинити коло заїзного двору» [4, с. 120]; «Вийшла пані з панночками, **наказує** вірно служити молодим панам» [4, с. 55]; «**Загадали** мені прости» [4, с. 56]; «Пані **казала** нам дати возочка» [4, с. 65]; «Пані <...> **казали** бабу привести» [4, с. 57].

Цими конструкціями передають різноманітні розпорядження: «**Казано** взброїти шукачів і слідців, **повелено** стріляти, якщо не можна буде живцем взяти» [4, с. 168]; «**Казано** рушати зсильним» [4, с. 163]; «**казано** усій купі завернутися» [4, с. 163]; «**Казано** в середу везти новобранців по обіді» [4, с. 100]; «Пан гетьман <...> протяглим добродушним голосом **звелів** почастувати прибулих» [4, с. 238]; «**Казали** Олександру покликати [4, с. 79]; «нам **казали** коло дверей підождати» [4, с. 65]. Слід зазначити, що, як правило, предикативні форми на **-но**, **-то**, утворюються від дієслів

доконаного виду, однак Марко Вовчок уживає форму недоконаного виду зі значенням одноразової дії **казано**.

У тематичних конструкціях з дієсловами *благати*, *вмовляти*, *просити*, *запросити* показано родинні та побутові стосунки: «*Не один раз Олеся **благає** його, було, слізьми пожалувати діточок, не губити їх*» [4, с. 75]; «*Нащо ж ви мене **вмовляли** вернутись?»* [4, с. 40]; «*Вони мене **вмовляють** остаться*» [4, с. 47]; «*Старий вечеряти **просить***» [4, с. 61]; «*Запросив подорожнього увійти*» [4, с. 173]; «*Господар **запросив** сидати*» [4, с. 197].

Виявлено тематичну конструкцію, утворену за моделлю усталеної сполуки з уточненням інформації за допомогою приєднання: «*Тільки й на **думці**, що Павло*» [4, с. 31].

Тематична підрядна частина, як зазначає Ж. Іванова, є омонімічною до непрямого запитання. Така предикативна одиниця слугує для передавання теми розлогого викладу. Предмет розмови може бути нерозчленованим або становити перелік тем [8, с. 5], пор.: «*Догадалися тоді вже всі, **кого** Олеся дожидала*» [4, с. 69]; «*Одарка заплакала слізьми та й почала **розказувати**: як її замикали на ніч саму у горницю, як грозили й били, як до згуби довели*» [4, с. 54]; «*Уже сам погляд цих огняних, пильних очей **промовляв про те, скільки** пережито вже небезпеки, **скільки** перебуто труднощів, **яка** то звичка зустрічати лихо, **яка** моторність у боротьбі з пригодами*» [4, с. 176].

Стилістично забарвленою є інверсія компонентів тематичної конструкції: спочатку повідомлено предмет чужого мовлення, а потім зазначено спосіб його отримання: «***Як** там її лягли, **як** на неї сварилися – і **не слухає***» [4, с. 50].

Виявлено в тематичних конструкціях поєднання додатків-об'єктів та предикативних частин: «***Розкажу** вам **про** Якова Харченка, **якого** він смутку набравсь у Хмелинцях, **залицяючись** до Коханівни*» [4, с. 59]; «***Розкажує** та й **розкажує**, та все **про** своє лихо, **що** весь рід їх звівся, **що** сама вона в світі зосталась, як билина в полі*» [4, с. 140]; «*І **балакали** люди добрі **про** Кармеля, **що** зовсім він щасливий чоловік*» [4, с. 155].

Тематичні конструкції наявні не тільки в авторському мовленні, а й у прямій мові: «– <...> *Нащо ж ви мене **вмовляли** вернутись?*» [4, с. 40]; «– ***Розкажи** ж нам, Одарочко, усі **пригоди** свої, любко!*» [4, с. 53];

Отже, в аналізованих творах конструкції на позначення теми чужого мовлення різні за будовою і слугують для передавання багатоманітних стосунків між персонажами.

4. У реченнях зі вставними конструкціями, що вказують на джерело повідомлення, основна увага зосереджена на змісті чужого висловлення, яке відтворене більш-менш дослівно [25, с. 626].

Переповідні парентетичні конструкції виконують в аналізованих творах Марка Вовчка різноманітні функції.

Насамперед, вони фіксують факт чужого мовлення: «*Подумаємо, **кажуть**; ще, **кажуть**, треба подумати*» [4, с. 226]; «*той, **думає** він, дороги не знає*» [4, с. 228]; «*Їхала, **кажуть**, одна скупа пані і везла з собою усі свої скарби великі*» [4, с. 158]; «*Я, **каже**, так жити не можу!*» [4, с. 43]; «*Недавно, **кажуть**, од якоїсь тітки у спадок*

йому дістався» [4, с. 117]; «Тоді, **кажуть**, виявивсь старший, їх отаман» [4, с. 157]; «**Чули від неї люди**, може, побереться вона до ближнього міста і там оселиться» [4, с. 165].

Форми 1-ї особи дієслів активізують увагу слухачів, підкреслюють значущість сказаного: «**Я вам скажу**, був у мене добрий товариш – була в мене з ним і добра рада, і щира правда!» [4, с. 176]; «Інша, **каже**, поплакала б та й сумирилась» [4, с. 89].

Ужито вставну конструкцію і для нагадування про мовлене раніше: «Мельник був, **як вже казано**, чоловік понурий» [4, с. 152].

Уточненням до сказаного є парентеза **краще мовити**: «Її **ввижався** батьківський хутір, запашилий вишневий садок, знайомі рідні обличчя, але все це якось чудно не те, щоб линяло, а, **краще мовити**, тонуло в тумані, відсовувалося на друге місце» [4, с. 216]; «Вдивившись пильно, можна було розглядіти неясні обриси плавця, чи, **краще мовити**, його високої шапки» [4, с. 222]; «дорога, чи, **краще мовити**, стежка, виляса то через поля, по узеньких межах <...>, то по невеличких гайках» [4, с. 246].

Уживання переповідних конструкцій може свідчити про звернення до життєвого досвіду: «...і все вона думає, все сумує: **сказано**, за неньою та за батьком» [4, с. 55]; «Але життя людське, **мовляв**, не простий, рівний, гладенький шлях» [4, с. 172]; «**Сказано**, як молоде, то й гадок не має; тільки й думки, як би погулять весело» [4, с. 68]; «Тим-то, **кажуть**, сирота: вільно і впоратись» [4, с. 73].

Ще одна функція парентез – уведення паремій: «Смерті, **кажуть**, не одперти» [4, с. 31]; «кому, **каже**, весілля, а курці смерть» [4, с. 119]; «Уродись, **кажуть**, та і вдайся...» [4, с. 104]; «Коли кому вік нещасливий, то й довгий, **кажуть**» [4, с. 80]; «**Сказано**, у дитини заболить пучка, а в матері серце» [4, с. 74].

Як видно з ілюстрацій, вставні конструкції здебільшого стоять усередині чужого мовлення, рідше – на його початку, і лише в одному реченні – у кінці. Найпоширенішими є парентези **кажуть**, **сказано**, що вказують на факт мовлення. Уживаються також конструкції на позначення мислення і сприймання: **думає він**, **чули від неї люди**.

Отже, речення з переповідними конструкціями є ще одним засобом передавання чужого мовлення, що урізноманітнює виклад.

ВИСНОВКИ

Усі засоби непрямого передавання чужого мовлення – конструкції з непрямою мовою, безсполучникові переповідні речення, тематичні речення і вставні конструкції, що вказують на джерело повідомлення – посідають важливе місце в типологічній структурі переповідності. Вони дають можливість передавати чуже мовлення не дослівно, а в загальних рисах, зберігаючи при цьому зміст або тему повідомлення, а не індивідуальні риси його синтаксично-інтонаційної будови. Відмітною рисою ідіостиллю Марка Вовчка є майстерність в описуванні одних і тих же ситуацій різними засобами, у мовно-естетичному відображенні навколишньої дійсності. Перспективним є дослідження інших способів відтворення чужого мовлення у творах Марка Вовчка.

Список літератури

1. Архипова, М. В. Теоретические изыскания феномена «чужой речи» в лингвистических исследованиях [Текст] / М. В. Архипова // Вестник Челябинского госуд. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 35. – 2009. – № 30 (168). – С. 29–32.
2. Ващенко, В. С. Побудови, співвідносні з реченням [Текст] / В. С. Ващенко // Сучасна українська літературна мова. Стилїстика ; за заг. ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наукова думка, 1973. – С. 388–393.
3. Великий тлумачний словник сучасної української літературної мови (з дод. і доповн.) [Текст] ; уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ; Ірпінь : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
4. Вовчок, Марко. Твори [Текст] / Марко Вовчок. – Київ : Молодь, 1972. – 447 с.
5. Гуйванюк, Н. Переповідні конструкції у художніх творах та літературно-критичних працях Івана Франка // Іван Франко: дух, наука, думка, воля : матеріали Міжнародного наукового конгресу, присвяченого 150-річчю від дня народження Івана Франка. – Львів : Видавничий центр Львівського нац. ун-ту імені Івана Франка. – 2010. – Т. 2. – С. 402–414.
6. Дорошенко, С. І. Граматична стилїстика української мови: посіб. для учнів [Текст] / С. І. Дорошенко. – Київ : Рад. шк. – 1985. – 200 с.
7. Дудик, П. С. Синтаксис української мови : підручник / П. С. Дудик, Л. В. Прокопчук. – Київ : ВЦ «Академія», 2010. – 384 с.
8. Иванова, Ж. Виды воспроизведенной речи [Электронный ресурс] Ж. Иванова // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Вып. 2. – Шумен, 2003. – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article1022.html> (дата звернення : 18.02.2021).
9. Клецкая, С.И. К вопросу о грамматическом статусе инкорпорированной прямой речи (на материале произведений Л. С. Петрушевской) [Электронный ресурс] / С. И. Клецкая // Филология: научные исследования, – 2018. – № 4. – С. 169–177. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28126 (дата звернення : 19.02.2021).
10. Коваль, А. П. Практична стилїстика сучасної української мови [Текст] / А. П. Коваль. – вид. 2-е, доп. і перероб. – Київ: Вид-во при КДУ «Вища школа», 1987. – 276 с.
11. Кравцова, О. А., Функційний потенціал переповідних конструкцій у проповідницькому дискурсі [Текст] / О. А. Кравцова // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Філологія. – 2018. – № 37. – Т. 1. – С. 40–43.
12. Кравцова, О. А. Реалізація переповідності в публіцистичному тексті [Текст] / О. А. Кравцова // Science and Education a New Dimension. Philology, VII (60), Issue: 204, 2019 Sept. – С. 59–63.
13. Кузнецова, С. В. Структурно-семантическая характеристика передачи внешней прямой речи в английских и русских художественных текстах : монография [Текст] / С. В. Кузнецова. – Мичуринск : изд-во Мичуринского гос. ун-та, 2009. – 94 с.
14. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия : монография [Текст] / Н. В. Максимова. – М. : Издат. центр Рос. гос. гуманит. ун-та., 2005. – 315 с.
15. Моисеева, М. Н. Тематическая речь в рамках категории эвиденциальности: структурно-семантический и функциональный аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Моисеева. – Новосибирск, 2012. – 23 с.
16. Погрібний, А. Г. Злет народного генія [Текст] / А. Г. Погрібний // Вовчок Марко. Твори. – Київ : Молодь, 1972. – С. 5–28.
17. Пономарів, О. Д. Стилїстика сучасної української мови : підручник [Текст] / О. Д. Пономарів. – 3-є вид. – Тернопіль : Навчальна книга. – Богдан, 2000. – 392 с.
18. Рокіцька, Л. Складні безсполучникові речення в системі засобів передачі чужого мовлення [Текст] / Л. Рокіцька // Науковий вісник Чернівецького ун-ту. Вип. 321–322. Слов'янська філологія. – 2007. – С. 277–282.
19. Селіванова, О. О. Лінгвістична енциклопедія [Текст] / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

20. Сопочкина, Г. А. Система способов передачи чужой речи и ее реализация в идиостиле А. П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. А. Сопочкина ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва, 2003. – 26 с.
21. Українська мова. Енциклопедія [Текст] / ред. колегія: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – К. : Укр. Енциклопедія, 2000. – 752 с.
22. Черкасова, Г. В. Гибридные формы чужой речи в свете теории высказывания [Текст] : автореф. дисс. канд. филол. наук : 10.02.05 / Г. В. Черкасова ; ФГБОУ ВПО Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2013. – 24 с.
23. Чумаков, Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью [Текст] / Г. М. Чумаков. – Киев : Вища школа, 1975. – 219 с.
24. Шитик, Л. Синкретизм конструкцій із чужою мовою [Текст] / Л. Шитик // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. Вип. 22. – Донецьк : ДонНУ, 2011. – С. 229–237.
25. Ющук, І. П. Українська мова : підручник [Текст] / І. П. Ющук. – Київ : Либідь, 2003. – 640 с.
26. Яслик, В. І. Вербалізація евіденції в сучасній українській літературній мові [Текст] : дис. канд. філол. наук : 10.02.01 / В. І. Яслик ; ДВНЗ “Прикарпатський нац. ун-т імені Василя Стефаника”, Івано-Франківськ, 2018. – 209 с.
27. Яслик, В. І. Евіденційна семантика переповідності в українській мові [Текст] / В. І. Яслик // Актуальні питання гуманітарних наук. Вип. 29. Мовознавство. Літературознавство. – Т. 4. – Дрогобич, 2020. – С. 136–140.

References

1. Arkhipova M. V. *Teoreticheskie Izsckaniya Fenomena Chuzhoi Rechi v Lingvisticheskikh Issledovaniyakh* [Theoretical Investigations of the Phenomenon of Other People's Speech in Linguistic Researches]. *Vestnik Cheblyabinskogo Universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. Issue 35, 2009, no 30 (168), pp. 29–32.
2. Vashhenko V. S. *Pobudovy, Spivvidnosni z Rechennyam* [Structures that Relate to a Sentence]. *Suchasna Ukrai'ns'ka Literaturna Mova. Stylistyka*. Kyiv: Naukova Dumka Publ., 1973, pp. 388–393.
3. *Velykyi Tlumachnyi Slovnyk Suchasnoi' Ukrai'ns'koi' Literaturnoi' Movy* [The Big Dictionary of the Modern Ukrainian Literary Language]. Kyiv; Irpin': Perun Publ., 2005. 1728 p.
4. Vovchok Marko. *Tvory* [The Works]. Kyiv: Molod' Publ., 1972. 447 p.
5. Guivanyuk N. *Perepovidni Konstruktsii' u Khudozhnih Tvorakh ta Literaturno-Krytychnykh Pratsyakh Ivana Franka* [Narrative Constructions in Works of Fiction and Literary Criticism by Ivan Franko]. *Ivan Franko: Dukh, Nauka, Dumka, Volya*. L'viv: Vidavnychii Tsentri L'vivskogo Universiteta, 2010, Vol. 2, pp. 402–414.
6. Doroshenko S. I. *Gramatychna Stylistyka Ukrai'ns'koi' Movy* [Grammatical Stylistics of the Ukrainian Language]. Kyiv: Radyans'ka Shkola Publ., 1985. 200 p.
7. Dudyk P. S., Prokopchuk L. V. *Syntaksys Ukrai'ns'koi' Movy* [Syntax of the Ukrainian Language]. Kyiv: Akademiya Publ., 2010. 384 p.
8. Ivanova Zh. *Vidy Vosproizvedennoi Rechi* [Types of Reproduced Speech]. *Problemy Kognitivnogo i Funktsional'nogo Opisanija Russkogo i Bolgarskogo Yazykov*. Issue 2, 2003. Available at: <http://www.russian.slavica.org/article1022.html> (accessed 18 February 2021).
9. Kletskaya S. I. *K Voprosu o Grammaticheskom Statuse Inkorporirovannoi Pryamoi Rechi (Na Materiale Proizvedenii L. S. Petrushevskoi)* [On the Grammatical Status of Incorporated Direct Speech (in the works of L.S. Petrushevskaya)]. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya*, 2018, no 4, pp. 169–177. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28126 (accessed 19 February 2021).
10. Koval' A. P. *Praktychna Stylistyka Suchasnoi' Ukrai'ns'koi' Movy* [Practical Stylistics of the Modern Ukrainian Language]. Kyiv: Vyshcha Shkola Publ., 1987. 276 p.
11. Kravtsova O. A., *Funktsiyni Potencial Perepovidnykh Konstrukcii u Propovidnyts'komu Dyskursi* [Functional Potential of Renarrative Structures in the Sermon Discourse]. *Naukovyi Visnyk Mizhnarodnogo Gumanitarnogo Universytetu. Filologiya*, 2018, no 37, Vol. 1, pp. 40–43.

12. Kravtsova O. A. *Realizatsiya Perepovidnosti v Publicystychnomu Teksti* [Realization of Renarration in Publicistic Texts]. *Science and Education a New Dimension. Philology*. VII (60), Issue: 204, 2019 Sept, pp. 59–63.
13. Kuznetsova S. V. *Strukturno-Semanticheskaya Kharakteristika Peredachi Vneshnei Pryamoi Rechi v Angliiskikh i Russkikh Khudozhestvennykh Tekstakh* [Structural and Semantic Characteristics of External Direct Speech Transmission in English and Russian Fiction Texts]. Michurinsk: Izdatelstvo Michurinskogo Universiteta, 2009. 94 p.
14. Maksimova N. V. *Chuzhaya Rech' kak Kommunikativnaya Strategiya* [Other People's Speech as a Communication Strategy]. Moscow: Izdatelstvo Rossiiskogo Gumanitarnogo Universiteta, 2005. 315 p.
15. Moiseeva M. N. *Tematicheskaya Rech' v Ramkakh Kategorii Jevidentsial'nosti: Strukturno-Semanticheskii i Funktsional'nyi Aspekty: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Thematic Speech within the Category of Evidentiality: Structural-semantic and Functional Aspects. Abstract of Thesis]. Novosibirsk, 2012.
16. Pogribnii A. G. *Zlet Narodnogo Geniya* [The Rise of a Folk Genius]. *Vovchok Marko. Tvory*. Kyiv: Molod' Publ., 1972, pp. 5–28.
17. Ponomariv O. D. *Stylistyka Suchasnoi' Ukrai'ns'koi' Movy* [Stylistics of the Modern Ukrainian Language]. Ternopil': Navchal'na Knyga. Bogdan Publ., 2000. 392 p.
18. Rokits'ka L. *Skladni Bezspoluchnykovi Rechennya v Systemi Zasobiv Peredachi Chuzhogo Movlennya* [Complex Asyndetic Sentences in the System of Means of Indirect Speech Rendering]. *Naukovyi Visnyk Chernivets'kogo Universytetu. Slov'yans'ka Filologiya*. Issue 321–322, 2007, pp. 277–282.
19. Selivanova O. O. *Lingvistychna Jentsyklopediya* [Linguistic Encyclopaedia]. Poltava: Dovkillya-K Publ., 2010. 844 p.
20. Sopochnina G.A. *Sistema Sposobov Peredachi Chuzhoi Rechi i Ee Realizatsiya v Idiostile A. P. Chekhova: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The System of Ways of Transmitting Other People's Speech and Its Realization in A. P. Chekhov's Idiostyle]. Moscow, 2003.
21. *Ukrai'ns'ka Mova. Jentsyklopediya* [Ukrainian Language. Encyclopedia]. Kyiv: Ukrai'ns'ka Jentsyklopediya, 2000. 752 p.
22. Cherkasova G. V. *Gibridnye Formy Chuzhoi Rechi v Svete Teorii Vyskazyvaniya: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Hybrid Forms of Other People's Speech in the Light of Theory of Speech]. Voronezh, 2013.
23. Chumakov G. M. *Sintaksis Konstruktii s Chuzhoi Rech'yu* [Syntax of Constructions with Other People's Speech]. Kyiv: Vyshha Shkola Publ., 1975. 219 p.
24. Shytyk L. *Synkretizm Konstruktii iz Chuzhoyu Movoyu* [Syncretism of Constructions with Other People's Speech]. *Lingvistichni Studii'*. Ed. by A. P. Zagnitko. Donetsk: Donetsk'kyi Universytet Publ., Issue 22, 2011, pp. 229–237.
25. Yushchuk I. P. *Ukrai'ns'ka Mova* [Ukrainian Language]. Kyiv: Libid' Publ., 2003. 640 p.
26. Yaslyk V. I. *Verbalizatsiya Jevidentsii' v Suchasni' Ukrai'ns'kii Literaturnii Movi: Dys. ... Kand. Filol. Nauk* [Verbalization of Evidentiality in the Modern Ukrainian Literary Language. Thesis]. Ivano-Frankivs'k, 2018. 209 p.
27. Yaslyk V. I. *Jevidentsiina Semantyka Perepovidnosti v Ukrai'ns'kii Movi* [Evidential Semantics of the Renarration in the Ukrainian Language]. *Aktual'ni Pytannya Gumanitarnykh Nauk. Movoznavstvo. Literaturoznavstvo*. Issue 29, Vol. 4. Drohobych, 2020, pp. 136–140.

КОНСТРУКЦИИ С СЕМАНТИКОЙ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРКА ВОВЧКА

Ачилова Е. Л., Пелипась Н. И.

В статье охарактеризованы конструкции с вербализованными указаниями на источник информации, в частности косвенная речь, бессоюзные конструкции с изъяснительно-объектным значением, предложения с тематической речью и предложения с вводными

конструкциями, указывающими на источник речи. В пересказывательных конструкциях с косвенной речью передается только содержание без сохранения экспрессивности сказанного. Типичными стержневыми компонентами косвенной речи в произведениях Марко Вовчка являются глаголы речи и мышления *говорити, казати, розказати, питати / спитати, думати / подумати*. Выбор соединительных средств для введения чужой речи зависит от её целенаправленности. Наиболее употребительными являются союзы и соединительные слова *що, чи, який, щоб*. В бессоюзных конструкциях с изъяснительно-объектным значением первая часть является авторским комментарием, а чужая речь пересказывается без добавления союза и записывается после двоеточия со строчной буквы без кавычек и тире. Круг вводных компонентов ограничен, преобладают глаголы речи, волеизъявления, мышления, восприятия: *сказати / казати, наказ, думати, чутка*. Тему сообщения без сохранения структуры и модального смысла высказывания передают дополнения и придаточные части, зависящие от глаголов-предикатов речи и волеизъявления (*казати / сказати, розказувати, спитати / питати, веліти / звеліти, запросити*). Наиболее частотные среди вводных конструкций – *кажуть, каже, сказано, краще мовити, думаю*. Проведенный анализ показывает, что Марко Вовчок своей художественной практикой совершенствует систему пересказывательных конструкций с косвенным воспроизведением чужой речи современного украинского языка.

Ключевые слова: чужая речь, семантика пересказывательности, косвенная речь, конструкции с изъяснительно-объектным значением, тематические конструкции, вводные конструкции, Марко Вовчок.

CONSTRUCTIONS WITH RETELLING SEMANTICS IN THE WORKS OF MARKO VOVCHOK

O. L. Achylova, M. I. Pelypas'

The article characterizes the methods of indirect transmission of other people's speech, which are indirect speech, constructions of notifying modality, sentences with the transmission of the topic of other people's speech and sentences with insertion constructions indicating the source of speech. In indirect speech constructions only the content is conveyed without preserving the expressive nature of what is said. The typical core components of indirect speech in Marko Vovchok's works are verbs of speech and thinking *говорити, казати, розказати, питати / спитати, думати / подумати*. The choice of allied means for introducing of other people's speech depends on its purposefulness. The most used conjunctions and conjunctive words are *що, чи, який, щоб*. In constructions of notifying modality, the first part is the author's commentary, and someone else's statement is retold without the addition of a conjunction and written after the colon with a small letter without quotation marks or dashes. The range of introductory components is limited, they denote speech, volition, thought, perception: *сказати / казати, наказ, думати, чутка*. Topic constructions are sentences with verb predicates for speech and volition (*казати / сказати, розказувати, спитати / питати, веліти / звеліти, запросити*) and additions that reveal the subject of the message. Such additions are expressed mostly in the prepositional-propositional forms and verbs in the infinitive. The most common among insertion constructions are *кажуть, каже, сказано, краще мовити, думаю*. The analysis shows that Marko Vovchok with her artistic practice improves the system of narrative constructions with indirect reproduction of an other people's speech of the modern Ukrainian language.

Key words: other people's speech, indirect speech, constructions of notifying modality, thematic constructions, insertion constructions, Marko Vovchok.

УДК 801.8:81'282'373.7

ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ ГАЛИЦЬКО-БУКОВИНСЬКИХ ДІАЛЕКТНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ

Дехтярьова О. В.

*Інститут філології
ФДАНЗ ВО «Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського»,
Сімферополь, Росія
E-mail: dehtyaryova@rambler.ru*

У статті розглядаються питання функціонування діалектних фразеологізмів у художніх творах письменників Покуття і Гуцульщини кінця XIX – початку XX ст., що є важливою джерельною базою для вивчення діалектної фразеології, уможливує не лише практичні дослідження, а й теоретичне опрацювання проблем фразеологічного рівня. Словесна творчість Леся Мартовича, Василя Стефаніка, Гната Хоткевича, Марка Черемшини розглядається як комплекс взаємопов'язаних елементів, у яких потреби, мотиви, настанови, наміри авторів виражені різними діалектними фразеологічними одиницями. З'ясовано причини та особливості введення у художні твори таких одиниць. Кожний із згаданих письменників широко використовує в художніх творах діалектні фразеологізми, що мають особливості на різних мовних рівнях, особливо на фонетичному, лексико-семантичному та морфологічному. З'ясовано, що різні автори неоднаково послуговувалися гуцульськими та покутсько-буковинськими говірками. Також розглянуто питання стосовно визначення статусу діалектних фразеологічних одиниць, які трапляються в художніх творах один раз та не зафіксовані академічними словниками. Як лінгвістичні одиниці вони відображають фонетичні, словотвірні, морфологічні, синтаксичні, лексичні особливості певного діалекту. Як одиниці словесної культури ілюструють факти історії, побуту, фольклору, міфології українського народу.

Ключові слова: діалектна фразеологічна одиниця, покутсько-буковинські говір, гуцульський говір, фразеологізм, художній текст.

ВСТУП

Фразеологія нового часу стала окремою лінгвістичною дисципліною зі своєю методологією аналізу фразеологічних одиниць. Особливе значення для подальшого дослідження національного фразеологічного фонду має вивчення функціонального потенціалу діалектної фразеології, поряд із фіксацією діалектних фразеологічних одиниць (далі – ДФО) у художніх творах, що становить, безперечно, історичну цінність як складник словесної культури українського народу.

Розвиток літератури кінця XIX – початку XX ст. характеризується тим, що частина письменників з особливою увагою ставилась до діалектизмів. Це період найбільш активного збагачення лексико-фразеологічного складу і стилістичних можливостей української літературної мови, на формування якої впливало живе розмовне середовище. Художні твори відзначалися багатством діалектних фразеологічних одиниць, які безпосередньо походили з місцевого (діалектного) народнорозмовного джерела, хоча частина з них не має і досі належного

лексикографічного задокументування й опису. Саме в цей час народився цікавий напрям в українській літературі – писати місцевою говірковою мовою.

Із опублікованих праць, присвячених вивченню української діалектної фразеології, необхідно відзначити студії Н. А. Москаленко, С. П. Бевзенка, Н. Д. Бабич, які стали підґрунтям для подальших досліджень у цьому напрямку. У другій половині ХХ ст. з'являється низка праць, у яких розглянуто теоретичні та практичні питання діалектної фразеології. Зокрема це публікації В. В. Грещука, В. В. Грещук, Д. Г. Гринчишина, М. Т. Демського, М. Т. Доленка, Ю. Ф. Прадіда, М. В. Якіма та інших дослідників.

Починаючи з 90-тих років ХХ ст., з'являється низка дисертаційних досліджень окремих говорів: карпатських (В. І. Лавер) східностепових (Т. Г. Грица), поліських (Г. М. Добролюжа), лемківських (Г. Ф. Ступінська), східнословобожанських і східностепових (Р. В. Міняйло), західноподільських (Н. Д. Коваленко), гуцульських (М. Я. Олійник), верхньонаддністрянських (Н. В. Романюк), центральнослобожанських (О. Л. Плетнева) та ін.

За останні роки збільшилась кількість діалектних фразеографічних праць. Опубліковано словники буковинських, бойківських, гуцульських, наддністрянських говірок. Окрім цього, з'явилися й такі фразеографічні джерела, що репрезентують лише частину ареалу, наприклад, низка словників Б. К. Галаса, М. П. Лесюка, М. Негрича, Ю. О. Піпаша та ін. Не дивлячись на те, що ці праці різні за обсягом, широтою та деталізацією опису конкретного ареалу, усіх їх об'єднує прагнення авторів точно й вичерпно паспортизувати зафіксовані одиниці, описати семантику й схарактеризувати ДФО обраного діалектного простору.

Постановка проблеми. Незважаючи на відсутнє пошвавлення досліджень, констатуємо, що діалектна фразеологія ще потребує свого детального вивчення. Необхідно встановити обсяг і межі української діалектної фразеології, виявити основний корпус ДФО в українській мові, визначити основні напрямки й шляхи розвитку досліджень тощо.

Значний інтерес становлять діалектні фразеологічні одиниці в плані їх функціонування в художньому тексті, де найвиразніше простежуються активні процеси у фразеології, які виявляються в безперервному оновленні семантики, трансформації форми діалектних фразеологізмів і є свідченням постійного розвитку цих мовних одиниць (див. наукові розвідки Н. Д. Бабич, В. В. Грещук, Т. О. Євтушиної, В. А. Папіш, Н. В. Романюк та ін.).

Актуальність дослідження зумовлена необхідністю подальшого вивчення функціональних властивостей ДФО в художніх текстах, їх семантичного і структурного аналізу, вияву взаємозалежності зміни структури, семантики і стилістичного навантаження в художніх творах.

Метою статті є встановлення своєрідності та особливостей використання західноукраїнськими письменниками кінця ХІХ – поч. ХХ ст. діалектних фразеологізмів у художніх творах.

Методи дослідження. Досягнення поставленої мети зумовило використання описового методу (для виділення ДФО, їх членування, інтерпретації гуцульських і

покутсько-буковинських особливостей ДФО) та контекстологічного аналізу (для з'ясування функцій, ролі ДФО, їх взаємодії з іншими елементами тексту).

Об'єктом дослідження є діалектні фразеологічні одиниці, що функціонують у художніх текстах Леся Мартовича, Василя Стефаника, Гната Хоткевича, Марка Черемшини. Необхідно зазначити, що опрацьовані одиниці належать до галицько-буковинської групи говорів, яка поширена на території історичної Буковини й Галичини. У свою чергу, в цій групі виділяються досліджувані нами покутсько-буковинські та східнокарпатські (гуцульські) говірки [1, с. 212].

Покутсько-буковинський діалект входить до південно-західної діалектної групи української мови, поширений у південно-східних районах Івано-Франківської області та в Чернівецькій (за винятком західних районів). На заході межує з гуцульським говором, межа між цими говорами дуже невиразна, часто вони взаємовклинаються. На заході та півночі – з наддністрянським говором і на сході – з подільським говором. Складається з двох говіркових масивів – покутських і буковинських (основних) говірок [8, с. 523].

Покутський діалект у системі говорів південно-західного наріччя української мови посідає особливе місце. Особливість полягає в тому, що він характеризується не тільки йому властивими рисами, а становить систему говірок, перехідних між буковинськими, гуцульськими, бойківськими, наддністрянськими і подільськими.

Гуцульський говір, східнокарпатський, – один із говорів галицько-буковинської групи південно-західного наріччя. Гуцульські говірки поширені на Гуцульщині, зокрема в південно-західних районах Івано-Франківської, в гірських районах Чернівецької і в східній частині Закарпатської областей. Межує на заході з закарпатським, на півночі – з бойківським і наддністрянським, на сході – з покутсько-буковинським говором [5, с. 129].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Характерною особливістю використання галицько-буковинських ДФО в художніх творах досліджуваних письменників став їх репертуар і спосіб уведення в мову твору. При цьому Лесь Мартович, Василь Стефаник, Гнат Хоткевич, Марко Черемшина неоднаково використовували гуцульські та покутсько-буковинські говори.

Лесь Мартович писав українською літературною мовою свого часу, але з метою більш повного відображення душевного стану персонажів творів, переважно селян Покуття, щедро користувався покутською говіркою. У мові оповідань Леся Мартовича фіксуємо значну кількість ДФО, які ілюструють фонетичні, морфологічні, синтаксичні особливості цього говору: *біг забрав; як ріп'ях кожуха; бодай хороба втяла; ба сесе, ба тото; кишки був бих випустив; гейби хто гранею обсипав*. Діалектні фразеологізми письменник у переважній більшості вживав свідомо, з метою відтворення внутрішнього світу героїв, мовної характеристики персонажів, наприклад: *Тоді я взяв би панків у крипи, що змикали би передо мною, як теля у сіянок* [14, с. 108], де діал. *крепи* – кліщі, *узяти в крепи* – притиснути, взяти в шори [14, с. 421]; *Йди й ти за Гриньком та там буде теоба сміятися з того святця, – сказав Іван, – а тут стули хавку* [14, с. 237], де діал. *хавка* – рот, глотка [6, с. 199]. У листі

до В. Гнатюка, посилаючи йому повість “Забобон”, Лесь Мартович зауважує: “Я старався писати літературною мовою. Відступав від неї лиш для характеристики місця, осіб і ситуації” [4, с. 121]. Письменник багатства народної мови визнавав невичерпними, вважав, що українську літературну мову слід удосконалювати за саме її рахунок. З огляду на те й використовував такі діалектні фразеологічні одиниці, які не траплялися в мові провідних авторів того часу, але активно вживалися у цій місцевості, наприклад: **в лексі мати** ‘Легковажити’ [10, с. 433]: – *Я виджу, що ти собі це в лексі маєш, а я не жартую: не дам ані крейцара... Не маю відки, хоч бери мене на муки* [14, с. 307].

Василь Стефаник розглядав діалект як один із основних мовних засобів, що допомагає не тільки створювати необхідні образи, а й відтворювати специфічно-мовними засобами типові обставини, через те активно використовував у своїх творах діалектні фразеологізми: **іти на зломану голову** ‘Забиратися геть’ [12, с. 177]: **Іди на зломану голову, гадає, що я гроші кую або краду!** [15, с. 125]. Покутський діалект був для письменника рідним, тому він і писав їм твори: *Він дес такий голодний, що му си очи за тобов продивили* [15, с. 141]; *Чьо ти собі гудза за мнов шукаєш?* [15, с. 33], де **шукати гудза** ‘Шукати біду, напасть, причину до сварки’ [12, с. 87]. Автор використовує не тільки лексико-семантичні покутські діалектизми, а і своєрідні діалектні елементи в компонентному складі фразеологічних одиниць, які репрезентують фонетичні та граматичні особливості говору: *най пан біг хоронит, світ зав’езала, без царамонії, не виходит з голови, в ярем запръгали, з торбов ходит*. Загалом, у творах Василя Стефаника виявляємо ДФО, які ілюструють покутський говір на всіх структурних мовних рівнях, але констатуємо, мова творів письменника становить художній синтез діалектних рис із літературними, а не копіює говір: – *То до семого коліна буде їх так душити, а як семе коліно мине та й нема моці вже. То кара, люде, сему кістку аж карати!* [15, с. 150]; *А ти, мерзо, знов хочеш робити веймір на всі люди* [15, с. 23].

Особливе місце стосовно використання гуцульського говору в художній літературі посідає творчість Марка Черемшини, який народився на Гуцульщині, тому добре знав гуцульську народнопоетичну творчість, з дитинства увібрив у себе всю красу й чарівність гуцульського говору. Отже, цілком закономірно, що гуцульський говір широко використовується в його художніх творах, наприклад: *лягти у деревище (деревище – домовина, труна [7, с. 57]): А най ти ляжеш у деревище, та й що я варт* [18, с. 271]; *Вижу надходить смучя година, але чути не чую, хоть з гармати стрілейте. – Та-бо то й страху дає та смучя година! – перервав Митро Пужливий* [18, с. 137–138], де **смучий** – чортячий, анафемський [18, с. 319]. У новелах мовлення персонажів письменник максимально наближує до гуцульського говору, відбиваючи в ньому не тільки лексичні діалектизми, а й усі фонетичні, морфологічні, синтаксичні особливості, які можна було передати звичайними правописними засобами. “До того ж діалектними засобами Черемшина відтворює народнопоетичний світ, збагачує емоційну підоснову своїх новел, домагається певного, завжди оригінального тону для кожного із своїх творів”, – констатує Ф. Т. Жилко [7, с. 21]. Деякі дослідники ідіостилію Марка Черемшини вважають, ніби твори письменника написані східнокарпатським (гуцульським) діалектом, оскільки в мові творів митця

зафіксовано значну кількість діалектних рис. Однак, як засвідчують дослідження мови новел письменника, він писав свої твори тодішньою літературною мовою Галичини із чималим використанням гуцульського говору, передусім у мові персонажів [2, с. 9]: – *Чіму би не панило, коли то у них файний футраш: самі м'єса, то кава, та гарбата, та гараки, та цукри, та **шо душа забагає*** [18, с. 44]. Характерною особливістю творчості письменника є те, що в мові персонажів відбиваються найважливіші риси гуцульського говору, які викликають у читача певне ставлення до зображуваного, характеризують психічний стан героїв, створюють відповідний емоційно-експресивний настрій: *мати в темці; руку піднев; в лжжіці води втопив би; ек палец; , нема життя; най го холера зітне, трєсло, гейби в пропасниці* тощо. А в авторській мові вживаються діалектні фразеологізми, яких вимагає тематика новел, особливості їх сюжетного розгортання, наприклад: *Дзельманова брама стала раз у раз відчинятися, а газдині навіть із сторонських сіл стали приганяти на подвір'я воли та корови та передавати їх Дзельманові в добру годину, аби їм газдів та синів повитягав з неволі, аби їм **здоймив з серця грижу*** [18, с. 157].

Необхідно зазначити, що гуцульські діалектні одиниці виконують важливі художні функції, зокрема образотворення, створення гуцульського колориту, пізнання духовної і матеріальної культури гуцулів, культурно-національної специфіки опису героїв творів, ілюструючи незмірне багатство народної мови, створюючи відповідний емоційно-експресивний настрій, наприклад: *уру **мати*** (діал. ура – гнів, образа [12, с. 569]): *Єк заступник віта на твого сина **уру має**, то ти собі Митрику, бійси, кілька хочеш, але села не рунтай, челіди не положи* [18, с. 139]; ***патороч зробити*** (діал. патороч – бійка; патороч зробити – вбити [18, с. 315]): *Мой, брє, таже то жоліб, то межі скалами було йму раз **патороч зробити**, аби не налазив на села, – каже один* [18, с. 140]. Отже, ДФО є одним із важливих художніх засобів відтворення культурно-національних особливостей, думок і настроїв персонажів.

На думку В. Грещука, «етапним щодо особливостей використання гуцульського діалекту в українській художній мові стала творчість східноукраїнських письменників, які вперше взялися до стилізації мовлення персонажів творів на гуцульську тематику під гуцульський говір і вживання лексичних діалектизмів у авторській мові» [3, с. 4]. Яскравою сторінкою біографії Гната Хоткевича стало перебування на Гуцульщині у 1906-1912 роках. Цей неповторний край вразив письменника до глибини душі. Це посприяло тому, що гуцульська тема стала однією з основних у творчості письменника, хоча Гнат Хоткевич не був уродженцем Гуцульщини, однак вдало використовував у своїй творчості гуцульські діалектні фразеологізми, наприклад: ***мати пизму (пізьму)*** ‘Сердитися, гніватися на когось’ [6, с. 148]: *А Головач дїправді має любаску собі, і вна на него **пизму мала в серці*** [16, с. 52].

Письменник ретельно вивчав гуцульський говір, цілком усвідомлено та стилістично вмотивовано здійснював добір гуцульських діалектних рис та використовував при написанні творів, оскільки вважав, що цей говір повинен відіграти значну роль у формуванні української літературної мови, збагатити її та

урізноманітнити. Гнат Хоткевич навчився вільно розмовляти і писати мовою гуцулів. “Тільки тонкий знавець діалекту міг так точно відтворити його багатство. Практично не користуючись ним у побуті, а тільки в художній практиці” [11, с. 551]. Письменник ґрунтовно досліджував фольклор, етнографічні праці про Гуцульщину. Однак основним джерелом для Гната Хоткевича були природа, обряди, звичаї, вірування, світогляд гуцулів. Своє захоплення гуцулами письменник пояснював так: “Гуцули припали мені до душі тим, що в них чути голос життєвої сили, вони носять у собі якийсь особливий внутрішній спокій, якого ми не знаємо, нарешті, вони художники не тільки в ті хвилини, коли щось довбають або ліплять, а в самій потребі творити зразки краси, щоб вона була розсіяна на кожному кроці в їх буденщині... Я не тільки забуваю літературну мову, бо звук говорити по-гуцульськи, але починаю думати, як гуцул” [13, с. 59]. Майстра художнього слова вражала лаконічність, колоритність, смислова насиченість гуцульського говору, наприклад: *мати завзекіск* ‘Сердитися, гніватися на кого-небудь’ [10, с. 262]: *А при тому, що тогди та теща моя завзєласи за тото на мене та й удала мене перед Довбушем, ніби я за ним ходжу й хочу го забити. З того він мав завзекіск на мене* [16, с. 385]; *Та витак си провергли – а ту ті мрєч в очєх, а дух єк не зіпре у хавках* [17, с. 23], де діал. *мрєч* – мжичка; мряка; туман [6, с. 126].

Авторська мова його творів – це сформована на наддніпрянській Україні українська літературна мова того часу. Тоді як мовлення персонажів, наскільки дозволяє правописна система без транскрипції, наближене до гуцульського говору, де письменник якнайточніше і найповніше відбиває особливості гуцульського діалекту, використовуючи не лише лексичні, а й фонетичні, морфологічні, синтаксичні діалектизми в компонентному складі фразеологічних одиниць: *шкіру до сім раз ізтегати; най си прєч каже; най їх дідько бере; без памнєті, розніс на кавальчики, зробив конец, волосє стало дубом, важив житєм, най го дідько озьмет.*

«Гнат Хоткевич у своїх творах на гуцульську тематику у стилізації мови персонажів намагався якнайповніше відтворити гуцульську мовну автентіку, – зауважує В. Ґрещук, – однак така мовна практика, незважаючи на більшу повноту відтворення гуцульських діалектних рис, помітно ускладнює сприймання художнього тексту читачеві, не знайомому в деталях із особливостями гуцульського говору» [3, с. 4].

Отже, кожний із згаданих письменників широко застосовує в художніх творах діалектні фразеологічні одиниці, які мають особливості на різних мовних рівнях. При цьому територіальна обмеженість функціонування ДФО може зумовлюватися структурно-семантичними особливостями всієї ДФО або лише лексико-граматичними компонентами, наприклад: *стало (було) омпно (омкно)*, де *омпно*, *омкно* – не по собі [12, с. 366]: – “*Ідїт гет, чоловіче*”, – каже вона мені крізь силу. Так *омпно* їй *стало* [18, с. 60]; *По такїї гадці стало Іванові омпно. Він ухнюпився, замовк як води в рот набрав та й мовчки приплентався домів* [14, с. 6]; *Він був з Поділля, і йому самому якось було ... “омкно” серед тих мовчазливих велетів* [17, с. 20]. Б. В. Кобилянський зазначає, що “по-перше, не випадково названі письменники “зберігають місцеву діалектну лексику” у своїх творах, а звичайно нею користуються як своєю щоденною лексикою; по-друге, діалектні елементи тут не

тільки в мові персонажів, але й у мові авторів; по-третє, у творах Стефаніка і Черемшини не самі лише лексичні, а багато і фонетичних, і морфологічних, і синтаксичних діалектизмів” [9, с. 40].

За останнє століття функціонування української мови з обігу вийшло чимало ДФО – і не завжди на це були об’єктивні підстави. Втрата ж хоча б однієї одиниці призводить до втрати цілого інформаційного комплексу, який пов’язаний з нею, а згодом до втрати можливостей розкрити ті шляхи й джерела, завдяки яким сформувалося фразеологічне багатство української мови. Оскільки й дотепер наші знання про територіальне розповсюдження тієї чи іншої діалектної фразеологічної одиниці залишаються далеко не повними. Тому цілком зрозуміло, що ДФО, зафіксовані в художніх творах, викликають неабиякий інтерес науковців, оскільки допомагають зберегти скарби загальнонародної мови. ДФО *най ся преч каже (преч би ся (си) казало)* використовується як формула відігнання злої сили, передаючи, таким чином, особливості мови минулого та підкреслюючи місцевий колорит: *Ану, жди-ко, жінко, – перервав Тимофій, – аді, я просив кума, най би обіздрили, ци то кинулоси її більмо, преч би си казало, ци ска примха* [18, с. 99]; *Беруся я до люльки. Та ба! Язык задубив, став лубом, у горлі пече, а слина точиться, преч би ся казало, як коли скаженому* [14, с. 233]; *– А йдім, кумо, най си преч каже з таков заходити. Ади, у неї зуби на продаж* [15, с. 69]. У словнику “Гуцульські говірки. Короткий словник” автори тлумачать ДФО *най си преч каже* ‘Не при хаті кажучи’ [6, с. 156]. У Словнику буковинських говірок за ред. Н. В. Гуйванюк подається значення: *най си преч каже* ‘Краще не говорити, не згадувати! Не про нас кажучи’ [12, с. 311].

Під час дослідження діалектних фразеологізмів у художній спадщині письменників неодмінно постає питання щодо визначення статусу тих ДФО із художніх творів, які трапляються в текстах один раз та не зафіксовані словниками. Зрозуміло, що поодинокі випадки вживання діалектних фразеологізмів у художніх творах не дають достатніх підстав вважати фразеологічну одиницю такою, що вживається в живому мовленні. Однак виявлені ДФО потрібно фіксувати, оскільки вони, як експресивні засоби, несуть у собі велику смислову інформацію та виражають мовну індивідуальність автора, наприклад: *– Ця, брачіки, вже до магазину, – кажуть вони до себе і махають головами над бабиною старістю* [18, с. 80] – *до магазину* ‘На той світ’ [18, с. 312].

Значення деяких ДФО доволі часто можна визначити з певною часткою припущення, оскільки у відомих нам фразеографічних джерелах не всі вони зафіксовані, а контекст не завжди містить достатньо інформації, наприклад: *на ґрунт прийняти* ‘Про хлопця, який переходить в хату жінки і працює на її землі’ [10, с. 196]: *Але ек мні зеть чістує, то най би було, бо то чужя дитина, то за тото, шо-сми на ґрунт приймив, шо ми розум відобрало* [18, с. 40]; *покласти на ґрунт* ‘Відділити в осібне господарство’ [10, с. 196]: *Дід Дмитро поклав на ґрунт чотирьох синів* [15, с. 112].

Факт використання не зафіксованих у фразеологічних словниках української мови ДФО у творах двох письменників, біографічно поєднаних спільною територією, уже засвідчує реальність цієї ДФО в живому безпосередньому мовленні людей, наприклад: *іти / піти (вікликати) на бубен (бубень)* ‘Продаж речей із торгів за

борги' [14, с. 418]: *Заліз у банок, рат не поповнив; та не пішло все господарство на бубен? Пішло* [14, с. 35]. *Спит на присні та крізь сон гукає: аді, аді, вже ліцїтуют, вже б'ють печытки, вже на бубень вікликают* [15, с. 81].

ВИСНОВКИ

Процес пристосування діалектних фразеологічних одиниць в літературній мові насамперед відбувається через посередництво художньої літератури. Надання ДФО писемної форми, фактично, є входженням елементів діалектної мови, місцевої культури в національну мову й культуру, реалізує здатність ДФО брати участь у творенні нових семантико-стилістичних функцій, дозволяє визначити особливості внутрішньої форми ДФО, простежити їх зв'язок із національно-культурними традиціями українців, є важливим чинником художнього текстотворення.

Творчість майстрів слова сприяє розширенню діалектної основи української літературної мови. Спираючись у своїй мовотворчості на народні джерела, західноукраїнські письменники розвинули українську літературну мову, оживили її та збагатили. Художні твори Леся Мартовича, Василя Стефаника, Гната Хоткевича, Марка Черемшини – письменників, які виростили в народно-розмовному середовищі, слугують достовірним джерелом для дослідження мови в її діалектній формі. Характер використання ДФО, їх фонетичні й граматичні особливості, широко репрезентовані у творах, способи включення діалектних фразеологізмів у текст засвідчують територіальну й часову співвіднесеність мовленнєвого матеріалу, використаного цими письменниками, з реальною мовною ситуацією кінця XIX – початку XX ст.

Аналіз контекстуальної реалізації ДФО сприятиме подальшому лінгвістичному дослідженню діалектної фразеології української мови, виробленню методів дослідження ДФО в художніх текстах, укладанню діалектних словників, висвітленню важливих явищ в розвитку літературної мови, уведенню в науковий обіг оригінального фразеологічного матеріалу, не зафіксованого фразеографічними працями.

Список літератури

1. Бевзенко С. П. Українська діалектологія / С. П. Бевзенко. – К. : Вища школа, 1980. – 246 с.
2. Грещук В. В. Гуцульський говір в українській художній мові XIX – I пол. XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / В. В. Грещук. – Львів, 2009. – 22 с.
3. Грещук Василь. Гуцульський діалект у мові сучасної української літератури / Василь Грещук // Українознавчі студії. – 2012–2013. – № 13–14. – С. 3–11.
4. Григорук О. П. Українська літературна і діалектна мова у творчій практиці Л. Мартовича / О. П. Григорук // Питання взаємодії української літературної мови і територіальних діалектів : тези доповідей і повідомлень – К. : Наук. думка, 1972. – С. 120–122.
5. Грищенко П. Ю. Гуцульський говір / П. Ю. Грищенко // Українська мова : Енциклопедія / [ред. колегія В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк. та ін.]. – 3-є вид., зі змінами і доп. – К. : Укр. енцикл., 2007. – С. 129–130.
6. Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.

7. Жилко Ф. Т. Мова новел М. Черемшини / Ф. Т. Жилко // Українська мова в школі. – 1954. – № 6. – С. 20–31.
8. Закревська Я. В. Покутсько-буковинський говір / Я. В. Закревська // Українська мова. Енциклопедія / [ред. колегія В. М. Русанівській, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк та ін.]. – 3-є вид., зі змінами і доп. – К. : Укр. енцикл., 2007. – С. 523–524.
9. Кобилянський Б. В. Діалект і літературна мова / Б. В. Кобилянський. – К. : Радянська школа, 1960. – 277 с.
10. Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок : у 2-х ч. / М. Й. Онишкевич. – К. : Наук. думка, 1984. – Ч. 1. – 495 с.
11. Погребенник Ф. Гнат Хоткевич і його історична проза / Г. Хоткевич // Г. Хоткевич. Авірон. Довбуш. Оповідання. – К. : Дніпро, 1990. – С. 539–553.
12. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.
13. Хоткевич Г. Спогади. Статті. Світлини / Г. Хоткевич ; [упоряд. А. Балабольшенко, Г. Хоткевич]. – К. : Кобза, 1994. – 166 с.
14. Мартович Лесь Твори / Лесь Мартович. – К. : Дніпро, 1976. – 428 с.
15. Стефаник В. Повне збір. творів : у 3-х т. / Василь Стефаник. – К., 1949. – Т. 1. – 377 с.
16. Хоткевич-1 Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – К. : Дніпро, 2004. – 392 с.
17. Хоткевич-2 Г. Камінна душа : [повість] / Гнат Хоткевич. – К. : Дніпро, 1981. – 295 с.
18. Черемшина М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – К. : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

References

1. Bevzenko S.P. *Ukrainian Dialectology*. K: Vishha shkola Publ., 1980. 246 p.
2. G'reshhuk V.V. *Gutsulskyj Govir v Ukrainiskij Hudozhnij Movi XIX-I pol. XX st.: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Gutsul Dialect of Ukrainian Art Language of XIX-I half of XX Century]. L'viv, 2009. 22 p.
3. G'reshhuk V. *Gutsulskyj Dialekt u Movi Suchasnoi' Ukrain's'koi' Literatry* [Gutsul Dialect in the Language of Modern Ukrainian Literature]. *Ukrain'noznavchi Studii'*. 2012–2013, no. 13–14, pp. 3–11.
4. Grigoruk O. P. *Ukrain's'ka Literaturna i Dialektna Mova u Tvorchij Praktyci L. Martovycha* [Ukrainian Literary and Dialect Language in the Creative Practice of L. Martovich]. *Issues of Interaction of the Ukrainian Literary Language and Territorial Dialects: Abstracts of Reports and Messages*. K: Nauk, dumka Publ., 1972, pp. 120–122.
5. Gricenko P. Y. *Hutsulskyj Govir* [Gutsul Dialect]. *Ukrainian Language: Encyclopedia*. K: Ukr. encycl. Publ., 2007, pp. 129–130.
6. *Gucul's'ki Hovirky: Korotkyj Slovnyk* [Gutsul Dialects: A Short Dictionary]. *NAN of Ukraine. Kryp'jakevych Institute of Ukrainian Studies*. Lviv, 1997. 230 p.
7. Zhilko F. T. *Mova Novel* [The Language of Novels]. *Ukrainian Language at School*, 1954, no 6, pp. 20–31.
8. Zakrevskaya Ya. V. *Pokuts'ko-bukovynskyj Govir* [Pokut-bukovin Dialect]. *Ukrainian Language. Encyclopedia*. K: Ukr. encycl. Publ., 2007, pp. 523–524.
9. Kobylyanskyj B. V. *Dialekt i Literaturna Mova* [Dialect and Literary Language]. K: Radyansk'a shkola Publ., 1960. 277 p.
10. Onyshkevych M. I. *Slovnyk Boikivskyh Govirok* [Dictionary of Boykiv Dialects]. K: Nauk, dumka Publ., 1984. 495 p.

11. Pogrebennik F. Gnat Hotkevich i Jogo Istorychna Proza [Gnat Khotkevich and His Historical Prose]. Aviron. Dovbush. Opovidannya. K: Dnipro Publ., 1990. Pp. 539-553.
12. *Slovnyk Bukovyns'kyh Govirok* [Dictionary of Bukovin Dialects]. Chernivci: Ruta Publ., 2005. 688 p.
13. Hotkevych G. *Spogady. Statti. Svitlyny* [Memoirs. Articles. Photos]. K: Kobza Publ., 1994. 166 p.
14. Martovych Les' *Tvory* [Stories]. K: Dnipro Publ., 1976. 428 p.
15. Stefanyk V. *Povne Zibr. Tvoriv: u 3-h t* [Complete Works of Stories in 3 Volumes]. 1949, vol. 1. 377 p.
16. Khotkevich G. *Dovbush* [Dovbush]. – K: Dnipro Publ., 2004. 392 p.
17. Khotkevich G. *Kaminna Dusha* [Fireplace Soul]. K. : Dnipro Publ., 1981. 295 p.
18. Cheremshina M. *Tvory v Dvoh Tomah* [Works in 2 Volumes]. K: Nauk. dumka Publ., 1974, vol. 1. 336 p.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГАЛИЦКО-БУКОВИНСКИХ ДИАЛЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Дехтярева Е. В.

В статье рассматриваются вопросы функционирования диалектных фразеологизмов в художественных произведениях писателей Покутья и Гуцульщины конца XIX – начала XX ст., что является важным источником для исследования диалектной фразеологии, делает возможным не только практические, но и теоретические исследования проблем фразеологического уровня. Словесное творчество Леся Мартовича, Василя Стефаника, Гната Хоткевича, Марко Черемшины рассматриваются как комплекс взаимосвязанных элементов, в которых цели, мотивы, установки авторов выражены разными диалектными фразеологическими единицами. Рассмотрены причины и особенности введения в художественное произведение таких единиц. Каждый из упомянутых писателей широко использует в своих художественных произведениях диалектные фразеологизмы, имеющие особенности на разных языковых уровнях, особенно на фонетическом, лексико-семантическом и морфологическом.

Определено, что каждый из авторов по-разному использовал гуцульские и покутско-буковинские диалектные фразеологизмы. Также рассмотрен вопрос об определении статуса диалектных фразеологических единиц, встречающихся в художественных произведениях один раз и не зафиксированных словарями. Как лингвистические единицы они отражают фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические, синтаксические особенности определенного диалекта. Как единицы словесной культуры – иллюстрируют факты истории, быта, фольклора, мифологии украинского народа.

Ключевые слова: диалектная фразеологическая единица, покутско-буковинский говор, гуцульский говор, фразеологизм, художественных текст.

Дехтярьова О. В.

**FEATURES OF THE USE OF GALICIAN-BUKOVINA DIALECT
PHRASEOLOGICAL UNITS IN WORKS OF ART**

Dehtyaryova E. V.

The article deals with the functioning of dialect phraseological units in the works of writers of Pokutya and Hutsul regions of the late XIX – early XX century. This is an important key basis for the study of dialect phraseology, which makes possible not only practical research, but also theoretical study of problems of phraseological level. The verbal creativity of Les Martovich, Vasily Stefanik, Gnat Khotkevich, and Mark Cheremshina is considered as a complex of interrelated elements in which the needs, motives, attitudes and intentions of the authors are expressed in various dialect phraseological units. The reasons and features of the introduction of such units into works of art are clarified. Each of these writers makes extensive use of dialect phraseological units in their works of art, which have features at different language levels, especially at phonetic, lexical-semantic, and morphological ones. It is determined that different authors used Hutsul and Pokut-Bukovina dialects differently. The issue of determining the status of dialect phraseological units that occur only once in works of art and are not recorded in academic dictionaries is also considered. As linguistic units, they reflect the phonetic, slovoivirni, morphological, syntactic, and lexical features of a particular dialect. As units of verbal culture, they illustrate the facts of history, everyday life, folklore, mythology of the Ukrainian people.

Key words: dialect phraseological unit, Pokutsko-Bukovina dialect, Hutsul patois, phraseology, artistic text.

УДК 81

НОВЫЕ СЛОВА В ПИСЬМЕННЫХ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТРАКТАТОВ XVII ВЕКА)

Ягенич Л. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: yagenich@mail.ru*

Статья посвящена проблеме медицинской неологии. В условиях когнитивного и социального развития человечества, прагматическое функционирование слов появляются «новые слова». Значимость неологизмов подтверждается отсутствием культурных границ в совершенствовании техники и науки в современном англоязычном обществе; очевидно, что процесс глобализации способствует универсализации терминов и формированию языковой картины мира. Изучение «новых слов» и анализ медицинских терминов в англоязычных трактатах XVII века определяют цель данного исследования. Используется описательный и сопоставительный методы в процессе выполнения работы. Описательно представлено номинативные и стилистические неологизмы. Стилистические неологизмы на примере слова «знак» (sign) и его равноценно функционирующих в XVII веке синонимов: accident, mark, symptom, note, indicators проиллюстрированы в данном исследовании. Обозначено, что синонимический ряд термина «symptom» продолжает функционировать в письменных научных медицинских текстах XXI века, при этом все слова приобрели определённые семантическими особенности значений, например, слово «sign» указывает на признак симптома, а сам термин «symptom» предполагает внешнее проявление изменение состояние организма человека. Обозначено лексико-семантический способ образования стилистических неологизмов, которые не теряют дополнительную коннотацию новизны.
Ключевые слова: медицинская терминология, трактат, новые слова, стилистические неологизмы, письменный научный медицинский текст.

ВВЕДЕНИЕ

Письменный научный медицинский текст имеет длинную историю становления, что объясняет его разножанровость, функционально-смысловую типологию и стилистическую характеристику. Изучая язык медицины в сфере научных исследований анализируем монографии, диссертации, статьи, как первичные тексты. Данные работы представляют информацию об экспериментальных данных, обзорную характеристику развития медицинской науки путём описания новых знаний.

Внимание лингвистов привлекают жанрово-прагматические характеристики письменного научного текста (Абдулфанова А. А., Аликаев Р. С., Богданов В. В., Валгина Н. С., Валеева Н. Г., Гальперин И. Р., Нелюбин Л. Л.), признаки письменного научного медицинского текста (Макушева Ж. Н., Ковалёва М. Б.), семантические (Новиков А. И.), грамматические и функциональные особенности текста (Костяшина Е. А., Михайлова О. В.). В рамках данного исследования считаем целесообразным рассмотреть проблему появления и процесс становления «новых слов», на примере медицинской терминологии XVII века. Е. С. Кубрякова отмечает, что прогрессивное развитие общества влияет на непрерывное созидание и совершенствование системы языка [9], В. В. Виноградов говорит, что «новые слова» появляются в результате деятельности человека и развития его мышления [2], поэтому вслед за Т. В. Чернышовой рассматриваем текст через призму когнитивно-речевого

взаимодействия, значимость которого определяется пониманием адресата [18; 19]. При этом, текст является фрагментом научной модели мира и реализуется вербальными и авербальными средствами, а его сложность определяется когнитивными, коммуникативными и прагматическими показателями. Залогом успешной научной коммуникации определено употребление познавательных структур, соответствующих уровню ментальных репрезентаций и развитию когнитивных процессов адресата, в научном тексте.

Лингвистические исследования представляют проблемы социума, связанные с экологическими условиями, эпидемиологическими ситуациями, технологическим прогрессом, поэтому научные тексты, через призму индивидуальных когнитивных показателей, отражают новые явления социума и способствуют формированию «новых слов». Примером научных работ, которые исследуют лингвистическое выражение новых вызовов общества, могут быть работы, посвящённые изучению неологизмов в период пандемии Covid 19 [15; 16], определяющие предметное выражение терминов: «СПИД» и «диабет» [13].

Таким образом, «новые слова» иллюстрируют, развитие и обогащение языковой системы посредством лексических единиц, которые намеренно вводятся в язык как средство выражения критического мышления человека или его отношения к окружающему миру и распространяются в средствах массовой информации или в Интернете. Понятие «новое слово» определяется и конкретизируется термином «неологизм», вопрос дефиниции которого в лингвистике остаётся открытым, поскольку этот термин имеет более 200 определений. При этом, значимость неологизмов очевидна в процессах универсализации терминов в условиях глобализации, что способствуют стиранию культурных границ в процессе развития техники и науки в современном англоязычном обществе. Следует отметить, что постоянное развитие и совершенствование языковой системы иллюстрируется лингвистическими единицами, выраженных новой терминологией, которая отражает достижения медицинской науки путём определения нового феномена в обществе. Такой процесс подчиняется законам определённого языка и представлен в ряде лингвистических работ [3; 21]. Исследовано разные способы образования неологизмов: сложение, конверсия, лексико-семантический способ, перенос ударения, субстантивизация – все они появлялись в определённый период развития науки и общества и используются не пропорционально, разные периоды их возникновения также привлекают внимание лингвистов [11; 17]. Неология охватывает широкий спектр особенностей формирования неологизмов и их графического оформления (Переяшкина Л. Н., Заботкина В. И., Токко Н. И. и другие), предложено системы их классификаций (Белицкая Л. М., Васильева И. Л., Неруш А. В.; Давидюк Д. А.; Кубарева А. А.).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из актуальных и открытых проблем остаётся унификация медицинской терминологии, поскольку система здравоохранения имеет длинную историю и продолжает функционировать в условиях дигитализация и глобализация. *Целью* исследования является анализ функционирования «новых слов» на примерах медицинского термина «симптом» в англоязычных трактатах XVII века, как одного из этапа развития и становления англоязычной медицинской терминологии.

Особенностью функционирования лексической единицы в роли «нового слова» определяется период, который может длиться от нескольких дней до нескольких десятилетий [11, с. 88]. «Новые слова» бывают заимствованными иностранными словами, примерами которых могут быть следующие термины: лат. *auscultacio* – англ. *auscultation* – аускультация; лат. *percussio* – англ. *percussion* – перкуссия; лат. *injectio* – англ. *injection* – инъекция; лат. *desinfectio* – англ. *disinfection* – дезинфекция, а могут возникать путём появления полисемии с широкой сферой их применения, например: лат. *schema* – англ. *schema* – схема; лат. *systema* – англ. *system* – система; лат. *receptum* – англ. *recipe* – рецепт.

В связи с этим неологизмы разделяют на две категории: стабильные (получившие широкое распространение и входят в сленговые словари) и нестабильные (которые предлагает индивидов или используются в ограниченной субкультуре) [20, с. 71–76].

Неологизмы также представляется возможным делить в зависимости от цели их функционирования [4]:

1) номинативные – это узкопрофильная лексика, которая возникает из-за прогрессивного развития науки и общества.

Ряд лингвистов изучали лексическое наполнение текстов путём определения неологической метафоризации, которая обеспечивает трансляцию образных языковых схем с реализацией фундаментальных логических операций [4; 7; 14; 17] рассматривает медицинскую метафору-термин, как ментальную репрезентацию с указанием на существование в когнитивной базе человека. Медицинская метафора-термин определена как способ, посредством которого познаётся медицинская картина мира, представляющая реальности когнитивной деятельности медицинского работника [6]. Например, *tofight a cancer* – победить рак. Таким образом, автор делает вывод о тяжёлом течении заболевания, доктор и пациент, как на войне, использовали все знания и жизненные силы для победы над болезнью. Отдельно описаны метафорические термины - неологизмы [7] и эпонимическим терминам, например: англ. *hageman factor* – фактор хагемана; англ. *globus sensation* – глобус фарингеус [5; 12].

2) стилистические – это раннее существующая лексика в новой интерпретации и определении, на ранних этапах возможно выражение образности [1].

Субстантивированная новая лексика определяется как номинативные неологизмы, которые раскрывают дополнительные функции человека, явления или предмета, а «новые слова», иллюстрирующие отношение учёного к окружающей действительности, это стилистические неологизмы. Метафорические неологизмы и эпонимические термины связаны с лексико-семантическим обозначением нового в медицинской науке. Анализ выше указанных исследований позволил определить, что приоритетно метафорические новации выражаются субстантивированной лексикой, например: *antidote*, *virus (upgrade)* *feverhy-giene*, *clone*, а также есть глагольные и адвербиальные неологические метафоры.

Номинативные и стилистические неологизмы определяются как общезыковые и авторские новообразования в медицинском тексте в различные исторические периоды функционирования английского языка. Основными принципами становления медицинских англоязычных неологизмов являются: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и объяснительный характер [9], что позволяет нам рассмотреть стилистические неологизмы в письменных научных англоязычных текстах на этапе национализации англоязычной медицинской науки.

Тексты на родном языке становятся всё более востребованными, а описание профилактики лечения формулируются общедоступно в соответствии с требованиями адресатов, поэтому проблема с терминологией и её пониманием стояла остро. Наряду со сложной эпидемиологической ситуацией активно развивается книгопечатание, передача опыта и обучение ухода за больными – всё это описывалось в медицинских трактатах для представления в Королевском научном сообществе. В середине XVII века чума быстро распространяется в Великой Британии поэтому интерес к письменным медицинским текстам с целью понимания гигиены и личного ухода привлекает массовое внимание. Таким образом, мы говорим об изменении языковой картины мира, для гармоничного функционирования которой происходит отказ от латинских и греческих терминов, появляются «новые слова» в описаниях заболеваний, методов и способов лечения. Например, лат. *osteoplastica* – англ. *osteoplasty* – восстановительная операция на кости – остеопластика; лат. *thermotherapia* – англ. *thermotherapy* – *термотерапия* (лечение путём воздействия тепла).

Презентация новых медицинских исследований XVII века подтверждают активную деятельность Лондонского научного королевского сообщества, а результаты работы учёных отражаются в медицинских трактатах: У. Гарвей (1628 г.), Н. Гаймора (1651 г.), Р. Гук (1660 г.) и других. Следует отметить, что проблемой изучения письменных научных трудов, которые ранее назывались трактатами, занимается И. Таивийainen [22], которая представила в исследованиях классификацию медицинских научных работ, обозначила жанровую характеристику и содержательное описание. Медицинские трактаты представлялись, как основательные научные исследование, посвящённые проблемам и состоянию здоровья человека. Эти работы обнародовались не с целью получения научной степени доктора наук, а выполняли просветительскую миссию. При этом, они играют значимую роль в становлении англоязычной медицинской терминологии с определёнными правилами словообразования, что иллюстрирует процесс формирования новых слов в сфере медицины.

В научных исследованиях мы находим подтверждение, что неологизмы в определенный исторический период играют значимую роль в формировании словарного состава языка, в том числе и профессионально ориентированного вокабуляра [8; 10; 21; 23].

Поэтому, следует говорить о когнитивных и прагматических факторах порождения «новых слов». Поскольку семантика нового слово отражает субъективные характеристики создания лексической единицы, а прагматика - показывает условия функционирования и определяет содержательно - смысловые характеристики релевантные для определённого века. Считаем целесообразным рассмотреть появление «новых слов» в медицине, которые функционировали в общих трактатах и приобрели иное значение в медицинских трактатах.

Например, в общем трактате слово «sign» (знак) имеет значение астрономический знак: «...Sign in the table, and bath that name Scorpio...» [24, с. 734].

В медицинских трактатах XVII века мы встречаем это же слово в значении «симптом», что позволяет нам его определить стилистический неологизм, образованный лексико-семантическим способом.

При этом следует отметить, что на ряду с термином «sign» употребляются синонимические термины «accident», «mark», «symptom», «note», «indicators». Данные термины функционируют с одним и тем же значением в разные периоды времени.

1) ...It may likewise appear by this, that wheres all other diseases are knowne by their **notes and signes** which resemble their cause [25, c. 23; 29, c. 3].

1) ...an Appendix or **Symptome** of some other disease, which comes or goes, or it it continue, a **signe** of Melancholy it selfe [28, c. 12].

Спустя декаду в медицинских трактатах встречаем слово «marks», которое употребляется в значении «симптом».

2) And thus when you shal haue through knowledg of those **signes and marks**, you will stand vpon your guard and take good heed, least from a small disease you fall into a greater & which will proue incurable, even to the great hazard of your life. [29, c. 6]

Прослеживаем дальнейшую эволюцию терминов, которые употребляются в значении «симптом» заболевании человека.

3) ... harpe and piercing, vehemently beating, and gnawing, chiefly on the right side of the head; bitterness in the mouth; want of sleepe, and extreme heate of the head doe accompany the former **symptomes**: another while it is caused by the superfluity of spirits... [27, c. 8].

4) Explayning the nature of each disease, with the part affected: and also the **Signes**, Causes, and Prognostiques, and likewise what temperature of the ayre is most requisite for the Patients abode, with direction for the diet he ought to obserue, together with Experimentall cures for euery Disease [26, c. 8].

В середине века наблюдаем синонимическое использование терминов: «sign», «symptom», «indicators».

5) ... having set down the definitions, causes, and differences of Tumors, now I am called vpon to set down the generall **indicators** of curing Tumors. [32, c. 20]

6) Such whose Brain is too hot are almost continually troubled with Headach, Dreams of fighting and quarrelling, their Apprehension is exceeding quick, and their smel good: when you find these **Symtoms** in one that is troubled with Headach, cool the Brain [28, c. 19].

7) ... We told you Medicine was the exact Knowledg of things Healthful, Unhealthful, and Neutral, and each of these to be considered as a Body, as a Sign, as a Cause, we shall now address our selves to handle [28, c. 45].

8) If it be given crude or ill prepared, it causeth evil **symptomes**, then ive Bailey water with syrup of Roses, to clense, and cleansing Clysters: then strengthen the Guts and Stomach, with Wine wherein Cloves and Mastich is boyled: the Antidotes are Treacle and Bole Armeniack two scruples [33, c. 38].

9) ...all the **Symptoms** remitted daily till she was well. Thus was she delivered from Death, and deadly Diseases, and was well for many years. To God be praise [30, c. 33].

Следует обозначить, что слова «accident», «mark» в значении описания признака заболевания и проявления симптомов зачастую употреблялись вначале XVII века, а в более поздних научных трудах столетия, их функционирование определяется как архаизмы, таким образом, термины употреблялись редко с данным семантическим значением: «Moral possibility many things must concur, as the Obedience and Wisdom of the Patient, the Skill, Care, and Honesty of the Physician, besides outward **accidents**, as Murther, Drowning, the falling of a House, and infinite others, without the Power of either Physician or Patient. V. the 21 Query» [27, c. 48].

В словарях находим подтверждение, что в начале XVI века общее значение термина «*symptom*», французского происхождения, не имело медицинского значения (<https://www.etymonline.com/word/symptom>), поэтому термин знак «sign»

противопоставляется термину «symptom» и определяется как «an objective indication or evidence of disease discovered on examination of a patient. Contrast with symptom. Contrast with symptom»

(https://www.schulich.uwo.ca/pathol/about_us/resources/glossary_of_medical_terms.html#s).

При этом в медицинских словарях с XIX века находим значение симптом как признак заболевания, внешнего проявления болезненного состояния (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/symptom#h1> с 1828): «**Symptom** is a physical or mental problem that a person experiences that may indicate a disease or condition» (<https://www.cancer.gov/search/results?swKeyword=symptom>).

ВЫВОДЫ

Таким образом, синонимический ряд термина «symptom» функционирует в письменных научных медицинских текстах XXI века, где все слова имеют определённые оттенки в значении, например, слово «sign» указывает на признак симптома, а сам термин «symptom» предполагает внешнее проявление изменения состояния организма человека.

В данной статье описано значение «новых слов», на примере слова «sign» (знак), представлено эволюцию семантического значения в трактатах XVII века с определённым синонимическим рядом следующих терминов: «sign», «accident», «mark», «symptom», «note», «indicators»; проиллюстрировано лексико-семантический способ образования стилистических неологизмов, которые не теряют дополнительную коннотацию новизны, на примерах обозначенных терминов, с определением периода обновления «старого» значения в связи с развитием медицинской науки.

Список литературы

1. Алексеева, Е. В. Адъективные новообразования в современном русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Алексеева. – СПб., 2011. – 24 с.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
3. Ерастова, Д. А. Неологизмы и способы их образования в английском языке [Электронный ресурс] / Д. А. Ерастова // Лингвокультурология. – 2019. – № 13. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-sposoby-ih-obrazovaniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 19.05.2021).
4. Ерошкина, Н. А. Неологизмы в английском и американском языках [Электронный ресурс] / Н. А. Ерошкина // Концепт. – 2017. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-angliyskom-i-amerikanskom-yazykah> (дата обращения: 17.05.2021).
5. Извекова, Т. Ф., Грищенко, Е. В., Пуртов, А. С. Эпонимы в медицинской терминологии [Электронный ресурс] / Т. Ф. Извекова, Е. В. Грищенко, А. С. Пуртов // Journal of Siberian Medical Sciences. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eponymy-v-meditsinskoj-terminologii> (Дата обращения: 17.05.2021).
6. Зубкова, О. С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация [Электронный ресурс] / О. С. Зубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-metafora-termin-kak-mentalnaya-reprezentatsiya> (дата обращения: 21.05.2021).
7. Зубкова, О. С. Условия возникновения метафоры [Текст] / О. С. Зубкова // Вестник ННГУ. – 2011. – № 5-1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-vozniknoveniya-metafory> (дата обращения: 17.05.2021).

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 411 с.
9. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 144 – 238.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Электронный ресурс] / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0B3S-kpls80DCQzFFbzh2cnVzemM/view> (дата обращения: 01.05.2021).
11. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразования [Текст] / Е. С. Кубрякова. – 2-е изд. М.: Либроком, 2010. – 88 с.
12. Кондратьев, Д. К. Современная медицинская эпонимическая терминология [Электронный ресурс] / Д. К. Кондратьев // Журнал ГрГМУ. – 2008. – №3 (23). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-meditsinskaya-eponimicheskaya-terminologiya> (дата обращения: 17.05.2021).
13. Маджаева, С. И. Лингвистика «СПИДа» и «Диабета» [Электронный ресурс] / С. И. Маджаева // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-spida-i-diabeta> (дата обращения: 07.05.2021).
14. Ревенко, Е. С., Шевченко, М. Н. Современные подходы к изучению метафоры [Электронный ресурс] / Е. С. Ревенко, М. Н. Шевченко // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 46. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-metafory> (дата обращения: 02.05.2021).
15. Самигуллина, А. Д. Англоязычные неологизмы в период пандемии коронавируса: функции и семантика [Электронный ресурс] / А. Д. Самигуллина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 3 (105) Часть 3. – С. 166 – 170. – Режим доступа: <https://research-journal.org/languages/english-coroneologisms-function-and-semantics/> (дата обращения: 28.04.2021).
16. Сизых, М. М. Военная метафора в рецепции COVID-19 (на материале современного русского медиадискурса) [Электронный ресурс] / М. М. Сизых // Филологический аспект. – 2020. – №05 (61). – Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metafora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html> (дата обращения: 20.05.2021).
17. Тогоева, С. И. Новое слово: подходы и проблемы [Электронный ресурс] / С. И. Тогоева // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: кол. монография / Под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь: ТГУ. – 1999. – С. 75–101.
18. Хомутова, Т. Н. Научный текст: интегральный анализ лексики [Текст] / Т. Н. Хомутова // Язык и культура. – 2010. – №4. – С. 77 – 83.
19. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата: монография [Текст] / Т. В. Чернышова. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – 293 с.
20. Andreescu C. V. *Teaching English Medical Neologisms* [Text] / C. V. Andreescu // *Med. Con.*, 2012, Vol 7, no 1, pp. 71 – 76.
21. Druganova V. *English Medical terminology – different ways of forming medical terms* [Text] // *JANR*, 2013, Vol. 4., no 7, pp. 55.
22. *Early Modern English Medical Texts* [Text] / ed. By I. Taavitsainen, P. Pahta. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 370 p.

23. *Edinburgh Medical School thesis and dissertation collection* [Electronic resource]. – Available at: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/15819> (accessed: 28.04.2021).

Список проанализированной литературы

1. Batman S. *De proprietatibus rerum, newly corrected, enlarged and ammended: with such additions as are requisite, unto every severall booke: taken foorth of the most approved authors, the like heretofore not translated in English. Profitable for all estates, as well for the benefite of the mind as the bodie.* [Electronic resource] / S. Batman. London: Thomas East, 1584. 896 p. Available at: <https://archive.org/details/b30320859/page/734/mode/2up>: p.734 (accessed: 25.04.2021).
2. Bruele W. *Praxis Medicine* [Text] / W. Bruele. London: Printed by Iohn Norton, 1632. 51 p.
3. Burton R. *Anatomy of melancholy* [Electronic resource] / R. Burton. Oxford: Henry Cripps, 1621. 783 p. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A17310.0001.001/1:10?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 22.04.2021).
4. Chamberlen H. *Practice of Physick* [Text] / H. Chamberlen. London: Printed and sold by T. Sowle, 1694. 122 p.
5. Culpeper N. *Galens Art of Physick* [Text] / N. Culpeper. London: Printed by Peter Cole, at the sign of the Printing Press in Cornhill, near the Royal Exchange, 1652. 239 p.
6. Ghesel J. *Rule of Health* [Text] / J. Ghesel. Oxford: Printed by Iohn Lichfield, 1631. 193 p.
7. Hall J. *Select Observations* [Text] / J. Hall. London: Printed by J. D. for Benjamin Shirley, under the Dial of St. Dunstan's Church in Fleet Street, 1679. 357 p.
8. Jorden E. *Suffocation of the mother* [Text] / E. Jorden. London: Printed by Iohn Windet, 1603. 126 p.
9. Read A. *Works of That Famous Physician Dr Alexander Read Doctor of Physic* [Electronic resource] / A. Read. London: Printed by E/G/ Richard Thall, 1650. 52 p. Available at: https://books.google.com.ua/books?id=lu7lZytiWL4C&pg=RA1-PT3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 20.04.2021).
10. Sennert D. *Sixth book of practical physic in nine parts* [Electronic resource] / D. Sennert. London: Printed by Peter Cole, Printer and Bookseller, at the Sign of the Printing press in Cornhill, near the Royal Exchange, 1662. 108 p. Available at: <http://name.umdl.umich.edu/A59200.0001.001> (accessed: 20.04.2021).

References

1. Alekseeva E. V. *Adyektivnye Novoobrazovaniya v Sovremennom Russkom Yazyke: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Knowledge in Russian Language. Abstract of Thesis]. Saint Petersburg., 2011.
2. Vinogradov V. V. *Izbrannye Trudy. Leksikologiya i Leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow: Nauka Publ., 1977, 312 p.
3. Erastova D. A. *Neologizmy i Sposoby Ikh Obrazovaniya v Angliiskom Yazyke* [Neologisms and Ways of Their Formation in English]. *Lingvokul'turologiya*, 2019, no 13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-i-sposoby-ih-obrazovaniya-v-angliyskom-yazyke> (accessed: 19.05. 2021).
4. Yeroshkina N. A. *Neologizmy v Angliiskom i Amerikanskom Yazykakh* [Neologisms in English and American]. *Kontsept*, 2017, no 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-v-angliyskom-i-amerikanskom-yazykah> (accessed: 17.05.2021).

5. Izvekova T. F., Grishchenko E. V., Purtov A. S. *Jeponimy v Meditsinskoi Terminologii* [Eponyms in Medical Terminology]. *Journal of Siberian Medical Sciences*, 2014, no 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/eponimy-v-meditsinskoy-terminologii> (accessed: 17.05.2021).
6. Zubkova O. S. *Meditsinskaya Metafora-Termin kak Mental'naya Rerezentatsiya* [Medical Metaphor-Term as Mental Representation]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki*, 2010, no 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-metafora-termin-kak-mentalnaya-rezentatsiya> (accessed: 21.05.2021).
7. Zubkova O. S. *Usloviya Vozniknoveniya Metafory* [Conditions for the Emergence of Metaphor]. *Vestnik NNGU*, 2011, no 5-1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-vozniknoveniya-metafory> (accessed: 17.05.2021).
8. Karasik V.I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsepty, Diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 411 p.
9. Kubryakova Ye. S. *Jevolyutsiya Lingvisticheskikh Idei vo Vtoroi Polovine 20 Veka (Opyt Paradigmalnogo Analiza)* [Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the Twentieth Century (Experience of Paradigmatic Analysis)]. *Yazyk i Nauka Kontsa XX Veka*, Moscow: RGGU, 1995, pp. 144 – 238.
10. Kubryakova Ye. S. *Yazyk i Znaniye: na Puti Polucheniya Znaniy o Yazyke: Chasti Rechi s Kognitivnoy Tochki Zreniya. Rol' Yazyka v Poznanii Mira* [Language and Knowledge: on the Way of Acquiring Knowledge about Language: Parts of Speech From a Cognitive Point of View * the Role of Language in the Knowledge of the World]. *Ros. Akademiya Nauk. In-t Yazykoznanija*. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2004, 560 p. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B3S-kpls80DCQzFFbzh2cnVzemM/view> (accessed: 01.05.2021).
11. Kubryakova E. S. *Teoriya Nominatsii i Slovoobrazovaniya* [Theory of Nomination and Word Formation]. Moscow: Librokom, 2010. 88 p.
12. Kondratyev D. K. *Sovremennaya Meditsinskaya Jeponimicheskaya Terminologiya* [Modern Medical Eponymous Terminology]. *Zhurnal GrGMU*, 2008, no 3 (23). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-meditsinskaya-eponimicheskaya-terminologiya> (accessed: 17.05.2021).
13. Madzhaeva S. I. *Lingvistika SPIDA i Diabeta* [Linguistics of AIDS and Diabetes]. *Sistema Tsemnostei Sovremennogo Obshchestva*, 2010, no 14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-spida-i-diabeta> (accessed: 07.05.2021).
14. Revenko E. S., Shevchenko M. N. *Sovremennye Podkhody k Izucheniyu Metafory* [Modern Approaches to the Study of Metaphor]. *Vestnik Amurskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 2009, no. 46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-izucheniyu-metafory> (accessed: 02.05.2021).
15. Samigullina A. D. *Angloyazychnye Neologizmy v Period Pandemii Koronavirusa: Funktsii i Semantika* [English Neologisms during the Coronavirus Pandemic: Functions and Semantics]. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, 2021, no 3 (105), pp. 166–170. Available at: <https://research-journal.org/languages/english-coroneologisms-function-and-semantics/> (accessed: 28.04.2021).
16. Sizykh M. M. *Voennaya Metafora v Retseptsii Covid-19 (na Materiale Sovremennogo Russkogo Mediadiskursa)* [A Military Metaphor in the Reception of Covid-19 (Based on the Material of Modern Russian Media Discourse)]. *Filologicheskii Aspect*, 2020, no 5 (61). Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/voennaya-metafora-v-retseptsii-covid-19-na-materiale-sovremennogo-russkogo-mediadiskursa.html> (accessed: 20.05.2021).

17. Togoeva S. I. *Novoe Slovo: Podkhody i Problemy* [A New Word: Approaches and Problems]. Psikholingvisticheskie Problemy Funktsionirovaniya Slova v Leksikone Cheloveka: Kol. Monografiya / Ed. by A. A. Zalevskoi. Tver: TGU, 1999. pp. 75 – 101.
18. Khomutova T.N. *Nauchnyi Tekst: Integral'nyi Analiz Leksiki* [Language and Culture]. *Yazyk i Kul'tura*, 2010, no 4, pp. 77 – 83.
19. Chernyshova T. V. *Teksty Smi v Zerkale Yazykovogo Soznaniya Adresata* [Media Texts in the Mirror of the Addressee's Linguistic Consciousness]: Monografiya. Barnaul: Izdatelstvo AltGU, 2005. 293 p.
20. Andreescu C. V. *Teaching English Medical Neologisms. Med. Con.*, 2012, Vol 7, no 1, pp. 71 – 76.
21. Druganova B. *English Medical terminology – different ways of forming medical terms. JAHR*, 2013, vol. 4., no 7, pp. 55.
22. *Early Modern English Medical Texts* / Ed. by I. Taavitsainen, P. Pahta. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 370 p.
23. *Edinburgh Medical School thesis and dissertation collection*. Available at: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/15819> (accessed: 28.04.2021).

The list of analyzed literature

1. Batman S. *De proprietatibus rerum, newly corrected, enlarged and ammended: with such additions as are requisite, unto every severall booke: taken foorth of the most approved authors, the like heretofore not translated in English. Profitable for all estates, as well for the benefite of the mind as the bodie*. [Electronic resource] / S. Batman. London: Thomas East, 1584. 896 p. Available at: <https://archive.org/details/b30320859/page/734/mode/2up>: p.734 (accessed: 25.04.2021).
2. Bruele W. *Praxis Medicine* [Text] / W. Bruele. London: Printed by Iohn Norton, 1632. 51 p.
3. Burton R. *Anatomy of melancholy* [Electronic resource] / R. Burton. Oxford: Henry Cripps, 1621. 783 p. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A17310.0001.001/1:10?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 22.04.2021).
4. Chamberlen H. *Practice of Physick* [Text] / H. Chamberlen. London: Printed and sold by T. Sowle, 1694. 122 p.
5. Culpeper N. *Galens Art of Physick* [Text] / N. Culpeper. London: Printed by Peter Cole, at the sign of the Printing Press in Cornhill, near the Royal Exchange, 1652. 239 p.
6. Ghesel J. *Rule of Health* [Text] / J. Ghesel. Oxford: Printed by Iohn Lichfield, 1631. 193 p.
7. Hall J. *Select Observations* [Text] / J. Hall. London: Printed by J. D. for Benjamin Shirley, under the Dial of St. Dunstan's Church in Fleet Street, 1679. 357 p.
8. Jordan E. *Suffocation of the mother* [Text] / E. Jordan. London: Printed by Iohn Windet, 1603. 126 p.
9. Read A. *Works of That Famous Physician Dr Alexander Read Doctor of Physic* [Electronic resource] / A. Read. London: Printed by E/G/ Richard Thall, 1650. 52 p. Available at: https://books.google.com.ua/books?id=lu7lZytiWL4C&pg=RA1-PT3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 20.04.2021).
10. Sennert D. *Sixth book of practical physick in nine parts* [Electronic resource] / D. Sennert. London: Printed by Peter Cole, Printer and Bookseller, at the Sign of the Printing press in Cornhill, near the Royal Exchange, 1662. 108 p. Available at: <http://name.umdl.umich.edu/A59200.0001.001> (accessed: 20.04.2021).

**NEW WORDS IN MEDICAL SCIENTIFIC TEXTS
(ON THE MATERIAL OF ENGLISH TREATISES OF THE XVII CENTURY)**

L. V. Yagenich

This article is devoted to the problem of new words in the sphere of medicine. It is necessary to take into account the human cognitive development, social conditions, the pragmatic functioning of words, and appearing of new words. The importance of neologisms is confirmed by the absence of cultural boundaries in the development of technology and science in a modern English society; obviously, the processes of globalization and universalization of terms contribute to the formation of the world linguistic picture. It is described the division into the nominative and stylistic neologisms, they are determined according to the purpose and the sphere of functioning. The study of *new words* and the analysis on the examples of medical terms in English treatises of the 17th century determine the purpose of this study. Descriptive and comparative methods are used in the process of doing the work. In the 17th century treatises it is investigated the usage of the word *sign* and its synonyms: accident, mark, symptom, note, indicators. The synonyms of the term *symptom* are still used in written scientific medical texts of the 21st century. However all the words have acquired another shade of meaning, for example, the word *sign* indicates the feature of the symptom, and the term *symptom* itself implies an external manifestation of the disease. A lexico-semantic way of forming stylistic neologisms is determined and it is proved the words do not lose the novelty of the additional connotation.

Key words: medical terminology, treatise, new words, stylistic neologism, written scientific medical text.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.112.2'36

НИДЕРЛАНДСКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ КАК ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ

Архипова И. В.

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: irarch@yandex.ru*

В статье исследуются девербативы различных словообразовательных моделей, выступающие в качестве таксисных актуализаторов в нидерландском языке. В ходе исследования рассмотрены полипропозитивные высказывания примарного и секундарного типов, содержащие нидерландские девербативы в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики. Целью работы является определение роли девербативных имен существительных в качестве актуализаторов примарно-таксисной и секундарно-таксисной семантики одновременности и разновременности при условии их сочетания с таксисными предложениями. Монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной и обстоятельственной семантики выступают при этом в качестве маркеров примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования. В высказываниях примарного типа, содержащих монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной семантики *na, vanaaf, sinds, sedert, staande, bij, gedurende, hangende, tijdens, met, voor, voorafgaand, tot*, девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В высказываниях секундарного типа с монотаксисными и политаксисными предложениями обстоятельственной семантики *ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, in, wegens, vanwege, voor* девербативы актуализируют секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные, кондиционально-таксисные, концессивно-таксисные, консеквтивно-таксисные, модально-таксисные, финально-таксисные).

Ключевые слова: нидерландские девербативы, таксисная семантика, таксисные актуализаторы, таксисные маркеры, таксисные категориальные ситуации, примарно-таксисные категориальные ситуации, секундарно-таксисные категориальные ситуации.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы актуализации таксисной семантики одновременности и разновременности в разноструктурных языках (русском, нивхском, чешском, нидерландском, английском и др.), в том числе, в контексте взаимодействия с категорией аспектуальности и в сравнительно-типологическом аспекте, привлекают исследовательское внимание современных лингвистов (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, В. С. Храковский, А. Барентсен, Я. Коцкова, В.П. Недялков,

Т. А. Отаина, Н. Л. Кудинова, Н. А. Ляшенко, Н. В. Семенова и др.). [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Ю. С. Маслов рассматривает таксис в структуре комбинированной категории (в сочетании с видом или временем) [7]. Храковский определяют таксис как категорию, маркирующую темпоральную локализацию (одновременность/неодновременность) двух ситуаций, выделяя валентностный и невалентностный таксис [10]. А. В. Бондарко рассматривает таксис в качестве функционально-семантического поля с микрополями зависимого и независимого таксиса [3]. Н. В. Семенова описывает концептуальные основания категориальной семантики таксиса, анализируя способы ее актуализации в высказываниях русского языка [9]. Н. А. Ляшенко и Н. Л. Кудинова рассматривают категорию таксиса в английском языке, проводя комплексное исследование разноуровневых средств языковой репрезентации таксисных значений [5; 6].

Данная проблематика, на наш взгляд, недостаточно освещена на материале современного нидерландского языка. Исключение в этом отношении составляют исследования выдающегося европейского ученого А. Барентсена, анализирующего прототипические конструкции невалентностного таксиса в нидерландском языке [2, с. 290–366]. Особое внимание А. Барентсен уделяет описанию конструкций с различными временными союзами *als, toen, wanneer, zodra, sinds, sedert, zolang, voor, tot, totdat, voordat* и др., а также рассматривает некоторые случаи употребления синонимичных временных предлогов *na, sinds, vanaf* [2, с. 303–363].

В этой связи актуальность изучения вопроса актуализации категориальной семантики невалентностного прототипического таксиса одновременности, предшествования и следования в нидерландских высказываниях с темпоральными и другими предлогами не вызывает сомнения, что обусловило наш исследовательский интерес.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящей работы является рассмотрение и анализ таксисообразующей роли нидерландских девербативных имен существительных, выступающих в качестве актуализаторов примарно-таксисной и секундарно-таксисной семантики одновременности и разновременности.

При условии сочетания с различными таксисными предлогами (темпоральной и др. обстоятельственной семантики) *na, vanaaf, sinds, sedert, gedurende, hangende, tijdens, met, voorafgaand aan, tot, voor, bij, in, ondanks, ongeacht, ingevolge, krachtens, vanwege, wegens, per, trots* нидерландские девербативы актуализируют примарно-таксисные и секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Вышеперечисленные монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной и обстоятельственной (модальной, инструментальной, медиальной, кондициональной, каузальной, концессивной, консекutiveй, финальной) семантики выступают в качестве маркеров или экспликаторов примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности / разновременности.

Нами были выделены и обследованы нидерландские полипропозитивные высказывания примарного и секундарного типов, содержащие девербативы

различной деривационной семантики в сочетании с моноксисными и политаксисными предложениями темпорального и обстоятельственного (модального, инструментального, каузального, кондиционального, консекутивного, финального и др.) значения.

В высказываниях примарного типа нидерландские девербативы выступают в качестве актуализаторов примарно-таксисной категориальной семантики одновременности, предшествования и следования, а в высказываниях секундарного типа они актуализируют различную секундарно-таксисную семантику одновременности (модальную, инструментальную, кондициональную, каузальную, концессивную и др.).

При наличии итеративных индикаторов (итеративных или мультипликативных девербативов, различных итеративных глаголов и итеративных квантификаторов) возможна итерация примарно-таксисной и секундарно-таксисной семантики одновременности или разновременности. Итеративные или мультипликативные девербативы нидерландского языка выступают при этом в функции актуализаторов категориальной семантики итеративно-примарного, итеративно-секундарного, мультипликативно-примарного и мультипликативно-секундарного таксиса одновременности или разновременности.

В качестве таксисных актуализаторов в нидерландском языке выступают следующие девербативные имена существительные, образованные:

(1) с помощью суффиксов *-ing, -st, -t* (*bedenking, overdenking, ontwikkeling, bezwering, opwinding, waarschuwing, aanmerking, beroving, verkrachting, verbouwing, afpersing, behandeling, motorisering, regeling, vergunning, verhuizing, herinnering, afdeling, opleiding, wandeling, toestemming, waarneming, opmerking, verwoesting, spreiding, betrachtig, aanwending, verbreiding, uitbreiding, woeling, verontwaardiging, gebruikmaking, veroordeling, mijmering, bepeizing, prikkeling, ontoering, aandoening, oefening, bestudering, beslissing, beschouwing, aanschouwing, inwilliging, verwaarlozing, toelating, behandeling, oplossing, afwachting, verwachting, verrukking, verwoering, bewondering, verwondering, verbazing, bevreemding, verrassing, verbijstering, aanpassing, onzetting, schorsing, aanbidding, ontwikkeling, invoering, opzegging, wederopzegging, bebouwing, afsluiting, verkiezing, bijeenkomst, binnekomst, aankomst, ontvangst, vlucht*);

(2) *-en* (*knippen, plakken, snijden, stansen, vouwen, tekenen, kleuren, kloppen, kleppen, klepperen, rammelen, zingen, lezen, leren, lopen, beledigen, zwemmen, verschijnen, slapen, slaan, eten, koken, vertellen, flappen, rennen, schieten, schrijven, ontbijten, rusten, genieten, huilen, drinken, komen, halen, ophalen, hakken, lachen, doorgaan, opstaan, wennen, overnachten, voetballen, rijden, mixen, slijpen, kneden, smeden, bakken, raspen, verpulveren, mengen, bestrooien, spoelen, afspoelen, boren, stappelen, buigen, sjouwen, timmeren, breken, binden, inbinden, verzamelen, drukken, drullen, vergaren, lijmen, frezen, draaien, tappen, voelen, vertrekken, nadenken, blijven, geloven, begrijpen, spelen, pakken, liggen, wandelen, proberen, weggrijden, zwijgen, zetten, slepen, swingen, schaken, grimeren, schilderen, knutselen, verven*); а также:

(3) девербативы, образованные посредством конверсии (*vertrekken – vertrek, verblijven – verblijf, stooten – stoot, besluiten – besluit, swingen – swing, verkopen – verkoop, afscheiden – afscheid, aflopen – afloop, beet – bujten*). Например:

Bij het wegrijden met zijn auto schoot de Edenaar van kwaadheid vanuit het raam in de lucht (LC).

Bij boeking van uw vakantie met vertrek binnen twee weken worden last-minute kosten ad (LC).

Bij de berekening van deze cijfers is geen rekening gehouden met de compensatieregeling (LC).

Bij het snijden van dat glutenvrij brood is er te weinig samenhang (cohesie) om het brood fatsoenlijk te kunnen snijden (LC).

Bij zo'n ontmoeting wordt het aanwezige gas in de stelsels hevig in beroering gebracht en hier en daar samengedrukt (LC).

Na deze verhuizing heeft een herindeling van de kantoren in de Bibliotheek Bonnefanten plaatsgevonden (LC).

Na de ontmoeting met je beschermengel teken je met pastelkrijt je impressie die je tijdens deze ontmoeting ervaren hebt (LC).

Na afloop is het land economisch failliet en vele Somaliërs komen in kampen terecht of zijn gevlucht (LC).

Нидерландские девербативы вышеперечисленных словообразовательных моделей в сочетании с моноксисными предложениями темпоральной семантики *na, vanaaf, sinds, sedert, gedurende, hangende, tijdens, met, voorafgaand aan, tot* и политаксисными предложениями *voor, bij, met* в темпоральном значении актуализируют примарно-таксисные значения одновременности, предшествования и следования. Например:

Tijdens de vlucht naar Glasgow bespreken wij de voor- en nadelen van een categoriale school (LC).

Door het fixeren van de boor in de standaard op de buis, blijft de boor haaks op de buis tijdens het boren (LC).

Bij binnenkomst in Karakter hangt er een rustige sfeer (LC).

Na de bevrijding en het vertrek van de Geallieerde militairen, die ook nog korte tijd bezit van het gebouw namen, was het voor het oude bestuur de hoogste tijd om de handen uit de mouwen te steken (LC).

Staf, buis, plaat en een koppeling worden na het frezen, draaien en tappen verlijmd tot een geheel (LC).

Na ontvangst van het advertentiemateriaal en uw betaling wordt de advertentie geplaatst (LC).

We weten niet hoeveel tijd verlopen is sinds het vertrek uit Haran (LC).

Tot daadwerkelijke afsluiting is overgegaan omdat gevreesd werd voor slachtoffers in de oververhitte menigte in de beperkte ruimte (LC).

De jongeren krijgen een basistraining voor vertrek (LC).

Voorafgaand aan de bijeenkomst is er gelegenheid de bloementuin van het Holland Flowers Festival te bezichtigen (LC).

Категориальная семантика примарного таксиса репрезентируется в высказываниях примарного типа с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *na, vanaaf, bij, gedurende, hangende, tijdens, voor, voorafgaand aan, sedert, sinds, tot* в таких примарно-таксисных категориальных ситуациях, как:

- (1) примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности;
- (2) примарно-таксисные категориальные ситуации следования;
- (3) примарно-таксисные категориальные ситуации предшествования.

Примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в высказываниях с нидерландскими девербативами при условии их сочетания с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной семантики *bij, gedurende, hangende, tijdens, met*, маркирующими семантику одновременности. Например:

De deelnemer krijgt tijdens het plakken een vervangende step (LC).

Tijdens het vertrek breekt de antennemast voor de helft af als gevolg van een botsing met een kraan (LC).

Bij het slaan wordt gebruik gemaakt van een verstelbaar statief met zware onderplaat (LC).

Bij vertrek was het prachtig weer en steeds dicht bij Ugchelen werd het donkerder (LC).

Bij aankomst kreeg de Connie een warm onthaal (LC).

Примарно-таксисные категориальные ситуации следования нидерландские девербативы актуализируют в высказываниях с монотаксисными предложениями темпоральной семантики *na, vanaaf, sinds, sedert*, выступающими в роли маркеров таксисной категориальной семантики следования. Например:

Na ontvangst van het geld stuurt Cynophilia een brief en formulieren die ondertekend teruggestuurd moeten worden (LC).

Na de tweede bijeenkomst stelt onze adviseur een rapport op over de stand van het ingevoerde Kwaliteitssysteem (LC).

Na een vlucht van ruim vier uur landen we op het militair vliegveld van Dalaman (LC).

Примарно-таксисные категориальные ситуации предшествования актуализируются в высказываниях с девербативами в случае их сочетания с монотаксисными предложениями темпоральной семантики *tot, voor, voorafgaand aan*, эксплицирующими категориальную семантику предшествования (строгого или нестрогого). Например:

Voor zijn vertrek verloofde hij zich in het geheim met Lily (LC).

Voor uw vertrek komt een inspecteur langs om uit te leggen wat Mitros Wonen hieronder verstaat (LC).

Tot het vertrek van Aalbers was Terlouw voorzitter van de raad van commissarissen van het Gelredome (LC).

Tot de invoering van port secure was dit moeilijk te controleren (LC).

Tot het afgelopen verblijf in Berenike hadden verschillende mensen interesse getoond deze taak op zich te nemen maar één voor één haakten die ook allemaal weer af (LC).

При актуализации примарно-таксисных категориальных ситуаций предшествования и следования прототипичностью характеризуются темпоральные, аспектуальные и таксисные индикаторы или квантификаторы *lang, niet lang, kort, vlak, de week, enkele weken, twee weken, enkele dagen, drie weken, vier weken, daags, acht dagen, twee dagen, vijf dagen, een maand, twee maanden, binnen 2 maanden, direct, vorig jaar* и др., выступающие в функции лексических экспликаторов и делимитаторов строгой (дистантной, сильной) разновременности, в частности, строгого следования и строгого предшествования. Они указывают на наличие некоторого краткого, среднего или длительного темпорального промежутка, имеющего место между индивидуальными временами совершения обозначаемых в высказываниях действий или событий, делимитируя их при этом как «строго или дистантно разновременные». Например:

Vlak voor mijn vertrek gisterenavond zag ik eerst nog een stukje interview met Maxima en Willem Alexander in het jeugdjournaal (LC).

Kort na aankomst wordt hij vergast, een zeer traumatische ervaring (LC).

Kort na aankomst werd ik echter geveld door een hevige voedselvergiftiging die mij in het ziekenhuis deed belanden (LC).

De week voor mijn vertrek naar Australie moest ik alles gaan inpakken omdat ik mijn inboedel zou gaan opslaan bij een verhuisbedrijf (LC).

Lang na de eerste waarneming van supergeleiding bleef onduidelijk wat de oorzaak was (LC).

Na lang nadenken ga ik een gedragstherapeut zoeken (LC).

Enkele weken na aankomst in Sliedrecht werd dochter Betje geboren (LC).

Helaas kwam *enkele dagen voor vertrek* het bericht van Henri dat hij wegens familieomstandigheden niet mee kon (LC).

De meeste vliegtuig- maatschappijen geven kortingen op vluchten die langer dan *drie weken voor vertrek* zijn geboekt (LC).

Tot drie weken voor vertrek zijn de annuleringskosten gelijk aan de aanbetaling (LC).

Twee dagen voor vertrek was er namelijk een bijeenkomst voor alle gastgezinnen en de kinderen uit Krasnapolje (LC).

Twee maanden na vertrek is hij zonder grote problemen in Assisië aangekomen (LC).

Schipper Grant Dalton werd *direct na aankomst* per ambulance naar het ziekenhuis vervoerd (LC).

При условии сочетания с монотаксисными и политаксисными предложениями concessивной, каузальной, консекүтивной, инструментальной, модальной, финальной, кондициональной семантики *ondanks, ongeacht, ingevolge, krachtens, vanwege, wegens, met, per, trots, voor, in, bij* нидерландские девербативы актуализируют секундарно-таксисные значения одновременности, в частности, инструментально-таксисные, кондиционально-таксисные, финально-таксисные и модально-таксисные. Ср. следующие высказывания:

Porto wordt *per bestelling* bij het totaalbedrag berekend (LC).

Bij nadere beschouwing van de etnische legers van Centraal-Azië of de troepen in de Afrikaanse binnenlanden zien we daar veel kinderen tussen (LC).

НИДЕРЛАНДСКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ КАК ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ

... *bij wat aandachtiger beschouwing* moet wel de conclusie getrokken worden, dat hier achteraf twee personen abusievelijk in de voorstelling tot één zijn samengesmolten (LC).

Weerstand biedt zo ruimte voor een kritische beschouwing van veranderingen (LC).

In afwachting van de Amerikaanse macro-economische cijfers werd er voorzichtiger gehandeld (LC).

Deze wet heeft gevolgen voor de keuze van aanwending van de schadeloosstelling danwel gouden handdruk (LC).

В вышеприведенных высказываниях нидерландский девербатив *beschouwing* в сочетании с предложениями финальной и кондициональной семантики *bij* и *voor* актуализируют финально-таксисную и кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Нидерландский девербатив *aanwending* в сочетании с финальным предлогом *voor* также участвует в актуализации финально-таксисной категориальной ситуации одновременности. Девербатив *bestelling* с инструментальным монотаксисным предлогом *per* выступает в качестве актуализатора инструментально-таксисной категориальной ситуации одновременности. Девербатив *afwachting* в сочетании с таксисным предлогом модальной семантики является актуализатором модально-таксисной категориальной ситуации одновременности.

В высказываниях вторичного типа, содержащих нидерландские девербативы с таксисными предложениями обстоятельственной семантики *ondanks*, *ongeacht*, *trots*, *ingevolge*, *krachtens*, *met*, *per*, *wegens*, *vanwege*, *voor*, *in*, *bij* актуализируются следующие вторично-таксисные категориальные ситуации одновременности:

(1) инструментально-таксисные и медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности;

(2) каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности;

(3) concessивно-таксисные категориальные ситуации одновременности;

(4) консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности;

(5) финально-таксисные категориальные ситуации;

(6) кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности;

(7) модально-таксисные категориальные ситуации одновременности.

Инструментально-таксисные и медиально-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в полипропозитивных высказываниях с девербативами при сочетании с монотаксисным инструментальным предлогом *per* и политаксисным предлогом инструментальной и медиальной семантики *met*. Например:

Het handigst is dan om dit *met knippen* en *plakken* te doen (LC).

De landelijke cliëntenorganisaties hebben *met verontwaardiging* gereageerd op de mededeling van VWS (LC).

Met verbazing vernam ik het bericht van Ge's overlijden (LC).

De bezorgkosten worden berekend *per bestelling* (LC).

Нидерландские девербативы *belangstelling*, *afpersing*, *verhuizing*, *verdenking* и др. в сочетании с монотаксисными предложениями каузальной семантики *wegens*, *vanwege*

актуализируют каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности. Например:

De chatroom is verwijderd *wegens te weinig belangstelling* (LC).

Buiten zijn schuld raakt hij betrokken bij een aantal rampzalige gebeurtenissen, die eindigen met een veroordeling *wegens afpersing* (LC).

Ellen van Putten was even afwezig op De Toverhoed *vanwege haar verhuizing* (LC).

Kuijt werd zes jaar geleden in Thailand opgepakt *wegens verdenking van drugshandel* (LC).

Концессивно-таксисные категориальные ситуации одновременности репрезентируются в высказываниях с девербативами с монотаксисными предложениями концессивной семантики *ondanks, ongeacht, trots* (см. девербативы *verklaring, verwarring, opwinding, stijging, verdunning, missen, ligging* и др.). Например:

En het volk stroomde toe, *ondanks de verklaring* dat het om een vervalsing ging (LC).

Deze daling kwam er *ondanks een stijging van de activiteit* in de sectoren stukgoed en logistiek (LC).

Toch hebben wij *ondanks de verwarring*, de soms panische toestanden en de angst die velen nog te pakken had gevochten voor wat wij waard waren (LC).

Maar *ondanks het missen van Catchipia en De Jong* hebben wij het aanvallend aardig gedaan (LC).

Dit mengsel wordt dan, *ondanks de verdunning*, toch aangemerkt als zeer brandgevaarlijk (LC).

Constructie waardoor iets *ongeacht de ligging van het schip* horizontaal wordt gehouden bestaande uit twee concentrische, om loodrecht op elkaar staande assen draaibare ringen (LC).

Консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности могут быть актуализированы в нидерландских полипропозитивных высказываниях с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *ingevolge u krachtens*. Например:

U hebt eveneens recht op een betaling van extra vakantietoeslag *krachtens deze regeling* (LC).

De navolgende toelichting is, *ingevolge besluit bestuur KNBSB*, tot nader order in Nederland NIET van kracht (LC).

В приведенных выше высказываниях с монотаксисными консекутивными предложениями девербативы *regeling* и *besluit* выступают в качестве актуализаторов консекутивно-таксисной категориальной семантики одновременности.

Нидерландские девербативы могут выступать в качестве актуализаторов финально-таксисных категориальных ситуаций при условии сочетания с политаксисным предлогом финальной семантики *voor*. Например:

Er is een vervolgspraak gemaakt *voor een bijeenkomst* in januari (LC).

Door de grote capaciteit en de hoge werkdruk van de BSA verdringerpomp is deze ook uitermate geschikt *voor het mixen van silo's en lage kelders* (LC).

Deze lijmsort is een goedkope en kindvriendelijke lijmsort *voor het plakken van papier en karton* (LC).

Deze nieuwe laser is bij uitstek geschikt voor het snijden van de plaatwerkdelen met hoge snelheid (LC).

Voor het verven van grote oppervlakken worden rollers gebruikt (LC).

Voor vergaren, lijmen, boren, snijden etc. hebben wij de ruimte, machines en mankracht (LC).

Waarschijnlijk heeft Adrie zelfde bron gebruikt voor zijn berekening als ProMash (LC).

Voor de verkoop van uitvaartverzekeringen zijn meerdere kanalen ingezet (LC).

Bij waarneming.nl is de opname primair documentatie voor de waarneming (LC).

В вышеуказанных примерах нидерландские девербативы различной словообразовательной и лексической семантики *bijeenkomst, mixen, plakken, snijden, verven, vergaren, boren, berekening, waarneming, verkoop* и др. принимают участие в процессе языковой репрезентации и актуализации финально-таксисных категориальных ситуаций одновременности.

Кондиционально-таксисные категориальные ситуации одновременности репрезентируются в нидерландских высказываниях с политаксисным предлогом кондициональной семантики *bij*. В качестве дополнительных кондициональных актуализаторов в таких высказываниях могут выступать некоторые атрибуты типа *oppervlakkig, nader, aandachtig* и др. Например:

Bij beschouwing van beschikbare literatuur blijkt dat naar het onderwerp overheidsvoorlichting in Nederland niet veel onderzoek is gedaan (LC).

Bij oppervlakkige beschouwing ben ik geneigd het standpunt van de SMVP zonder meer te onderschrijven (LC).

Bij nadere beschouwing verliezen ze echter veel van hun attractiviteit (LC).

Модально-таксисные категориальные ситуации одновременности могут быть актуализированы в высказываниях с девербативами при условии их употребления с политаксисным предлогом *met* или монотаксисным предлогом *in* в модальном значении (см. девербативы *verbazing, mijmering, verbazing*). Например:

Dit voorstel werd via Athene wereldkundig gemaakt, en door de Albanese regering *met verontwaardiging* aangehoord (LC).

Met stijgende verbazing heb ik de commotie die de woorden van de volksvertegenwoordiger veroorzaakten, ot me genomen (LC).

In een mijmering over haar plannen komt Galina Borissova tot de conclusie dat mensen en dieren volstrekt verschillende dingen zijn (LC).

При наличии в обследованных высказываниях нидерландского языка словообразовательно-итеративных и генетически-мультипликативных девербативов (*bestellingen, verkiezingen, ontwikkelingen, waarschuwingen, bedenkingen, aanmerkingen, opschuddingen, overwinningen, verlokkingen, veranderingen, voorbereidingen, waarnemingen, klingelen, schallen, klinken, rinkelen, hutsen, kleppen, klepperen, huppelen, rammelen, rommelen, stommelen, bibberen, spelen, springen, aantikken, slaan, springen, joepen* и др.), а также различных итеративных глаголов актуализируются итеративно-примарно-таксисные, итеративно-секундарно-таксисные, мультипликативно-примарно-таксисные и мультипликативно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования или следования. Например:

Tot de verkiezingen oriënteren de werkgroepleden zich voor een groot deel op lokale vraagstukken (LC).

Deze stuurde Remon weg *wegens anmerkingen op de leiding* (LC).

FC LEO begon, *ondanks de waarschuwingen* van trainer Postma veel te slap aan de wedstrijd (LC).

Noord-Nederland is *ondanks de vele veranderingen* geen economisch concentratiegebied geworden en dat is maar goed ook (LC).

Ook Jan had besloten de wedstrijd aan te treden *ondanks de voorbereidingen voor de WK Deutschland Rallye* van volgende week (LC).

Bij alle waarnemingen is de soortnaam ongevraagd veranderd (LC).

В вышеприведенных примерах словообразовательно-итеративные девербативы *verkiezingen, voorbereidingen, veranderingen, anmerkingen, waarschuwingen, waarnemingen* выступают в качестве актуализаторов категориальной семантики итеративно-примарного и итеративно-секундарного таксиса одновременности и предшествования (в высказывании с девербативом *verkiezingen* и таксисным предлогом темпоральной семантики *tot*).

При наличии в обследованных высказываниях с нидерландскими итеративными или неитеративными девербативами итеративных квантификаторов *meest, elke, iedere, enige, enkele, vele, verscheidene, twee, immer, altijd, vaak, soms, dagelijks, regelmatig* и др. актуализируются итеративно-примарно-таксисные и итеративно-секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. Например:

Roodkapje spreekt zich *regelmatig met verbazing* uit over afmetingen van objecten en lichaamsdelen (LC).

Met verbazing wordt er *vaak* gekeken naar de keuze van de DIR duikers (LC).

Jos Lejeune is de nuchterheid zelf, *ondanks de twee klinkende overwinningen in het weekeinde*, zo vlak vóór de start van de competitie (LC).

De weg was onveilig, werd ons gezegd, *vanwege de vele berovingen* (LC).

De meeste boetes zijn uitgedeeld *vanwege het ontbreken van de verplichte risico-inventarisatie en –evaluatie* (LC).

Onder de confraters had dat huis in die tijd een slechte naam *vanwege altijd het regelmatig voorkomen van besmettelijke ziekten* (LC).

Dit instrument is, *ondanks de verlokkingen* van moderne keyboards *altijd* zijn grote liefde gebleven (LC).

В приведенных выше высказываниях прототипический характер наряду со словообразовательно-итеративными девербативами *verlokkingen, overwinningen, berovingen* приобретают итеративные квантификаторы *regelmatig, regelmatig, vaak*, детерминирующие актуализацию семантики итеративно-каузального, итеративно-модального и итеративно-концессивного таксиса одновременности.

При условии дистрибутивной множественности субъектных/объектных актантов действий предикатов возможна актуализация дистрибутивно-примарно-таксисных или дистрибутивно-секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности или разновременности, в частности, дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и

НИДЕРЛАНДСКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ КАК ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ

следования, а также дистрибутивно-модально-таксисных, дистрибутивно-финально-таксисных и дистрибутивно-концессивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности. Ср. следующие высказывания:

Na haar scheiding heeft Gretta een kortstondige relatie gehad met Hans van Mierlo, toen minister van Defensie (LC).

Vlak voor vertrek werd de ploeg nog even bemoedigend toegesproken door Ron de Vlieger en Roger (LC).

Tevens zijn *gedurende deze bijeenkomst* informatiepanelen opgesteld die een beeld geven van de bouwwerkzaamheden (LC).

Bij binnenkomst lopen we tegen een enorme klimwand aan waar Rick en Deborah natuurlijk een poging op willen wagen (LC).

Gedurende de bijeenkomst hebben de *verschillende organisaties* raakvlakken op het terrein van OGGZ benoemd en zijn ontwikkelingen op dit terrein aan bod geweest (LC).

Bij een vertrek van de supermarkt in Nieuwer ter Aa bijvoorbeeld zullen *veel* ouderen de dupe worden (LC).

Bij het zwemmen wordt zwemkleding aangetrokken (LC).

Met bewondering maar ook *met verwondering* kijken wij tegenwoordig naar de piramides, de Griekse tempels en de middeleeuwse kathedralen (LC).

De volgende standaard gegevenselementen zijn geselecteerd *voor het vastleggen van datum*, tijd en periode (LC).

В вышеприведенных примерах релевантный прототипический характер при актуализации семантики дистрибутивно-примарного таксиса одновременности, следования и предшествования (см. высказывания с таксисными предложениями темпоральной семантики *na*, *voor*, *bij*, *gedurende* с девербативами *vertrek*, *scheiding*, *zwemmen*, *bijeenkomst*, *binnenkomst*), а также при репрезентации дистрибутивно-модально-таксисной категориальной ситуации (см. девербативы *bewondering* и *verwondering* с модальным предложением *met*) и дистрибутивно-финально-таксисной категориальной ситуации (в высказывании с финальным предложением *voor* и девербативом *vastleggen*) имеет дистрибутивная множественность предикатных актантов обозначаемых в высказываниях действий (субъектных и объектных).

В высказываниях, репрезентирующих дистрибутивно-таксисную категориальную семантику разновременности и содержащих темпоральные, таксисные или аспектуальные индикаторы, актуализируются сопряженные дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого (сильного, дистантного) следования или предшествования. Например:

Binnen 2 maanden voor vertrek worden de ANVR reisvoorwaarden gehanteerd (LC).

Kort na die waarneming werden een paard en *verscheidene* geiten verminkt gevonden (LC).

Vanaf 5 dagen voor vertrek worden de tickets klaargelegd op Schiphol (LC).

Kort voor vertrek werden we eruit gestuurd, ondanks de tekst op de CTA (LC).

Vlak voor ons vertrek hoorden wij van Pastor Herman Peters dat de Kardinaal geen bisschop meer is van Tokio (LC).

ВЫВОДЫ

Итак, таксисными актуализаторами в нидерландском языке являются девербативные имена существительные на *-ing*, *-st*, *-t*, *-en*, а также девербативы, образованные с помощью конверсии.

Девербативы вышеназванных словообразовательных моделей при условии их употребления с монотаксисными и политаксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики выступают в качестве актуализаторов различных таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности: примарно-таксисных и секундарно-таксисных (модально-таксисных, инструментально-таксисных, каузально-таксисных, финально-таксисных и др.).

В ходе исследования были обследованы нидерландские полипропозитивные высказывания примарного и секундарного типов, содержащие девербативы различной деривационной семантики в сочетании с монотаксисными и политаксисными предложениями темпорального и обстоятельственного (модального, инструментального, каузального, кондиционального, консекутивного, финального и др.) значения.

В высказываниях примарного типа, содержащих монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной семантики *na*, *vanaaf*, *sinds*, *sedert*, *staande*, *bij*, *gedurende*, *hangende*, *tijdens*, *met*, *voor*, *voorafgaand*, *tot*, девербативы актуализируют примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования.

В высказываниях секундарного типа с таксисными предложениями обстоятельственной семантики *ondanks*, *ongeacht*, *trots*, *ingevolge*, *krachtens*, *met*, *per*, *in*, *wegens*, *vanwege*, *voor* девербативы являются актуализаторами секундарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности (инструментально-таксисных, каузально-таксисных, консекутивно-таксисных и др.).

При наличии итеративных индикаторов (итеративных/мультипликативных девербативов, итеративных глаголов и итеративных квантификаторов) в высказываниях примарного и секундарного типов возможна итерация примарно-таксисной и секундарно-таксисной категориальной семантики одновременности или разновременности. Словообразовательно-теративные и генетически-мультипликативные девербативы нидерландского языка выступают при этом в функции актуализаторов категориальной семантики итеративно-примарного, итеративно-секундарного, мультипликативно-примарного или мультипликативно-секундарного таксиса одновременности и разновременности. На примарный или секундарный характер таксисной семантики одновременности и разновременности указывают монотаксисные и политаксисные предлоги темпоральной или обстоятельственной семантики.

При наличии словообразовательно-итеративных и генетически-мультипликативных девербативов, а также итеративных глаголов и итеративных квантификаторов актуализируются различные итеративно-таксисные и мультипликативно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования или следования.

При условии дистрибутивной множественности субъектных/объектных актантов глагольных действий возможна актуализация дистрибутивно-примарно-таксисных или дистрибутивно-вторично-таксисных категориальных ситуаций одновременности/разновременности. В высказываниях, репрезентирующих дистрибутивно-таксисную категориальную семантику разновременности и содержащих темпоральные, таксисные или аспектуальные индикаторы, актуализируются сопряженные дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования или строгого предшествования.

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. – Новосибирск, 2020. – 173 с.
2. Барентсен А. Таксис в нидерландском языке // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. – Москва, 2009. – С. 269–366.
3. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – Изд. 7-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 234–242.
4. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – Т. 3. – № 15. – С. 87–110.
5. Кудинова Н.Л. Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10–2 (52). – С. 115–117.
6. Ляшенко Н.А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке / Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках: монография / Н.Г. Склярова, А.В. Николаева, К.Н. Симонова, Н.А. Ляшенко, С.Е. Молчанова. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. – С. 101–129.
7. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
8. Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – Изд. 7-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – С. 296–319.
9. Семенова Н.В. Недифференцированный таксис в нелокализованных во времени ситуациях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 120–126.
10. Храковский В.С. Семантика, синтаксис, типология // В.С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. – М.: Знак, 2009. – С. 11–113.

References

1. Arkhipova I. V. *Kategoriya Taksisa v Raznostrukturnyh Yazykah* [Taxis Category in Different-structured Languages]. Monografiya. Novosibirsk, 2020. 173 p.
2. Barentsen A. *Taksis v Niderlandskom Yazyke*. [Taxis in the Dutch Language]. *Tipologiya Taksisnyh Konstrukciy*. Отв. ред. V.S. Khrakovskiy. Moscow, 2009, pp. 269–366.
3. Bondarko A.V. *Obshhaya Harakteristika Semantiki i Struktury Polya Taksisa* [General Characteristic of Semantics and Structure of Taxis Field]. *Teoriya Funktsionalnoy Grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Moscow, 2017, pp. 234–242.
4. Kockova Ya. *Nelichnyye Formy Glagola Kak Sredstva Vyrazheniya Taksisa v Russkom i Cheshskom Yazykah* [Nonpersonal Forms of the Verb as a Mean of Taxis Expressing in the

- Russian and Czech Languages]. *Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta Lingvisticheskikh Issledovanij*. 2019, no. 15 (3), pp. 87–110.
5. Kudinova N. L. *Vzaimodejstvie Kategorij Taksisa i Aspektual'nosti* [Interaction of Categories of Taxis and Aspectuality]. *Filologicheskiye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2015, no. 10–2 (52), pp. 115–117.
 6. Lyashenko N. A. *Funkcional'no-semanticheskoe Pole Taksisa v Anglijskom Yazyke* [Functional-semantic Field of Taxis in English]. *Funktsional'no-semanticheskie Polya Raznyh Tipov v Anglijskom i Russkom Yazykah*. 2019, pp. 101–129.
 7. Maslov Ju. S. *Ocherki po Aspektologii* [Topics in Aspectology]. L.: Izd-vo LGU Publ., 1984. 263 p.
 8. Nedyalkov V. P., Otaina T.A. *Tipologicheskiye i Sopostavitelnye Sspekty Zavisimogo Taksisa (na Materiale Nivkhsogo Yazyka v Sopostavlenii s Russkim)* [Typological and Comparative Aspects of Dependent Taxis (Based on the Material of the Nivkh Language in Comparison with Russian)]. *Teoriya Funktsional'noy Grammatiki: Vvedeniye, Aspektualnost', Vremennaya lokalizovannost', Taksis*. 2017, pp. 296–319.
 9. Semenova N. V. *Nedifferentsirovannyj Taksis v Nelokalizovannyh vo Vremeni Situatsiyah* [Undifferentiated Taxis in Situations not Localized in Time]. *Aktualnyye Problemy Filologii i Pedagogicheskoy Lingvistiki*, 2019, no. 4, pp. 120–126.
 10. Khrakovskiy V. S. *Semantika, Sintaksis, Tipologiya* [Semantics, Syntax, Typology], V.S. Khrakovskiy (red.). *Tipologiya Taksisnyh Konstruktsij*. Moscow: Znak Publ., 2009, pp.11–113.

DUTCH DEVERBATIVES AS TAXIS ACTUALIZERS

Архипова И. В.

The article examines the deverbatives of various derivational models that act as taxis actualizers in the Dutch language. In the course of the study, polypropositive statements of the primary and secondary types, containing Dutch deverbatives in combination with monotaxis and polytaxis prepositions of temporal and adverbial semantics, are considered. The purpose of the work is to determine the role of deverbative nouns as actualizers of the primary taxis and secondary taxis semantics of simultaneity and non-simultaneity, provided that they are combined with taxis prepositions. Monotaxis and polytaxis prepositions of temporal and adverbial semantics act as markers of primary taxis and secondary taxis categorical situations of simultaneity, precedence and following. In statements of the primary type containing monotaxis and polytaxis prepositions of temporal semantics *na, vanaaf, sinds, sedert, staande, bij, gedurende, hangende, tijdens, met, voor, voorafgaand, tot*, deverbatives actualize primary taxis categorical situations of simultaneity, precedence and following. In statements of the secondary type with monotaxis and polytaxis prepositions of adverbial semantics *ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, met, per, in, wegens, vanwege, voor*, deverbatives actualize the secondary taxis categorical situations of simultaneity (modal-taxis, instrumental-taxis, medial -taxis, conditional-taxis, concessive-taxis, consecutive-taxis, modal-taxis, final-taxis).

Keywords: dutch deverbatives, taxis semantics, taxis actualizers, taxis markers, taxis categorical situations, primary taxis categorical situations, secondary taxis categorical situations.

УДК 811.111-26

LINGUISTIC FEATURES OF THE NOVEL “SPY”

BY JAMES FENIMORE COOPER

Baldanova E. A., Dondokova N. B.

*Transbaikal Railway Transport Institute of the Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia
E-mail: jenny_july@mail.ru*

The article examines the linguistic features of the novel "The Spy" by the classic of the American literature James Fenimore Cooper. The purpose of the work is to correlate the selected linguistic features of the novel "The Spy" with the linguistic norm of the modern literary English language. The object of the research is the discourse of heroes, saturated with the dialogues that carry a vivid emotional coloring of the conversation between representatives of the historical past of America at the beginning of the 19th century. The stylistic originality of the heroes' speeches of the novel "The Spy" is associated with the use of vernacular language, which recreates the physical and psychological forms of the heroes of the novel. The scientific novelty of the work lies in the fact that it focuses on the stylistic devices that the author uses to denote the personality of the characters by linguistic means. The practical significance of the work lies in the possibility of using the analysis of the linguistic features of the novel in further studies of the English-language literature, or when delivering lectures and special courses on intercultural communication, cultural linguistics, cultural studies, cognitive and corpus linguistics, methods of teaching a foreign language.

Key words: dialectism, archaism, speech characteristics, stylistic features, colloquial expressions.

INTRODUCTION

The famous novelist and satirist James Fenimore Cooper pioneered American literature. The writer's work, his quotes and aphorisms do not lose their relevance. Fenimore Cooper was considered the founder of a new genre in the world of literature - the Western novel. Several generations of American writers have referred to Cooper as a teacher and inspiration.

In his novels, Cooper, although he used certain plot clichés that were entrenched in literature thanks to the work of Walter Scott, nevertheless enriched them with those features that distinguished his works, making them independent, inimitable, and even, on the contrary, gave impetus to numerous imitations already to Cooper himself [1].

MAIN PART

Cooper's artistic discovery was the depiction of the Indians, despite the fact that some predecessors had already touched on this topic. The author described the tragedy of the Indian people: the white colonialists robbed, drunk, corrupted and exterminated them. The indigenous people of America were persecuted with inhuman cruelty, they were credited with all kinds of vices. But James Fenimore Cooper destroyed this myth by showing that Indians are often morally superior to whites. Stories dedicated to the faithful friendship between "redskins" and "pale-faced" are among the best works of the writer. In the novels "Pioneers", "The Last of the Mohicans", "Prairie", "Pathfinder" and "Tutsan", the writer managed to create an epic about the fate of the Americans and those people who used to live on this land.

Fenimore Cooper pioneered the historical novel in America as well. Cooper provided an opportunity for readers to emotionally relive America's heroic past with the novel "The Spy", and this novel can be considered the beginning of Cooper's biography. The novel gained popularity not only in America and England, but throughout the world. The importance of the book for the history of American culture can hardly be overestimated. As Cooper's younger contemporary Gilmore Simms wrote, "Cooper's merit is that he was the first to awaken in us respect for ourselves, the consciousness of those spiritual possibilities that we constantly doubted and which our provincialism constantly denied. To take the first step is to overcome half the road, to strike the first blow is to win half the battle" [8]. "Never before any American work had anything like such a triumph" [3].

"The Spy" takes place during the Revolutionary War. The main character of the novel is Harvey Birch. This modest American, who occupies a seemingly rather low and unremarkable place in society, actually collects military information for the Continental Army, and he does it in the territories controlled by the British troops [6].

In the image of Harvey Birch, the peculiarities of the American national character are visible [4]. The origin of the hero is rather characteristic: Harvey Birch is a commoner, he comes from the very midst of the American people, who "did not differ in any way from the local commoners, except for his ingenuity, and also that his actions were always shrouded in some kind of mystery". Cleverness and resourcefulness are a bright positive characteristics of many of Cooper's future heroes, including Leather Stocking. Birch's simple lineage is an important trait. Among the Americans there were many more such people - of simple origin, with an unclear ancestry, and not the descendants of high-ranking people, nobles. Harvey Birch is the embodiment of the people who will gradually, after gaining independence, become the American people [2].

Fenimore Cooper was a great storyteller and his novel is interesting from an artistic and stylistic point of view. The heroes of the novel embody certain intellectual, moral and ethical values. The author was distinguished by great skill in depicting pictures of nature, an amazing ability to develop an adventure plot entertainingly and create bright strong characters, as in the novel *Harvey Birch and women of the people: Betty Flanagan and Katie Haynes* who are not at all heroines, but are remembered, one is sincerity and love of life, the other - ambition and tenacity.

Along with this, in his descriptions of nature, Cooper shows extraordinary rigor in the selection of linguistic means. For example, the beginning of Chapter XV, where the onset of winter is described in several lines: "The weather, which had been mild and clear since the storm, now changed with the suddenness of the American climate. Towards evening the cold blasts poured down from the mountains, and flumes of snow plainly indicated that the month of November had arrived; a season whose temperature varies from the heats of summer to the cold of winter... the trees bending to the force of the wind, that swept through the valley with an impetuosity that shook even the buildings; and the forest, that had so lately glittered in the sun with its variegated hues, was fast losing its loveliness, as the leaves were torn from the branches, and were driving irregularly before the eddies of the blast..." [7, p. 187].

We are interested in the novel from a philological point of view, and how everything can be traced in the language of the novel. E.M. Mednikova analyzed the Cooper's works

as follows: "Cooper wrote unevenly. Above all, the book is replete with that sublime rhetoric that characterized the early 19th century. At the same time, Cooper, widely borrowing from Latin, revealing an adherence to verbosity and complex phrases, wrote a little florid and archaic even for his time" [5]. For example, we can see the floridity and archaism in the following quote from chapter XIII of the book: "The savor of preparation which had been noticed by Captain Lawton began to increase within the walls of the cottage; certain sweet-smelling odors, that arose from the subterranean territories of Caesar, gave to the trooper the most pleasing assurances that his olfactory nerves, which on such occasions were as acute as his eyes on others, had faithfully performed their duty: and for the benefit of enjoying the passing sweets as they arose, the dragoon so placed himself at a window of the building, that not a vapor charged with the spices of the East could exhale on its passage to the clouds, without first giving its incense to his nose" [7, p. 165] .

At the same time, Cooper describes the situation very humorously [7, p. 166]. Humor is generally one of the novel's distinctive features - and the manner of presentation plays an important role and, oddly enough, organically coexists with frank melodrama.

Returning to the archaisms, we note that there are essentially two types of archaisms in the text - what seems archaic to the modern reader and what sounded outdated, old-fashioned already at the beginning of the 19th century. However, reading the novel today, we are not aware of these subtle differences, but we feel the general flavor of the past, which is so vividly conveyed by the means of language.

Among the most obvious archaisms we will name:

(1) an interrogative form without an auxiliary verb, for example: "think you that figure was made ...?" [7, p. 254]; "How say you, Betty?" [7, p. 276]; "And call you this the interior of America?" [7, p. 288]; "Bring you tidings of mercy?" [7, p. 313]; "Think you ...?" [7, p. 326].

(2) constrictions like "tis", "twill", "twould".

(3) formulas for addressing the interlocutor, for example: "Pray, Colonel, Wellmere" [7, p. 41]; "I conjure you" [7, pp. 59, 190, 360].

(4) individual phrases and words, for example: require smb's pleasure - to know what you want [7, p. 27]; intimate smth - to hint at something (is it intimated any are in agitation? - do they talk about something definite? [7, p. 41]; inmate - a guest, to partake - take a bite [7, p. 33]; near friends - close friends [7, p. 37]; by dint of - through (with the help) of something [7, pp. 49, 54, 171]; quit smth - to stop doing anything (the aunt quitted her employment - aunt quit her business [7, p. 51]; wallet - knapsack [7, p. 219]; at that day - in those days [7, p. 129]; he suffered himself to be persuaded - he allowed himself to be persuaded [7, p. 367]; acquiesced in the proposal - agreed with the proposal [7, p. 369], etc.

The most interesting stylistic moment in the novel is the speech characteristics. Here we can talk about two types of such characteristics: social speech characteristics and individual ones. The first type is, as it were, an undivided general way of expressing one's thoughts. It is inherent in all "noble" characters in the novel, i.e. Wharton, Dunwoodie, Harper, Francis, Sarah, etc. - on the one hand, and all "low-born" characters - on the other one. In other words, this is a speech inherent in a certain social group, which does not in any way characterize each character separately.

Only a few characters are endowed with individual speech characteristics in the novel. They are Harvey Birch, Betty Flanagan, Katy Haynes, Caesar, and Dr. Sitgreaves. The peculiarities of their speech speak of the writer's keen observation and keen hearing.

Of these characters, all but Sitgreaves are common folk, and the speech portraits immediately reveal this. And although one or two common features in their speech can be named, they cannot be confused - the reader immediately recognizes the speaker - they are so specific and peculiarly colorful.

Betty Flanagan's speech is frankly for common people, which is expressed primarily in pronunciation (fixed in writing). For example, she says [i] instead of [e]: ind (end), divil (devil), ligant (elegant), expict (expect), frind (friend), niver (never), piddler (peddler), forgit (forget), remimber (remember), inimy (enemy), sich (such), jist (just); or [ei] instead of [i]: for example, baste (beast), slaping (sleeping), dacent (decent), lave (leave), un'asy (uneasy), ating (eating), discrate (discreet), mane (mean), convanient (convenient), waping (weeping), trate (treat), or [a:] instead of [e]: sartin (certain), vartue (virtue), yarbs (herbs); or [au] instead of [ou], for example, sowl (soul), ould (old), sould (sold).

Betty speaks grammatically wrong too. There are irregular forms of the past tense, such as "expose the baste (beast) to be hurted" [7, p. 265], and the singular verb instead of the plural, for example, "ye's" instead of "you are", and the particle "no" instead of "not", for example, "it's no long he'd tarry to chat", etc. She sometimes uses long words that she learned from the officers and that sound funny in her mouth, for example, "slanderize, calunmn'ated, complimentaries (compliments)", etc.

The speech of Katie Haynes, also an uneducated simple woman, differs significantly from Betty's speech, which is explained by the difference in their characters and social status: Betty is a waitress, she is happy with her fate, kind, cunning, cheerful. Katie expects to marry Harvey and thus take the position of the owner of the house, mistress. She has her own opinion on any issue and expresses it in a categorical, even aphoristic, form: "an unquiet life makes an uneasy grave [7, p. 136], he is good only who does good" [7, p. 136], and so on. Trying to have a self-assertion, she persistently uses, most often out of place (malapropism), "cultural", "learned" words, sometimes unexpectedly funny distorting them, for example, "it's a scandalous disparagement" [7, p. 276]; "such conversations... that you can have no idea on" [7, p. 294]; "I lived in his house for a long concourse of years" [7, p. 295]; "unaccountables" [7, p. 275]; "disposable" [7, p. 147]; "incumberments" [7, p. 276]; "botherment" [7, p. 85]; "Harvey was a mystified body" [7, p. 294]; "Harvey is a man that no calculation can be made on" [7, p. 294].

At the same time, her speech is illiterate, like Betty's speech, it is characterized by irregular forms of the verb, for example, "if he know where he be, why don't he dig him up" [7, p. 136]; "if you was to hear him" [7, p. 149]; "the opinions of such unbelievers is not very consequential" [7, p. 148]; "I know'd" [7, pp. 277, 293], etc., she forms incorrectly the comparative degree of adjectives, for example, "twill be much convenienter" [7, p. 27] and sometimes gets lost in the colloquial pronunciation: "Jinit" (instead of Jeanette), "sin" (instead of since), etc.

The greatest difficulty in reading the novel will be caused by the use of phonetic-morphological and lexical dialectisms and colloquial expressions that are beyond the literary norm, in the speech characteristics of the dark-skinned Caesar. Therefore, we

present the most general of his statements. From a phonetic point of view, the main features are the pronunciation of [d], [t] instead of "th" and [b] instead of [v]: gib (give), berry (very); in the omission of the final g: "feelin" (feeling); in contraction like gemman (gentleman) and Massa (Master).

However, the main thing for Caesar's speech is a complete disregard of the grammar rules. So, there are no forms of a person for him, a kind of tense, he often simply omits the verb. For example, "Miss Fanny take care of he fader" [7, p. 56] (instead of "took care of her father"); "A black man so good as white so long as he behave heself" [7, p. 52]; "Miss Sally like a t'ree shi line when she give ..." [7, p. 54]; "I t'ought he time war' come" [7, p. 136]. "He" - this is the main, if not the only, personal pronoun for him. For example, the Bible is "he" (look him t'rough, read in him [7, p. 135]), mankind - he [7, p. 136]. He speaks about himself, as a rule, in the third person.

Sitgreaves' speech immediately reveals his profession - his comparisons are always medical; for example, "I should define poetry as an emollient, rather than as a succulent" [7, p. 235]. The main topic of his conversations, wherever they begin and whatever they are caused, will always be surgery. Using many Latin words, he generally speaks as if he were making a diagnosis; for example, "What can she mean, Archibald?", "Tis probably a wandering of the reasoning powers, created by the frequency of intoxicating drafts," observed the surgeon ..." [7, p. 195].

Perhaps the funniest passage in the novel is the conversation between Sitgreaves and Cathy in Chapter XI about the causes of diseases and their treatment. Harvey Birch's speech is mostly correct, neutral, although here there are some phonetic and grammatical deviations, it is characterized not so much by individual external moments as by the general manner of speaking vaguely, indefinitely, in hints and omissions. When he poses as a priest or dresses in the dress of Betty Flanagan, he copies someone else's speech very cleverly.

It is necessary to say about the more important moment for the general stylistics of the novel. Each chapter is preceded by an epigraph, which in poetic form outlines the nature of the theme and its development in the chapter following it. The epigraph reveals the general meaning of the described events. At the same time, the connection between the epigraph and the following chapter, as a rule, is so direct that the epigraphs themselves do not need interpretation.

CONCLUSION

These are the main linguistic features of one of Cooper's novels "The Spy". We must pay attention to the fact that in the novel, despite the heroic theme and melodrama of the plot, there is a lot of humor. Basically the humorous effect is achieved precisely through individual speech characteristics. Stylistic strategies are used by the author to indicate the individuality of the characters with linguistic means, and contribute to an objective portrait of the main characters.

The stylistic originality of the heroes' speeches in the novel is associated with the use of vernacular vocabulary, which recreates the physical and psychological forms of the heroes of the novel - prominent representatives of the historical past of America at the beginning of the 19th century. The obtained analyses show a high degree of artistic skill of Fenimore Cooper, which clearly illustrates the variability of linguistic ways of expressing them.

Список литературы

1. Аносов, П. В. Проблемы американского менталитета в социально-философских концепциях Т. Джефферсона и Б. Франклина [Текст] / П. В. Аносов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – С. 74–80.
2. Журавлева, А. П. Переосмысление мифа о Земле Обетованной в творчестве Джеймса Фенимора Купера [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А. П. Журавлева. – Москва, 2016. – 206 с.
3. Иванько, С. Фенимор Купер. [Электронный ресурс] / С. Иванько // Жизнь замечательных людей. № 713. Москва: Молодая гвардия, 1990. – 267с. Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/24018/7/Ivan%27ko_-_Fenimor_Kuper.html
4. Матвеева, Е. М. Американский характер глазами русских в начале XX века [Текст] / Е. М. Матвеева // Вестник рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета. – 2012. – С. 64–75.
5. Медникова, Эсфирь Максимовна. Значение слова и методы его описания: [Текст]: на материале современного английского языка / Э. М. Медникова. 2-е изд. – Москва: URSS, 2009. – 201 с.
6. Чудиновских, Н. Г. Тематическая группа "Американский студент" [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чудиновских Наталья Геннадьевна. – Москва, 2004. – 213 с.
7. Cooper, James Fenimore. *The spy: a tale of the neutral ground* / J. F. Cooper. Moscow: Progress Publ., 1975. – 430 p.
8. Simms W. G. *Views and Reviews in American Literature, etc. First Series*. Cambridge, Mass., 1962, pp. 266–267.

References

1. Anosov P. V. *Problemy Amerikanskogo Mentaliteta v Sotsial'no-philosophskih kontseptsiyah T. Jeffersona i B. Franklina* [Problems of the American Mentality in the Socio-philosophical Concepts of T. Jefferson and B. Franklin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, pp. 74–80.
2. Zhuravleva A. P. *Pereosmyslenie Mifa o Zemle Obetovannoi v Tvorchestve Jamesa Fenimora Coopera: Dis. ... Cand. Filol. Nauk* [Rethinking the Myth of the Promised Land in the Works of James Fenimore Cooper. Thesis]. Moscow, 2016. 206 p.
3. Ivanko, S. Fenimore Cooper. *Zhizn' Zamechatel'nyh lyudej* [Life of Wonderful People]. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 1990, no 713. 267 p. Available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/24018/7/Ivan%27ko_-_Fenimor_Kuper.html.
4. Matveeva E. M. *Americanskij haracter glazami russkih v nachale XX veka* [American Character through the Eyes of Russians at the Beginning of the XX Century]. *Vestnik Ryazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni S. A. Yesenina*. Ryazan: Izdatel'stvo Ryazanskogo Gosudarstvennogo Universiteta Publ., 2012, pp. 64–75.
5. Mednikova E. M. *Znachenie Slova i Metody Ego Opisaniya na materiale Sovremennogo Anglijskogo Yazika* [The Meaning of the Word and Methods of Its Description Based on the Material of Modern English]. Moscow: URSS, 2009. 201 p.
6. Chudinovskih N. G. *Tematicheskaya Grupa "American Student": Dis. ... Cand. Filol. Nauk* [Thematic Group "American student" Thesis]. Moscow, 2004. 213 p.
7. Cooper, James Fenimore. *The Spy: a Tale of the Neutral Ground*. Moscow: Progress Publ., 1975. 430 p.
8. Simms W. G. *Views and Reviews in American Literature History and Fiction, First Series*. Cambridge, Mass., 1962, pp. 266–267.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА «ШПИОН» ФЕНИМОРА КУПЕРА

*Балданова Е. А.,
Дондокова Н. Б.*

В статье исследуются лингвистические особенности романа классика американской литературы Джеймса Фенимора Купера «Шпион». Цель работы – соотнести выделенные языковые особенности романа «Шпион» с лингвистической нормой современного литературного английского языка. Объект исследования – дискурс героев, насыщенный диалогами, несущими яркую эмоциональную окраску разговора представителей исторического прошлого Америки в начале XIX в. Стилистическое своеобразие речей героев романа «Шпион» связано с использованием просторечной лексики, которая в совокупности воссоздает физические и психологические облики героев романа. Научная новизна работы заключается в том, что в ней сделан акцент на стилистических приемах, которые автор использует для указания языковыми средствами на индивидуальность персонажей. Практическая значимость работы заключается в возможности использования анализа языковых особенностей романа в дальнейших исследованиях англоязычной литературы либо при чтении лекций и спецкурсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, культурологии, когнитивной и корпусной лингвистике, методике обучения иностранному языку.

Ключевые слова: диалектизм, архаизм, речевые характеристики, стилистические особенности, разговорная речь.

УДК 811.111:34

**ТРАНСФЕР ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА И. МАКБЮЭН
«ЗАКОН О ДЕТЯХ»)**

Рябова И. Ю.

*ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается содержание концепта «благополучие ребенка» в романе «Закон о детях» британского писателя И. Макьюэн в процессе трансфера юридического знания в художественный нарратив. Основопологающим звеном исследования становится значение функций нарратива для социальных целей, подчиненных главной стратегии – транслировать знание закрытой правовой сферы в романский жанр. Трансфер юридического знания в художественный нарратив исследуется с позиций социокультурной практики, имеющей ряд прагматических установок. Автор предлагает компаративистский подход к исследованию социального и вербального контекста гибридного художественно-правового дискурса на основании действующего в Великобритании Закона о детях 1989 года. Ключевой составляющей концепта «благополучие ребенка» является комплекс обязанностей суда как высшего органа судебной власти в обеспечении условий для воспитания и развития полноценной личности ребенка. Концепция исследования художественно-правового дискурса (ХПД) через нарративную модель ХПД позволяет проследить изменения художественной картины мира в сопоставительном аспекте. Методологический инструментарий исследования включает ряд методов: структурно-семантический метод, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ. В ходе исследования сделаны выводы о смысловых трансформациях в гибридном дискурсе и об актуализации имплицитных составляющих социально значимого концепта «благополучие ребенка».

Ключевые слова: художественно-правовой дискурс, нарративная модель художественно-правового дискурса, трансфер юридического знания в художественный нарратив, гибридный дискурс, социокультурная практика, концепт

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании поднимается вопрос о значимости нарративного конструирования событий в гибридном художественно-правовом дискурсе (далее ХПД) с целью репрезентации социально значимых ценностей судебной правовой системы на примере концепта «благополучие ребенка». Под нарративным конструированием событий ХПД мы понимаем создание маркированного юридической тематикой романного жанра, смоделированного на основании реальных событий, но интерпретированного с точки зрения консолидации социального и личного, общего и специального знания на уровне отдельной этнической группы. В фокусе внимания находится социально значимый контекст

повествования, репрезентированный как языковыми маркерами юридического дискурса и единицами художественного текста, так и прагматическими установками изучаемого объекта. Исследование предполагает решение следующих задач: 1) определить функционал нарратива художественно-правового дискурса для социальных целей; 2) выявить структуру исследования вербального и социального контекста ХПД; 3) обозначить результат трансфера юридического знания в художественный нарратив в аспекте социокультурного направления лингвистического исследования на примере англоязычного романа И. Макьюэн «Закон о детях».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая художественно-правовой гибридный дискурс на уровне отдельного социума, мы придерживаемся точки зрения В. Е. Чернявской о том, что «... дискурс может быть представлен как корпус текстов. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов...» [7, с. 83–93]. Как следствие, теоретически существует некоторое когерентное текстовое пространство романной прозы юридической тематики, формирующее тождественные смыслы. Одной из особенностей концептуального анализа подобного жанра является трансфер юридического знания в художественный текст, предполагающее исследование того, каким образом юридическое знание «вплетается» в канву художественного произведения. Основная проза о представителях судебной власти, их функциях и обязанностях в судопроизводстве, процедуре и особенностях судебного процесса существует в форме нарратива.

Под нарративом в широком смысле слова понимается повествование, хроника о событиях с определенной долей интерпретации транслируемой информации: «narrative, of course, combines the recounting of events (a mere chronicle) with interpretation of those events» [10, с. 2]. Нарратив в транстекстовом художественно-правовом дискурсе занимает центральные позиции: «... narrative is central to all legal processes and the many different kinds of legal story interwoven with each other to form the grand fabric of the law» [10, с. 2]. В социуме нарративу приписываются функции установления позиции доминирования («a resource for dominating others»), передачи оппозиционных политических взглядов («for resistance and conflict»), выражения солидарности (expressing solidarity) и др. [8, с. 161]. Функционал нарратива художественно-правового дискурса следует рассматривать с различных точек зрения. В аспекте прагматического подхода, по следам работ Ф. Анкерсмита, предметом исследования которого является «идеальный нарратив», данная форма повествования является «надежным руководством в наших действиях», призванным «облегчить нам ориентацию в мире» [1, с. 55]. В рамках интеракционистского подхода исследователи признают, что структура повествования в нарративе отражает социальные действия, а также то, каким образом аудитория вовлекается в процесс восприятия: «... the structure of stories reflects the fact that stories perform social actions and how audiences are involved...» [14, с. 167–203]. По замечаниям профессора К. Риесман, нарративное повествование социально интерактивно, стратегически

направлено и эффективно: «... narrating has effects in social interaction that other modes of communication do not... narratives are strategic, functional, and purposeful...» [13, с. 20]. Эпистемологический подход к нарративу определяет его как способ познания и восприятия реальности: «as a mode of thought and apprehension of reality» [8, с. 159]. В рамках логического подхода нарратив объективируется как своего рода аргументация, по замечаниям Ф. Анкерсмита, отождествляемая с логической структурой, и «эта логическая структура представлена хорошо известной “моделью охватывающих законов”» [1, с. 61]. Следовательно, прагматической основой нарратива следует считать его объяснительную функцию. Обобщая представленные точки зрения, подчеркнем, что нарратив – коммуникативный социально ориентированный формат, который становится «фактором выдвижения определенного смысла», при этом «выдвижение» осуществляется непосредственно им самим, а не репертуаром используемых языковых средств [5, с. 83–97]. Посредством реализации вышеуказанных прагматических установок нарратив художественно-правового дискурса транслирует знание о закрытой правовой сфере в широкие общественные круги.

Принимая во внимание актуальность интерпретационного потенциала нарратива художественно-правового дискурса, в нашем исследовании мы используем понятие «нарративная модель ХПД», репрезентирующая субъективированный взгляд автора (оратора) на описываемую «реальность». Основанием для выделения данной структуры дискурса послужили исследования Т. ван Дейка, утверждающего факт существования «ментальной модели», лежащей в основе «контекстуальной модели» на уровне прагматики (context model), которую ученый противопоставляет «событийной модели» на уровне семантики (event model), выявляя основание для их разграничения – релевантность описываемых фактов: «...pragmatic context models control what of our semantic event models is now relevant to express (or presuppose) in text or talk. Finally context models especially control all options of language and discourse variation that are relevant in this situation...» [16, с. 17]. Особым образом, на наш взгляд, аккумулируются в нарративной модели социальное и личное, общее и специальное знание (по типологии Т. ван Дейка). По замечаниям П. С. Пороховщикова, когда рассматривается какое-то судебное дело, общество «стремится выяснить, какъ, почему, по какимъ побужденіямъ» было совершено преступление или возник диспут и, следовательно, заведено судебное разбирательство. Служители же закона стремятся изучить «самое „дѣяніе“»; они всецело погружаются в технические детали дела, представляя юридическую «анатомію дѣянія» [6, с. 146]. В нарративной модели сосуществуют следы мировосприятия автора (оратора), а также результат интерпретации реальных судебных дел глазами профессионалов-юристов, который в романном жанре юридической тематики зачастую достигается исследовательским путем и предполагает сбор информации посредством интервьюирования людей, непосредственно задействованных в судопроизводстве. «Интонирование» или нарративизация описываемых событий осуществляется с помощью стиливых приемов, «пластически-живописных характеристик» художественно-эстетического творчества, которые «переводят действие в другой план, в другой ценностный контекст...» [2, с. 7, 42]. Как следствие, нарративная модель ХПД представляет собой

гетерогенный текстовый конструкт, в основе которого лежит правовая «событийная модель», моделируемая в художественной картине мира на основании релевантных сведений и «интонированная» автором. Трансфер юридического знания в художественный нарратив позволяет выявить возможности передачи специального знания через общее, социального – через личное, и, наоборот. Социальная интерактивность транслируемого знания обусловлена его прагматическими установками – рассказать, повлиять, сформировать мировоззрение, вызвать дискуссию и др. Таким образом, опора на социокультурную практику нарратива в «перемещении» смысла между двумя полярными областями знания представляет собой один из возможных подходов в исследовании смысловых трансформаций в гибридном тексте.

Трансфер юридического знания в художественный текст как социокультурная практика задействует оба контекста – социальный (социокультурное пространство, в котором создано произведение) и вербальный как инструмент текстуализации первого. По мнению А. Данто, свойства нарратива выявляются за счет изучения «нарративных предложений» [3, с. 204]. Ф. Анкерсмит вводит понятие «содержание нарратива», и, по мнению ученого, оно «не может быть сведено к содержанию отдельных предложений» [1, с. 94]. На наш взгляд, изучение «нарративных предложений» через призму социокультурной практики трансфера юридического знания в художественный текст требует осмысления как непосредственно механизмов, приемов и средств трансфера знания на уровне языковых единиц, так и исследования особенностей концептуализации философского, культурологического и другого междисциплинарного знания, задействованного в формировании смысла.

Данное исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Методы исследования, которыми мы пользуемся для изучения вербального контекста, включают структурно-семантический метод, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ. Структурно-семантический метод в теории трансфера знания как социокультурной практики позволяет выявить особенности синтаксической организации предложения, морфологические признаки языковых единиц, и в рамках семасиологического направления мы обращаемся к компонентному и дефиниционному анализу слова. Метод контекстуального анализа находит применение в настоящем исследовании на том основании, что функционально-семантическая специфика единиц гибридного дискурса исследуется в тесной связи с конситуацией языковой единицы и в теории трансфера знания способствует выявлению новых смыслов социально значимых ситуаций. Метод сплошной выборки позволяет выявить актуальные контексты гибридного дискурса. Концептуальный анализ дает возможность обобщить результаты проведенных наблюдений с точки зрения различных аспектов (социологического, культурологического, философского) и завершить задачи описания как семантики языковой формы репрезентанта гибридного контекста, так и сформулировать положения о социально значимых явлениях юридической тематики и возможных трансформациях, нашедших отражение в романной прозе Англии. Социальный контекст гибридного формата дискурса исследуется в нашей работе с позиций

сравнительно-сопоставительного метода, позволяющего обратиться к реальным фактам событий, лежащих в основе отдельно взятого романа ХПД.

Материалом для настоящего исследования выступает англоязычный роман британского писателя И. Макьюэн «Закон о детях». Тематическим ядром произведения являются морально-этические вопросы семейного права, этико-религиозные разногласия между представителями разных конфессий и персонифицированные морально-психологические искания судьи Фионы Мей, касающиеся вопросов права, личности и общества, воспитания детей, жизни и смерти. Одним из ключевых концептов романа является «благополучие ребенка». Через призму персонифицированной модели поведения, включающей речевой портрет судьи, репрезентацию профессионально значимых характеристик, коммуникативную составляющую поведения в судебном процессе и повседневном общении, посредством несобственно прямой речи, авторского комментария и др. в произведении транслируется знание об особенностях концептуализации феноменов правовой сферы, отражающих социально значимые ценности в воспитании и развитии полноценной личности.

Ф. Анкерсмит приходит к умозаключению, что в текстовом анализе нарратива следует различать четыре компонента: во-первых, поверхностную структуру текста (непосредственно нарратив); во-вторых, глубинную структуру («семантическое ядро» нарратива); в-третьих, правила трансформации текста (опущение или добавление некоторых деталей); в-четвертых, грамматику текста [1, с. 94]. Модифицируя данную структуру относительно нарративной модели ХПД, отметим, что в качестве пятого компонента «схемы» мы предлагаем рассматривать «реальное событие правовой сферы, лежащее в основе создания нарратива», репрезентированное в тексте языковыми маркерами юридического дискурса. В основу написания одноименного романа И. Макьюэн лег Закон о детях 1989 о правах, свободах и благополучии ребенка в Соединенном Королевстве Великобритании.

Обратимся к иллюстрациям того, как социально значимые черты объективируются в нарративе художественно-правового дискурса в рамках предложенной нарративной модели ХПД.

В Законе о детях 1989 года указано следующее положение: «*When a court determines any question with respect to ... the upbringing of a child ... the **child's welfare shall be the court's paramount consideration***» [15, с. 2]. Данное положение взято автором И. Макьюэн в качестве эпиграфа к своей книге. В романе «высвечиваются» конкретные задачи суда в обеспечении благополучия подростка Адама Генри, а именно: 1. забрать ребенка у недобросовестного родителя в случае необходимости: «*She had the power to remove a child from an unkind parent and she sometimes did*» [11, с. 6]; 2. «суд в интересах детей должен выбрать между полным соблюдением религиозных предписаний и чем-то менее строгим, а также между всем тем, что касается культуры, социальной принадлежности, менталитета, устремлений, характера семейных отношений, основополагающих принципов и пока неизвестного будущего»: «*The court must choose, on behalf of the children, between total religion and something a little less. Between cultures, identities, states of mind, aspirations, sets of family relations, fundamental definitions, basic loyalties, unknowable futures*» [4, с. 22; 11, с. 13];

3. суд должен учитывать все составляющие социокультурного понятия «благополучие» – все то, что важно для развития личности подростка: *«She followed Lord Hailsham in allowing the term to be inseparable from well-being and to include all that was relevant to a child's development as a person... Economic and moral freedom, virtue, compassion and altruism, satisfying work through engagement with demanding tasks, a flourishing network of personal relationships, earning the esteem of others, pursuing larger meanings to one's existence, and having at the center of one's life one or a small number of significant relations defined above all by love»* [11, с. 15]; 4. суд должен предоставить возможность детям по достижении ими совершеннолетия самим выбрать себе жизнь: *«Above all, the duty of the court was to enable the children to come to adulthood and make their own decisions about the sort of life they wanted to lead...»* [11, с. 38]. Заметим, что с определенной долей условности возможно выделить и другие обязанности суда, зафиксированные в романе, – замещать монархов и быть опекунами детей (в 80-е годы), быть аккуратным («*extremely reluctant*») в принятии решений, когда дело касается лечения ребенка, не соотносить свое мнение с конкретной религией и проявлять уважение к вере и др. [11, с. 36, 85, 88]. Однако доминирование выбранных четырех задач в осуществлении «благополучия ребенка» обусловлены на текстовом уровне рядом маркеров. Морфологический показатель прошедшего времени, наряду с семантикой всего предложения (*followed ... to include*), выражает не только совершившееся действие, но и общий принцип прецедента, действующего в системе общего права, и, следовательно, акцентирует совершенство действия как факт закона. Модальность глагольного словосочетания «*must choose*» подчеркивает идею долженствования. Языковой маркер юридического дискурса «*power*» эксплицирует идею авторитарности и легитимности судебной власти Англии, слово «*duty*», руководствуясь дефиницией «*a moral or legal obligation; a responsibility*», – эксплицирует юридическое обязательство или моральный долг. Общая структура «развертывания» существующих задач, стоящих перед судебной инстанцией, перехода к обозначению конкретных деталей (п. 2 и 3), резюмирование сказанного (п. 4 – «*above all*») позволяет заключить о логически завершённом смысловом единстве. Грамматические (в том числе морфологические), семантические явления тесно связаны с поверхностной структурой текста, где поверхностная структура текста определяется линейным порядком предложений в нарративе.

Далее в рамках сравнительно-сопоставительного анализа мы обратимся к формулировкам, связанным с благополучием ребенка, в Законе о детях 1989 года.

В ч. 1 п. 1 о благополучии ребенка как «о первостепенной заботе суда» закон гласит следующее: «... *a court shall have regard in particular to –*

(a) the ascertainable wishes and feelings of the child concerned (considered in the light of his age and understanding);

(b) his physical, emotional and educational needs; ...

(d) his age, sex, background and any characteristics of his which the court considers relevant;

(e) any harm which he has suffered or is at risk of suffering;

(f) how capable each of his parents, ... is of meeting his needs ...» [15, с. 2].

Желания ребенка и его потребности («wishes», «needs») в п. (a) и (b) обозначены в романе в судебном решении судьи Мей суммарно – «interests»: «*"The welfare of the child therefore dominates my decision... I take 'welfare' to encompass 'well-being' and 'interests'..."*» [11, с. 121–122]. В сопоставлении с репрезентацией в реальном законе, и руководствуясь вышеизложенным, обозначим, что в нарративе подробно представлены «физические, психологические и образовательные потребности». К физическим следует отнести экономическую свободу («*economic freedom*»), к психологическим – нравственную свободу, добродетель, способность к состраданию и альтруизм, живой круг общения, уважение окружающих, стремление придать жизни высокий смысл («*moral freedom, virtue, compassion and altruism, a flourishing network of personal relationships, earning the esteem of others, pursuing larger meanings to one's existence*»), к образовательным – решение серьезных задач, приносящее удовлетворение («*satisfying work through engagement with demanding tasks*»). По мнению судьи Мей, в художественной картине мире доминантой в социальном развитии ребенка становится психологическая составляющая. При перечислении необходимых «ингредиентов» («*ingredients*») успешного развития личности важная роль в процессе целеполагания принадлежит родителям – «*goals toward which a child might grow*».

История Адама («*background*») при рассмотрении судебного дела в романе объективируются в тесной связи с жизнью его родителей, прошедшей несколько этапов становления, и их общего семейного быта: «*The Henrys had married young, at nineteen, seventeen years ago. The early years, when Kevin was employed as a laborer, were hard. He was "a bit of a wild man," drank too much, was abusive to his wife, Naomi... Deliverance came in the form of two polite young men from America who doorstepped Naomi one afternoon... and then Bible study, which they found hard at first slowly, order and peace came into their lives. Kevin and Naomi began to live in the truth... they had lived in the truth and raised Adam in the truth within the close, supportive network of their Witness friends...*» [11, с. 73–74]. Религиозные верования родителей – представителей религиозной организации «Свидетели Иеговы» – оказываются «сетью» («*network*») для их ребенка, внутри которой ему транслируется определенное знание о мире, и формируется мировоззрение. Погрузиться в дальнейшие технические детали судебного дела Фионе Мей позволяют конкретные стратегии (кооперации и давления) и тактики (апелляция к чувствам подопечного, допрос, дискредитация религии) речевого воздействия, представленные определенным репертуаром языковых средств, стилистических и психолингвистических приемов. Обращение к личной жизни подопечного становится социально значимым профессиональным навыком служащих закона, которым в судопроизводстве приписана функция модераторов будущего детей. В настоящем контексте эксплицируется знание о том, что воспитание и развитие ребенка – результат семейного быта, условий жизни, характера ошибок его воспитателя.

Судья в романе, помимо своей первостепенной задачи принять единственно верное судебное решение, выполняет функцию медиатора – она сама едет в больницу к Адаму Генри, чтобы познакомиться с мальчиком и выяснить обстоятельства дела во внесудебном порядке. Она отмечает важную составляющую личности

подопечного – высокий интеллект: «*His manner, his humor, had an element of the silliness that can accompany high intelligence*» [11, с. 105]; она считает его исключительным ребенком: «*He is without doubt an exceptional child. I might even say, as one of the nurses did this evening, that he is a lovely boy, and I'm sure his parents would agree. He possesses exceptional insight for a seventeen year old*» [11, с. 121]. Проницательность судьи впоследствии позволяет ей принять следующее решение: «*In short, I find that A, his parents and the elders of the church have made a decision which is hostile to A's welfare, which is this court's paramount consideration...*» [11, с. 123]. В слове «*hostile*», согласно дефиниции в словаре АБВУ Lingvo 6, Collins Cobuild, – 1. *hostile situations and conditions make it difficult for you to achieve something*; 2. *aggressive*, – выявлена интерференция прямого враждебного действия со стороны родителей и служителей церкви в возможные достижения подростка.

Помимо того, что судья в художественной картине мира действует со «скрупулезностью физика-ядерщика», она способна в сжатые сроки аккумулировать информацию, выработать стратегию и подвести итог. Действуя согласно закону (ч. 1 п. 1) в том, что «*...the court shall have regard to the general principle that any delay in determining the question is likely to prejudice the welfare of the child*» [15, с. 2], при открытии судебного заседания Фиона Мей заявляет о чрезмерной важности и неотложности рассматриваемого дела: «*She began. "You're all aware that we are here on a matter of extreme urgency. Time is of the essence. Everyone please bear this in mind and speak briefly and to the point..."*» [11, с. 63]. Деловые и профессиональные качества судьи в целом позволяют четко и рационально структурировать процедуру судебного разбирательства, в том числе в «чеканной речи» «сжато сформулировать суть спора»: «*Among fellow judges, Fiona Maye was praised, even in her absence, for crisp prose, almost ironic, almost warm, and for the compact terms in which she laid out a dispute*» [11, с. 23].

Фокусирование на социально значимых характеристиках концепта «благополучие ребенка» позволяет выявить скрытые фрагменты «внутреннего» портрета судьи – ее ответственность, проницательность, духовность, искренность – и подводит к пониманию того, что ее личное бытие неотделимо от общественного, специальное знание становится частью общего знания. Как отмечает ведущий барристер Д. Панник, «*... the personality and interests of the judge vitally affect the way in which he decides the case, as to style and as to substance...*» – «...личность и интересы судьи самым непосредственным образом влияют на то, какое решение будет принято по делу – и по сути, и по стилю...» [12, с. 26].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование составляющих концепта «благополучие ребенка» в художественной картине мира, отображающей особенности английской системы общего права через призму зафиксированных в реальном законе обязанностей суда, позволяет умозаключить о расширении значений и детализации социального контекста в художественно-правовом дискурсе. Личные впечатления судьи, ее внутренние переживания, ценностные установки и ценностные ориентации в правовой реальности, формирующие художественную модель мира, через практику

нарратива обогащают общественное сознание английского этноса. Они призваны углубить осознание ответственности родителей перед несовершеннолетними детьми, судебной власти – перед обществом, вскрыть причины и последствия «хитросплетений» семейной жизни («*intricacies*»). С определенной долей уверенности мы можем говорить о нарративе художественно-правового дискурса как об «искусно созданном бленде объяснения и интерпретации» [9, с. 1098]. Применение нарративной модели ХПД в аспекте поверхностной, глубинной структуры текста, правил трансформации смыслового содержания и грамматики текста в корреляции с реальным событием юридической сферы, лежащим в основе создания гибридного произведения, способствует осознанию того, что литературное произведение актуализирует «скрытые» составляющие социально значимых концептов и позволяет рассмотреть функционирование правовой системы в таких жизненных условиях, которые максимально приближены к реальным. Социокультурная практика нарратива художественно-правового дискурса позволяет говорить о «перемещении» знания – общего, специального, личного и социального – как неотъемлемой части бытия человека.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков [Текст] / Ф. Анкерсмит. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
3. Данто, А. Аналитическая философия истории [Текст] / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 204 с.
4. Макьюэн, И. Закон о детях [Текст] / И. Макьюэн; [пер. с англ. В. Гольшева]. – Москва : Эксмо, 2018. – 256 с.
5. Нефедов, С. Т. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива [Текст] / С. Т. Нефедов, В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.
6. Пороховщиков, П. С. Искусство речи на суде [Текст] / П. С. Пороховщиков. – С.-Петербург : Сенаторская типография, 1910. – 390 с.
7. Чернявская, В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе [Текст] / В. Е. Чернявская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 83–93.
8. De Fina, A. Discourse analysis and narrative [Text] / A. Fina, B. Johnstone // The Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1 / Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. – Wiley Blackwell, 2015. – 952 p.
9. Griffin, L. J. Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology [Text] // The American Journal of Sociology. – Vol. 98. – No. 5 (Mar., 1993). – The University of Chicago Press. – P. 1094–1133.
10. Hanne, M. Narrative and metaphor in the law [Text] / M. Hanne, R. Weisberg. – Cambridge University Press, 2018. – 426 p.
11. Mcewan, I. The Children Act [Text] / I. Mcewan. – London : Vintage Books, – 2014. – 215 p.
12. Pannick, D. Judges [Text] / D. Pannick. – Oxford : New York : Oxford University Press, 1987. – 169 p.

13. Riessman, C. K. Narrative Methods for the Human Sciences [Text] / C. K. Riessman. – Los Angeles : London : New Dely : Singapore : Sage Publications, 2008. – 379 p.
14. Schiffrin, D. Narrative as self-portrait: sociolinguistic constructions of identity [Text] // Language in Society. – Vol. 25. – Issue 2. – 1996. – P. 167–203.
15. The Children Act [Электронный ресурс]. – 1989. – Режим доступа: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. –(Дата обращения: 07.04.21).
16. Van Dijk, T. Text, context and knowledge [Text] / T. Van Dijk. – First draft. Barcelona : Universitat Pompeu Fabra, 2008. – 38 p.

References

1. Ankersmit F. *Narrativnaya Logika. Semanticheskii Analiz Yazyka Istorikov* [Narrative Logics. Semantic Analysis of Historians' Language]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2003. 360 p.
2. Bahtin M. M. *Jestetika Slovesnogo Tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskustvo Publ., 1979. 421 p.
3. Danto A. *Analiticheskaya Filosofiya Istorii* [Analytical Philosophy of History]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2002. 204 p.
4. Mak'ujen I. *Zakon o Detyakh* [The Children Act]. Moscow: Jeksmo Publ., 2018. 256 p.
5. Nefedov S. T., Chernyavskaya V. Ye. *Kontekst v Lingvisticheskom Analize: Pragmaticheskaya i Diskursivno-Analiticheskaya Perspektiva* [Context in Linguistic Analysis: Pragmatic and Discourse-Analytical Perspective]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2020, no 63, pp. 83–97.
6. Porokhovshchikov P. S. *Iskusstvo Rechi na Sude* [The Art of Speech in the Court]. S.-Peterburg: Senatorskaya Tipografiya Publ., 1910. 390 p.
7. Chernyavskaya V. Ye. *Operatsionalizatsiya Konteksta v Diskursivnom Analize* [Context Operationalization in Discourse Analysis]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i Zarubezhnaya Filologiya*, 2017, vol. 9, no 4, pp. 83–93.
8. De Fina A., Johnston B. Discourse analysis and narrative. *The Handbook of Discourse Analysis*, 2015, vol. 1. 952 p.
9. Griffin L. J. Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology. *The American Journal of Sociology*, 1993, vol. 98, no 5, (Mar., 1993), pp. 1094–1133.
10. Hanne M., Weisberg R. *Narrative and metaphor in the law*. Cambridge University Press, 2018. 426 p.
11. Mcewan I. *The Children Act*. London, 2014. 215 p.
12. Pannick D. *Judges*. Oxford, 1987. 169 p.
13. Riessman C. K. *Narrative Methods for the Human Sciences*. Sage Publications, 2008. 379 p.
14. Schiffrin D. Narrative as self-portrait: sociolinguistic constructions of identity. *Language in Society*, vol. 25, no 2, 1996, pp. 167–203.
15. The Children Act. 1989. Available at: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. (accessed 07 April 2021).
16. Van Dijk T. *Text, context and knowledge*. First draft. Barcelona, 2008. 38 p.

LEGAL KNOWLEDGE TRANSFER INTO LITERARY NARRATIVE

AS SOCIO-CULTURAL PRACTICE

(ON ENGLISH NOVEL THE CHILDREN ACT BY I. MCEWAN)

Ryabova I. Yu.

This article examines the content of the concept child welfare in the novel *The Children Act* by the British writer I. McEwan in the process of transferring legal knowledge into literary narrative. The fundamental link in the research is the significance of the functions of the narrative for social purposes, subordinate to the main strategy – to transmit knowledge of the closed legal sphere into the novel genre. The legal knowledge transfer into literary work is studied from the standpoint of sociocultural practice, which has a number of pragmatic goals. The author proposes a comparative approach to the study of the social and verbal context of a hybrid literary-legal discourse on the basis of the Children Act 1989 in the UK. The key component of the concept of “child welfare” is the complex of duties that the court as the highest body of the judiciary performs in order to provide all the necessary conditions for the upbringing and development of a child’s personality. The concept of the study of literary-legal discourse (LLD) through a narrative model of the LLD allows us to trace changes in the content of concepts in the literary picture of the world. The methodological research techniques include a number of methods: structural-semantic method, contextual analysis method, continuous sampling method, conceptual analysis, comparative analysis. In the course of the study, conclusions were drawn about semantic transformations in hybrid discourse and about the actualization of some implicit components of the socially significant concept of “child's well-being”. **Key words:** literary and legal discourse, narrative model of literary and legal discourse, legal knowledge transfer into literary work, hybrid discourse, sociocultural practice, concept.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 82.091

«ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ II: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматриваются принципы, определявшие информационную политику Николая I внутри страны и в международном пространстве. Актуальность проблемы обусловлена тем, что просчеты николаевской администрации в построении информационной безопасности являются показательной иллюстрацией тех последствий, которые может иметь отсутствие системного, рационального и объективированного подхода к преодолению информационных угроз. Анализируется эффективность цензурных мер, призванных не допустить распространение в России европейских политических идей и антироссийской информации. Исследуются стратегические и тактические решения административного аппарата в отношении организации контрпропаганды за рубежом. Выясняется, что причиной допущенных ошибок стала недооценка влияния, которое оказывается на порядок вещей общественным мнением и прессой, а также недоверие административного аппарата к неинституализированным участникам информационного процесса.

Ключевые слова: имагология, информационная безопасность, ответная рецепция, цензура, III Отделение, Я. Н. Толстой, А. С. Хомяков, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев.

ВВЕДЕНИЕ

В первой части статьи [72] мы продемонстрировали, что в пору военно-политического противостояния с наполеоновской Францией в России был создан прецедент добровольного участия в информационной войне патриотически мотивированных и не вовлеченных в официальный аппарат пропаганды литераторов, что повышало уровень информационной обороны и расширяло поле возможностей для поиска оперативно-тактических решений в сфере контрпропаганды. Впрочем, речь должна идти не только о литераторах. Противление наполеоновской пропаганде стихийно превращалось в одну из идеологических установок всего российского общества, а европейские кампании и взятие Парижа позволили русским военным в значительной степени развеять антироссийские мифы, навязанные европейскому обществу «наполеоновскими перьями».

А. Дюма вспоминал, что при наступлении российской армии усилиями французских пропагандистов даже по деревням были разосланы гравюры с пугающими изображениями казаков: «на отвратительных клячах, в шапках из звериных шкур, вооруженные копьями, луками и стрелами» [129, р. 243]. Однако, по впечатлениям Ж.-П. Гебль (позднее ставшей супругой декабриста И. А. Анненкова), знакомство французского населения с настоящими казаками, благодаря их «кротости и вежливости» [7, с. 55], развеивало опасения. Казаки продолжали восприниматься «наследниками диких кочевников», вызывали «страх и любопытство» [27, с. 17], но любопытство стремительно перебарывало страх.

Торжественное вступление русских войск в Париж стало кульминацией психологической победы: русские военные вызвали бурный восторг у жителей французской столицы. Даже участник Московского похода Стендаль был вынужден констатировать: «Все балконы кишели людьми; дамы были в восхищении от этого зрелища. <...> Они восторженно махали платками; каждая из них хотела увидеть, а может быть, и пленить императора Александра» [99, т. 11, с. 151]. Очевидец событий К. Н. Батюшков обращал внимание, что в этот момент парижская публика начинала отказываться от привычных баснословных представлений о русских [13, с. 271], о том же сообщает И. И. Лажечников [54, с. 233–236] и еще многие мемуаристы. Стремление русских преодолеть французские стереотипы моделировало поведенческую тактику: русские офицеры демонстрировали вполне европейские манеры и образованность. Один из них – Н. И. Лорер (будущий декабрист) – вспоминал позднее, насколько тщательно он старался произвести благоприятное впечатление на новых парижских знакомцев, дабы они «увидели и поняли русского порядочного человека» [59, с. 319]. Это желание Лорера воспринималось современниками как характерная примета исторического момента. Во всяком случае, Н. А. Бестужев по впечатлениям Лорера написал повесть «Русский в Париже 1814 года», где вывел образ офицера Глинского, который целенаправленно старается всем своим поведением «разуверить» парижских аристократов «в предубеждении, которое вообще все французы имели против русских» [17, с. 190].

Ясно, что совершенно разрушить французские национальные мифы русским не удалось (сомнительно, что это вообще выполнимая задача), однако за время пребывания во Франции (русская армия вступала в Париж дважды: в 1814 и 1815 гг., а до 1818 г. во Франции оставался тридцатитысячный оккупационный корпус) русским удалось нивелировать результаты наполеоновской пропаганды и добиться дружественного отношения со стороны французского населения [31]. Таким образом, одержав военную победу над Наполеоном, Россия смогла выиграть еще и информационно-психологическую войну, причем – благодаря консолидированным и добровольным усилиям значительной части российского общества.

В дальнейшем этот позитивный результат постепенно сходил на нет, во Франции оживали негативные национальные стереотипы, а страх перед фантомной «русской угрозой» приобретал вид откровенной истерии. Все это привело тому, что к моменту вступления Франции в Крымскую войну французы, как и в эпоху Наполеона I, воспринимали нападение на Россию в качестве превентивного удара, позволяющего избежать неизбежной «русской агрессии». Изучив общественное мнение Франции

кануна Крымской кампании, академик Е. В. Тарле приходил к выводу, что «эта война сопровождалась прямо-таки всеобщим ликованием во Франции»: «Наполеон III <...> встретился с единодушной поддержкой самых разнообразных общественных классов и политических партий, – от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов» [102, с. 15]. Очевидно, что военный энтузиазм французов стал результатом проигрыша России в информационной войне и важным ресурсом для неприятеля в период реальных боевых действий. **Цель** настоящей статьи – проанализировать информационную политику России николаевской эпохи и выявить просчеты, допущенные в борьбе за европейское общественное мнение.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Антироссийские настроения во Франции в эпоху Священного союза

Ситуация межнационального восприятия всегда обусловлена двумя основными факторами: традиционными представлениями и актуальной исторической ситуацией. Применительно к первому следует отметить, что во Франции издавна бытовал «свод» мифов о России. Если излагать предельно схематично, то Россия виделась дикой, экзотической и мощной страной, противопоставленной европейской цивилизации. Такие качества *чужой* страны могли вызывать и страх, и любопытство, так что доминирование одного из этих «чувств» диктовалось в основном исторической конкретикой.

В 1814 и 1815 г. страх перед «русскими варварами» уступил место любопытству к «победителям корсиканского чудовища». Однако национальное поражение все же воспринималось болезненно. Большая поклонница Александра I и в целом благожелательно настроенная в отношении России Ж. де Сталь признавалась, что в 1814 г. ей было «невыносимо больно» наблюдать, что Париж занят «воинством, пришедшим из пределов Азии», для которого история и «великие люди» Франции «менее знакомы, чем последний татарский хан» [34, с. 228].

Реставрация Бурбонов пресекла буржуазно-либеральные устремления внутри Франции, а «венская система» законсервировала унижительное для французов международное положение. И то, и другое рождало в обществе жажду социальных перемен и геополитического реванша, что блокировалось самим существованием Священного союза, основанного на принципе незыблемости порядка вещей. Россия являлась наиболее последовательным и мощным членом этого Союза, а потому воспринималась в качестве основного препятствия для достижения внутри- и внешнеполитических интересов Франции. Растущее напряжение, пожалуй, можно было бы в значительной степени снять, пойдя на уступки общественному запросу хотя бы по одному из направлений. Стремясь к этому, Франция в эпоху Реставрации неоднократно предпринимала попытки за счет сближения с Россией добиться пересмотра «венской системы» и занять более выгодную международную позицию [114, с. 202–204]. Несостоявшийся «план Полиньяка» 1829 г., предполагавший склонить Россию к переделу европейских территорий, подвел черту под усилиями Бурбонов разрушить «венский баланс». Неготовность власти идти на социальные подвижки и отсутствие радикальных перемен в геополитике привели к революционному взрыву 1830 г.

Это событие означало, что Священный союз, сохранив нетронутой «карту Европы», все же не сумел защитить принцип легитимизма. Французское общество закономерно опасалось реакции великих держав. Наиболее враждебно на революцию отреагировал Николай I: он пригрозил французскому поверенному в делах вооруженным подавлением революции [123, кн. 2, с. 276], начал прощупывать решимость в этом вопросе Австрии и Пруссии, а «короля-буржуа» Луи-Филиппа отказался признавать равным легитимным монархам. Но, даже помимо этого, Россия уже в силу своей политической роли, воспринималась как потенциальная и почти неизбежная угроза завоеванным революцией свободам. Показательны в этом отношении слова одного из героев Стендаля – Люсьена Левен: «Никогда ни Россия, ни другие деспотии не простят нам Трех дней. Значит, сражаться будет прекрасно <...>» [99, т. 2, с. 14]. Те же настроения владели и самим Стендалем: «Сто тысяч человек вступили в национальную гвардию Парижа, – писал он в августе 1830 г. Саттону Шарпу. – Триста тысяч двадцатипятилетних мужчин с радостью пойдут воевать. Париж при теперешнем подъеме не сдался бы и двумстам тысячам русских» [99, т. 15, с. 221]. В. Гюго фиксировал свои опасения в «Дневнике революционера 1830 года»: «Весной будет нашествие русских» [32, с. 148].

Николай I не приступал к реальной подготовке военного похода на Францию, однако ужас французов перед «русским нашествием» все же перерос в истерию. Ситуация усугубилась Польским восстанием 1830 г. Хотя это и было внутренним делом России, но готовность Николая подавить мятеж вызвало острое возмущение в разгоряченном французском обществе. С парламентской трибуны звучали призывы защитить оружием «польскую революцию», которая остановила «варварские орды России» [115, с. 12] от нападения на Францию. Когда же мятежная Варшава пала, по Парижу прокатились антиросийские манифестации, а газеты всех политических направлений единодушно громили российскую политику [102, с. 21].

После этого Россия превратилась в образ абсолютного врага, изо дня в день и из года в год дополняемый все более демоническими чертами. Это была мощная и чрезвычайно длительная информационная атака. Прежде чем очертить ее цели, следует в двух словах охарактеризовать ее природу.

В современном мире многие информационные атаки готовятся по аналогии с боевыми операциями: организуются соответствующими госструктурами с привлечением «профильных» специалистов [11, с. 77; 94, с. 4], с определением общих и точечных целей. Нет сомнений, что такой подход позволяет разрабатывать оптимальную тактику, позволяющую нанести максимальный урон противнику при минимальных затратах собственных ресурсов.

Однако неверно воспринимать всякую информационную войну в качестве заранее и четко спланированной акции. Зачастую информационная война представляет собой стихийный процесс, который обладает значительной разрушительной силой и с трудом поддается контролю. Очевидно, что во Франции той поры не было политической силы, способной организовать или прекратить столь масштабную информационную атаку на Россию. Луи-Филипп, хотя и шел по пути стеснения свободы слова [6, с. 5], но даже не приблизился к тому уровню контроля за прессой, какой некогда был у Наполеона. Ни одна из партий также не

контролировала французскую печать. Между тем информационная война против России оказывалась выгодной почти для всех. Луи-Филипп, сознавая, что тесное сотрудничество с Николаем I для него невозможно, взял курс на сближение с Великобританией, которая, во-первых, быстро признала результаты Июльской революции, а во-вторых, также имела противоречия с принципами Священного союза. Миф о русской угрозе помогал Луи-Филиппу оправдать в глазах общества дрейф в сторону Альбиона. В то же время он не стремился к полному разрыву с Россией [29, с. 65]. И на фоне постоянно звучавших во Франции призывов к войне за Польшу невмешательство Луи-Филиппа в польские дела выглядело чуть ли не актом особого дружелюбия в отношении России. Что касается иных политических сил, то все, кроме легитимистов, стремились заработать «электоральные бонусы» посредством антироссийской риторики, что являлось наиболее простым и ни к чему не обязывающим способом добиться популярности [100, с. 96] и превращалось в поле идеологического состязания между партиями и отдельными литераторами. Таким образом, рост антироссийских настроений во Франции представлял собой прогрессирующую цепную реакцию. С одной стороны, французские настроения стремительно распространялись по всей Европе, разрушая авторитет Священного союза, консолидируя и ободряя противопоставленные ему силы. Но одновременно под ударом оказывалась и ситуация внутри России, и серьезность этой угрозы нельзя недооценивать.

Современной науке хорошо известно, что информационное вторжение призвано создать условия для «саморазрушения противника» [46, с. 8], и эта цель достигается путем внедрения в коллективное сознание оппонента чуждой ему картины мира [2, с. 32; 63, с. 62; 50, с. 47; 16, с. 85], что, в свою очередь, требует внушить неприятелю «комплекс неполноценности» [10, с. 224], «переписать» и дегероизировать его историю [44, с. 20], дискредитировать его идентичность [41, с. 233], вмонтировать в его мировоззрение *чужие* мифологизированные конструкты [38, с. 102], сформировать негативный образ действующей власти [122, с. 60]. Все эти приемы используются сегодня целенаправленно и, так сказать, в соответствии со спецметодичками, но не являются уникальными [124, с. 168]: в описываемый период они также применялись, но стихийно и столь продолжительно и массированно, что обещали иметь внушительный результат.

Разные политические силы Франции не управляли ходом информационной войны, а лишь подстегивали ее ход, используя методы манипуляции национальным сознанием, часто применяемые и в наши дни [116, с. 19–26] для перестройки коллективного мировидения. Информационную войну неслучайно называют «ментальной» [50, с. 48] или «идеологической» [87, с. 4]. Применительно к рассматриваемой исторической ситуации следует выделить две «идеи», руководившие информационными атаками: во-первых, – неизбежность борьбы цивилизации (Европы) против варварства (России), а во-вторых, – необходимость сопротивления свободы (европейского либерализма) деспотизму (российскому самодержавию). Все это было прообразом развернувшегося в XX в. «крестового похода демократии» [51, с. 119] против «российского тоталитаризма», имело прецеденты в прошлом [53] и было нацелено на консолидацию «цивилизованной»

семьи европейских народов, а также на использование социальных изъянов России в качестве почвы для ее саморазложения.

Николай I и информационная безопасность внутри России

Воцарение Николая I ознаменовалось восстанием декабристов, которое не могло не отразиться на дальнейшей политике императора. Следствие, возглавленное самим Николаем, позволило ему осознать, что речь шла не о дворцовом перевороте, а об отечественной версии революции, возвращенной на европейские идеи. «Маршрут» этих идей в Россию прослеживался легко. Декабристы принадлежали к поколению, для которых французская культура была, по существу, родной [80, с. 5–6]. Их интеллектуальный облик сформировала эпоха Просвещения, «вольнодумство» которой многими воспринималось как источник «французских смут». Один из будущих декабристов, Н. И. Тургенев, в юности вполне соглашался с тем мнением, что философия Вольтера и Руссо стала одной из причин Великой французской революции [68, с. 92]. Для большинства декабристов эта революция не была искомым форматом преобразований [45, с. 41], и все же идеологические нити вели к событиям 1789 г. На формирование декабристов оказали влияние и европейские походы русской армии. В письме из Петропавловской крепости А. А. Бестужев-Марлинский признавался Николаю I, что после взятия Парижа «войска от генералов до солдат, пришедши назад, только и толковали: как хорошо в чужих землях» [18, с. 485]. Декабрист И. Д. Якушкин фиксировал в своих записках, что русские офицеры (декабристы) решили «пересадить Францию в Россию» [83, с. 190]. В то же время было очевидно, что Отечественная война стала для декабристов «высокой патриотической школой» [108, с. 45], и их устремления мотивированы не *чужой* политической повесткой, а представлением о благе России и охватившим страну «процессом нациостроительства» [48, с. 455].

Таким образом, Николаю I феномен декабризма должен был представляться гремучей смесью европейских идей с патриотическими инициативами, и видимо, поэтому в дальнейшем он одинаково пристально отслеживал и зарубежные веяния, и деятельность патриотических сил. Так, созданному в 1826 г. III Отделению собственной его императорского величества канцелярии сразу же было вменено в обязанность осуществлять негласный надзор за всеми пребывающими в России иностранцами [1, с. 5–6, 104, с. 219–220], но та же структура регулярно докладывала и о подозрительных в политическом отношении соотечественниках. В «Кратком отчете общественного мнения в 1827 г.», представленном императору, III Отделение выделило две «группы недовольных». Первая группа «фрондирующих» концентрировалась вокруг князя Куракина, состояла «из закоренелых взяточников, старых сатрапов в отставке», «оскорбленных в своих честолюбивых замыслах» [93, с. 19–20], и преследовала чисто меркантильные интересы. Что характерно, этот кружок аппаратных неудачников, по мнению тайной полиции, был несравнимо меньшим злом, нежели «партия русских патриотов», группировавшаяся вокруг Н. С. Мордвинова. Как сообщает «Отчет...», эта партия «очень сильна числом своих приверженцев», среди которых «критикуют все шаги правительства, <...> раздается ропот на немцев, <...> с пафосом принимаются предложения Мордвинова, его речи

и слова их кумира – Ермолова». «Это самая опасная часть общества, – сказано в полицейском заключении, – за которой надлежит иметь постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение»: «Партия Мордвинова опасна тем, что ее пароль – спасение России» [93, с. 19–20]. То есть оказывалось, что те общественные силы, которые могли выступать естественными союзниками власти в борьбе с информационными атаками извне, воспринимались Николаем (и это убеждение поддерживалось «немецкой партией» [8, с. 132–133]) в качестве внутреннего врага. В результате противодействие информационным атакам с Запада ложилось исключительно на плечи административного аппарата, в распоряжении которого был набор довольно стандартных инструментов.

Прежде всего, как уже сказано, был организован контроль за иностранными подданными. Особое внимание уделялось учителям – как возможным посредникам передачи вольнодумных идей и свободных нравов юному дворянскому поколению. Соображение это, по-видимому, не было лишено оснований; во всяком случае, упомянутая роль французских наставников не раз запечатлевалась в русской литературе. В черновом варианте известной строфы из «Евгения Онегина» вместо фразы «И в Летний сад гулять водил» было: «С ним о Париже говорил» [85, т. 6, с. 6.] – подробность примечательная. Дворянские отпрыски неизбежно узнавали от наставников о жизни Франции. Беседы о бурях французской истории завораживали молодое сознание, как это было с героем лермонтовской поэмы «Сашка», который любил рассказы француза-учителя:

*Про сборища народные, про шумный
Напор страстей и про последний час
Венчанного страдальца... Над безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов паденье,
Меж тем как нищих буйный миллион
Кричал, смеясь: «Да здравствует закон!»* [57, с. 299]

Николаем I был предпринят ход, часто использовавшийся в разные времена разными государствами, – ограничение на использование информации [22, с. 192]. Это предполагает, с одной стороны, создание «железного занавеса», заглушающего «враждебные голоса» из-за границы [15, с. 85], с другой – контроль за печатью внутри страны. Для решения первой задачи в распоряжении Николая I была цензурная инстанция в составе МВД, для решения второй – цензурное ведомство Министерства народного просвещения с утвержденным в 1826 г. цензурным Уставом. Эта система была неудобна: с одной стороны, деятельность иностранной цензуры была слабо регламентирована и плохо согласована с деятельностью внутренней цензуры, а с другой – устав 1826 г. был очень громоздок и обеспечивал произвол цензоров [97, с. 212–215] (почему и был прозван «чугунным»). Это привело к реформе цензуры в 1828 г.: был принят более внятный и несколько менее жесткий цензурный устав, а иностранная и внутренняя цензура объединялись в рамках одного ведомства – Министерства народного просвещения [30, с. 7]. В дальнейшем цензурные правила и структура цензурного ведомства постоянно модернизировались, однако главный

принцип оставался неизменным – стремление одинаково строго контролировать и привозные, и отечественные сочинения. На практике эта система создавала серьезный информационный перекосяк не в пользу российских национальных интересов. Во-первых, организовать «заслоны» в отношении внутренней печати оказалось гораздо проще, чем в отношении зарубежной. Иностранная «крамола» легко просачивалась сквозь государственную границу. А. И. Герцен писал об этом: «Иметь у себя запрещенные книги считалось образцом хорошего тона. Я не знаю ни одного приличного дома, где бы не нашлось сочинение Кюстина о России, которое было запрещено специальным указом Николая» [26, т. 3, с. 460]. О том же свидетельствовал и профессор А. В. Никитенко, говоря, что в России «нет ни одной запрещенной иностранной книги, которую нельзя было бы купить <...> даже у букинистов» [69, с. 140]. Во-вторых, под цензурный каток зачастую попадали не политические, а художественные произведения, причем – первостепенных французских авторов. Так, в 1832 г. за осуждение польской политики Николая была запрещена книга О. Барбье «Iambes»; в 1852 г. «за резкие выходы против России» – книга В. Гюго «Napoléon le Petit»; в 1853 г. «за легкомысленные суждения о возможностях российской политики» – книга Бальзака «Les fantaisies de Claudine» [4, с. 801, 788, 826]. Это подрывало доверие читателей к цензурным запретам и лишь повышало популярность нелегальных книг, а «запретный плод» иностранных сочинений увеличивал силу своего воздействия. Знаменитый памфлет А. де Кюстина – прекрасная тому иллюстрация.

Пробыв в России всего три месяца (1839), Кюстин не имел возможности хорошо изучить страну, тем не менее создал книгу, где с афористичной емкостью сформулировал множество европейских мифов о России и подал информацию таким образом, что она чрезвычайно выгодно вписывалась во внутри- и внешнеполитическую повестку Франции. Поверхностный характер «наблюдений» Кюстина был очевиден, скажем, для его соотечественника О. де Бальзака, который отнес маркиза к «коммивояжерам идей», которые «бегло осматривают две столицы <...> и воображают, что посетили Россию» [126, р. 507–508]. Для российского же читателя книга Кюстина становилась притягательной как почти единственный доступный источник критического взгляда на Россию, поражающий сознание уже в силу своей оригинальности и запрещенности.

Сочинение Кюстина появилось во Франции в начале 1843 г., было тут же запрещено в России, но уже осенью 1843 г. оказалось в руках Герцена. Он обнаружил в памфлете «ошибки, много поверхностного» [26, т. 9, с. 124], но в целом заключил, что в книге француза «основа воззрения верна» [26, т. 9, с. 128]: «Тягостно влияние этой книги на русского <...>; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного места» [26, т. 9, с. 126].

Сходное впечатление книга произвела на людей совершенно иных взглядов, нежели у Герцена. Придерживавшийся консервативных позиций А. В. Дружинин прочел ее в августе 1854 г. – в разгар Восточного кризиса и шквала антироссийских публикаций в Европе. На этом фоне умозаключения Кюстина закономерно вызвали острое отторжение из-за «излишней страсти к обобщениям», но итоговый вывод был таков: «Одно в Кюстине хорошее качество: он не лжец. <...> Изобилие черных теней

никогда не повредит картине так, как изобилие глупо-ярких красок и нелепых бликов. <...> Для умного и любящего свое отечество русского это сочинение может быть полезным чтением, ибо автор иногда зорок посреди слепоты и рассказом нелепости родит мысль дельную» [33, с. 298–299].

Если обратиться к дневникам близкого к славянофилам профессора М. П. Погодина, то и здесь обнаружим мысли о важности кюстиновского текста. 5 декабря 1843 г. Погодин записал: «А много жестокой правды в Кюстине, хоть он и скучен». 8 декабря: «Прочел целую книжку Кюстина. Много есть ужасающей правды о России». 12 декабря: «Оканчивал Кюстина, от которого часто мороз подирает по коже» [12, с. 285–286]. Таким образом, цензура, пресекая возможность для отечественных авторов обнародовать критические мнения, вынуждала читателя опираться на мнения иностранные, продиктованные чем угодно, но только не интересами России.

Доступным рычагом влияния на общественное мнение внутри страны для Николая I могла бы послужить печать. Однако сам император мало полагался на этот ресурс и рассматривал отечественные периодические издания, скорее, как потенциальный источник оппозиционных высказываний [103, с. 82–83], как неизбежное, но контролируемое зло, нежели подспорье в борьбе за общественное мнение и информационную безопасность страны.

По объему прессы Россия и при Александре I уступала посленаполеоновской Франции, а с приходом Николая I закрылась почти четверть из существовавших 37 периодических изданий [62, с. 108]. Новые журналы время от времени появлялись, но в то же время цензурное давление приводило к закрытию многих изданий (достаточно вспомнить о принудительном закрытии «Литературной газеты» А. А. Дельвига, «Европейца» И. В. Киреевского, «Московского телеграфа» А. Н. Полевого, «Телескопа» Н. И. Надеждина). К 1840 г. Россия существенно уступала по количеству периодических изданий своим будущим противникам в Крымской войне: во Франции 1 издание приходилось на 50 000 жителей, в Англии – на 46 000, в России – на 674 000 [70, с. 10]. Развитие журналистики в России тормозилось искусственным образом. И причины тому можно объяснить лишь опасением Николая I, что увеличение объемов прессы усложнит контроль за печатью, превращая ее в самостоятельную силу, угрожающую стабильности власти. Исходя из этого, формировалась информационная политика. Прежде всего, действовал запрет на освещение политических вопросов, и это резко снижало влияние отечественной прессы на аудиторию. Исключение было сделано лишь для «Северной пчелы», которая в ответ на эту льготу превратилась, по существу, в правительственный орган печати.

Подобные административные уступки использовались и для привлечения на сторону правительства отдельных издателей и литераторов. Эта малозатратная «схема» не была лишена психологической гибкости [92, с. 229]. Хотя цензурное ведомство и находилось в распоряжении Министерства народного просвещения, воздействовать на цензурные решения могли также III Отделение, и, разумеется, сам император. Это позволяло использовать метод влияния, который сегодня бы назвали «игрой в хорошего и плохого полицейского». Цензурное ведомство выступало в роли

суровой и слепой карающей машины, защитить от которой могло лишь III Отделение, куда литераторам нередко и приходилось обращаться за помощью. Руководители Отделения демонстрировали великодушие: с одной стороны, «журили» журналистов в случае «ошибок», а с другой – заказывали им нужные материалы [92, с. 229]. Исследования А. И. Рейтблата убедительно демонстрируют, что именно на такой основе складывались отношения III Отделения не только с Ф. В. Булгариным [90] и Н. И. Гречем [91], но и, скажем, с Н. А. Полевым, от которого удалось добиться отказа от реформаторской риторики в пользу панегириков власти [92, с. 249]. По существу, решение Николая I выступить в роли личного цензора Пушкина, освободив его от общей цензуры, было попыткой подобной игры – игры в помощь по преодолению искусственно созданных препятствий, которую административный аппарат вел с журналистикой и литературой. Но сколь бы изощренным с точки зрения психологизма это ни выглядело, результаты не могли возместить дефицита влиятельных изданий и хотя бы относительной свободы слова. Эту мысль Николаю I пытались внушить многие.

В марте 1826 г. в III Отделение поступила записка Н. И. Греча о возможностях использовать печать для укрепления авторитета власти. «Журналы и ведомости во всех просвещенных землях признаются лучшим средством к направлению общего мнения, к искоренению вредных вестей и слухов, и к распространению полезных мыслей», – констатировал Греч. Далее он отмечал: «...» Направление общего мнения и у нас кажется необходимым» [91, с. 112]. Указывая, что официальным публикациям аудитория «не стала бы <...> верить», Греч предлагал расширить свободу для «партикулярных журналов», чьи мнения пользовались бы значительно большим влиянием [91, с. 113].

В мае 1826 г. подобную записку подал и Ф. В. Булгарин. По его словам, поскольку «общее мнение уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять оным посредством книгопечатания» [23, с. 45]. Булгарин предлагал расширить свободу слова для «приверженных к правительству писателей», что позволило бы, например, «перевоспитать» молодых дворян, которые «смотрят на все французскими глазами и судят обо всем на французский манер» [23, с. 46]. В 1846 г. Булгарин предложил открыть польскоязычную газету, убеждая Л. В. Дубельта: «Надобно плакать и смеяться, когда слышишь, что поляки <...> за границую пишут о России <...>. Непостижимо, что *опровержение* заблуждений насчет России столь же строго запрещено у нас, как и самая ложь! <...> Противу *нравственной силы* надлежало бы действовать *нравственною же силою*; а именно: <...> просвещением против *заблуждений* насчет России» [56, с. 316]. В том же году он подал записку, в которой снова призывал: «Для чести и славы России, для успокоения общего мнения <...> надобно <...>, позволить писателям, как говорится, *перевести дух* и писать обо всем свободно <...>» [56, с. 330]. То есть и Греч, и Булгарин предлагали использовать печать в качестве инструмента не только пропаганды, но и контрпропаганды, создающей противовес нападкам извне. Их мнения были услышаны и даже одобрены [23, с. 53; 56, с. 330], но не повлекли за собой никаких реальных перемен.

Та же судьба ожидала инициативы других литераторов. Так, А. С. Пушкин вынашивал план издания газеты, где обсуждались бы политические новости. Ходатайствуя к А. Х. Бенкендорфу о разрешении, поэт убеждал его, что «общее мнение имеет нужду быть управляемо», и обозначал свою возможную роль в этом процессе: «С радостию взялся бы я за редакцию *политического и литературного журнала* <...>. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных <...>» [85, т. 14, с. 256]. В черновике этого письма звучала такая мысль: «Ныне, когда <...> озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветой, <...> пускай позволят нам, русским писателям, отражать нападения иностранных газет» [85, т. 14, с. 283]. Трудно сказать, почему последний пассаж был выброшен из белого варианта письма. Возможно, поэт не пожелал акцентировать внимание на возможной полемичности предполагаемого издания. Впрочем, общий фон отношений между цензурой и журналистикой убеждал Пушкина, что возможности свободно печатать политические новости он все же не получит, и это заставило его до времени отказаться от издательских проектов [55, с. 22].

Николай I вполне мог рассчитывать на содействие литераторов и издателей в деле укрепления авторитета власти. В первые годы царствования ситуация этому весьма способствовала. По точному замечанию А. И. Рейтблата, в тот период «немало было <...> таких, кто рассчитывал, сотрудничая с властью, повлиять на нее и достичь благих целей»: писатели (в том числе писатели пушкинского круга), сознавая невероятность в ближайшем будущем радикальных перемен во власти, «выбирали в 1830-х годах роль не оппозиционеров, а партнеров правительства» [90, с. 124]. Показательно, что с подобными пушкинскому проектами политических изданий, призванных выполнять функции пропаганды и контрпропаганды, в 1830 г. к властям обращались люди разных политических пристрастий: и близкий ко двору В. А. Жуковский [98, с. 247], и сторонник официальной народности М. П. Погодин [90, с. 124], и недавний оппозиционер П. А. Вяземский [90, с. 124; 98, с. 248]. Добиться результата никому из них не удалось, и объясняется это не предубеждением власти в отношении конкретных лиц, а мнением Николая I о роли литературы и журналистики в принципе. В представлении императора, печать должна была выполнять лишь сугубо прагматичные функции [90, с. 28]: информационную, воспитательную, развлекательную, а ремесло литератора служило аналогом государственной службы, не допускающей самостоятельности суждений. Всякий же независимый печатный орган виделся не союзником, а источником идеологических угроз, требующим контроля. А потому Николай I «более полагался на запретительные мероприятия цензурного ведомства, нежели на активное распространение необходимой информации посредством печати» [98, с. 251].

Между тем, пресекая издательские инициативы, император отказывался от важного ресурса, укрепляющего информационную безопасность. Речь идет о естественном стремлении общества отстаивать свои интересы в международном информационном поле. Этот феномен национального сознания, который находится в сфере интересов имагологии и который мы бы предложили называть «ответной рецепцией», является одним из ключевых факторов межкультурного и

межлитературного взаимодействия. Если излагать схематично, то коллективное сознание национальной общности (в данном случае – французов) формирует образ *иного народа* (в данном случае – народа России). *Иной народ* реагирует на собственное отражение в *чужом* национальном сознании, стремясь реконструировать это отражение в соответствии с собственными представлениями о себе. Таким образом, завязывается межнациональный имагологический диалог, реализующийся и в межличностном общении, и в литературе, и в журналистике. В русском обществе с петровских времен неуклонно нарастало стремление преодолеть европейские стереотипы об отсталой, варварской России. Победа над Наполеоном позволила значительно продвинуться в этом направлении, однако негативные стереотипы в Европе (прежде всего – во Франции) быстро реанимировались и снова использовались в информационных атаках. К этому моменту в России необходимость отвечать на негативные представления иностранцев была осознана как общенациональная задача, к решению которой стихийно подключались литераторы, историки, публицисты, издатели.

«Ответы иностранцам» могли быть прямыми и опосредованными. Прямой ответ предполагал воздействие на зарубежную аудиторию. Пример – брошюра А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», изданная в Европе на немецком (1851) и французском (1851, 1853) языках. Опосредованный ответ адресовался отечественному читателю, формируя общенациональную реакцию на информационные выпады зарубежья. К числу таких публикаций принадлежали, скажем, исторические работы Д. В. Давыдова, о которых мы говорили в первой части этой статьи. Еще более яркий образец – пушкинская ода «Клеветникам России»: хотя формально она адресована французским депутатам («народным витиям»), фактически предназначалась для отечественной аудитории и была призвана сформировать общественное мнение в отношении враждебной риторики французских политиков [71, с. 78–80].

Стихийное стремление русского общества могло и должно было стать опорой сопротивления западному информационному давлению. И в особо острые политические моменты Николай I сознавал это. Как известно, он одобрил оду «Клеветникам России», чем значительно ускорил ее публикацию. Но эта «разовая акция» так и не превратилась в систему поддержки патриотических порывов русской литературы и печати. Общая скудость периодических изданий и цензурное давление оставляли слишком малое пространство для осмысления причин и поводов предвзятого отношения французского общества к России.

Важно упомянуть еще об одном шаге николаевской администрации – попытке утвердить основы государственной идеологии. Шаг этот выглядит оправданным, поскольку информационное давление извне всегда имеет характер идеологического вторжения, и информационная резистентность напрямую зависит от цельности национального мировоззрения. Осознание этого факта побудило С. С. Уварова в 1832 г. (накануне вступления в должность товарища министра народного просвещения [9, с. 52]) поделиться в императором соображениями о том, что бытующие в России «убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные» следует «соединить в систему», которая смогла бы противостоять

французским революционным идеям, превратилась бы в «якорь, который позволит России выдержать бурю» [36]. Основу этой «системы» должно было составить триединство понятий «самодержавие, православие, народность», которое выглядело как национальный ответ на французскую революционную формулу «Liberté, Egalité, Fraternité» [113, с. 16]. Историческая ситуация должна была подсказать императору, что некая стройная система взглядов власти действительно нужна [42, с. 340]. Уваров и позднее поднимал этот вопрос перед Николаем I [9, с. 52] и, безусловно, с императорского одобрения, став министром, обнародовал свои мысли как принципы отечественного образования в специальном циркуляре, который разослал попечителям учебных округов, а вскоре опубликовал в первом номере «Журнала министерства народного просвещения» [111]. Это номер вообще оказался заострен на утверждение выдвигаемых министром принципов: в написанном Уваровым вступлении к первому выпуску также говорилось о самодержавии, православии и народности [109; 84, с. 114–115], а в одном из разделов помещалась статья П. А. Плетнева «О народности в литературе» [82].

Министерская политика Уварова действительно руководствовалась заявленными принципами. Он приложил усилия к тому, чтобы ограничить участие иностранных учителей и при этом подготовить отечественные кадры [112, с. 74–75], содействовал значительной модернизации образовательной системы [40]. Если судить по опыту Крыма, то именно при Уварове проявились «ощутимые тенденции к совершенствованию преподавания русского языка» [74, с. 148], причем – не в ущерб преподаванию языков национальных [74, с. 142]. Профессора и преподаватели российских университетов теоретически развивали заявленные Уваровым принципы [47, с. 14–21], особое внимание уделяя понятию «народность». Из всей триады именно оно оставляло широкие возможности для толкования. Можно согласиться с современными исследователями, что, в понимании Уварова, «народность» – «идеологическая форма, разрешающая противоречия между <...> высшими и низшими сословиями» [28, с. 68.], некий «идеал национальной идентичности» [96, с. 88]. Видимо, Уваров рассчитывал, что Николай I со временем решится вовлечь в процесс формирования государственной идеологии всю административную машину. В 1843 г., отчитываясь о десятилетней работе министерства, он снова напоминал императору о необходимости идеологической системы, основанной на предложенной им триаде [110, с. 347–348]. Императору отчет понравился, но продвижение идеологии так и осталось уделом одного министерства народного просвещения. Так триада Уварова не стала основой консолидирующей государство идеологии. И хотя «официальная народность» зачастую воспринимается как одно из главных «идеологических течений» того периода [37, с. 105], она имела довольно узкую локализацию в официальной педагогической среде и явно проигрывала другим стихийно вызревающим идеологическим потокам, в рамках которых формировалось собственное представление о «народности».

В результате к началу Крымской войны Николай подошел с неутешительным итогом. Если что-то и консолидировало русское общество, то это был исконно заложенное чувство патриотизма и разочарование в николаевской политике, которое с ходом войны стремительно усиливалось. Дефицит периодических изданий рождал

дефицит информации. Современник вспоминал, что во время Крымской кампании «на всем обширном юге России существовала тогда только одна русская газета “Одесский вестник”, но в нем помещались военные известия запоздалые и крайне сжатые» [39, с. 46]. Символично, что защитники Севастополя даже о смерти Николая I узнали не из отечественных газет, а – от французского парламентаря [81, с. 54].

Внешняя информационная политика Николая I

Восстание на Сенатской площади потребовало от Николая I спешных информационных решений, которые должны были определить его международный имидж. Уже 20 декабря 1825 г. был организован прием для дипломатов, где новый император удостоил конфиденциальной беседы французского посланника графа Лаферонэ, причем произвел на него столь позитивное впечатление, что Лаферонэ назвал Николая I «образованным Петром Великим» [123, кн. 1, с. 347]. Однако в отношении будущего России у французского посла сложилось менее благоприятное мнение: разгул злоупотреблений и неизбежность революции. 8 января 1826 г. в Петербург прибыл с поздравлениями чрезвычайный посол Франции Сен-При. Николай I на него произвел выгодное впечатление, но и Сен-При, прежде служивший в России, остался при самом пессимистическом мнении относительно социального будущего страны.

Уже здесь проявились основные черты внешней информационной политики Николая I: во-первых, использовать главным образом административные инструменты коммуникации, во-вторых, воздействовать точечным образом (на мнения отдельных лиц), а в-третьих, полагаться на силу собственного обаяния. В последнем император добился некоторого успеха. Немецкий дипломат граф Фицтумфон-Экштедт так передавал свои впечатления: «Вся фигура монарха имела нечто рыцарское и внушительное; я понял теперь, как стоявший передо мною колосс одним движением руки усмирил бунт на Сенной площади <...>» [21, с. 376]. Даже А. де Кюстин замечал, что «порой во властном или самовластном взгляде императора вспыхивают искры доброты, и лицо его, преображенное этой приветливостью, предстает перед окружающими в своей античной красе» [52, 145]. Литература прочно усваивала эти характеристики. Стендаль утверждал, что Николай I «самый красивый человек в своей стране и также один из самых храбрых в ней» [99, т. 12, с. 329], Дюма отмечал во внешности императора «прекрасное лицо», «пламенный взгляд» и «величественные движения» [35, с. 146], а Бальзак констатировал, что «всё, сказанное и написанное о красоте императора, – верно» [126, р. 507]. Однако лестные отзывы не мешали тем же авторам видеть «жестокосердие» [35, с. 141] Николая I и воспринимать его как олицетворение деспотизма. Словом, личное обаяние царя мало способствовало облагораживанию имиджа России в целом.

Тактика «точечных воздействий» также оказывалась малоэффективной, хотя и использовалась не только самим императором, но и сановниками. Так, например, в 1839 г. новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов организовал [128, р. 186] и финансировал [132, р. 32] экспедицию по югу России для французского геолога К. Омер де Гелль, но, невзирая на это, изданное в 1840-х гг. в Париже описание

путешествия [130] оказалось переполненным критикой России и «московитского варварства». Стоит вспомнить и о безуспешной попытке самого Николая I расположить к себе А. де Кюстина и таким образом добиться позитивных отзывов о России.

Николай I не принимал в расчеты тот факт, что общественным мнением Европы в ту эпоху уже управляла печать в целом, отдельные же литераторы и журналисты лишь стремились соответствовать общим тенденциям, и эти тенденции явно противоречили интересам России. Император признавался, что «не предвидит пользы» от полемики с западной прессой [19, с. 275]. Видимо, немалое влияние на позицию Николая оказывала точка зрения министра иностранных дел К. В. Нессельроде, который последовательно отказывался от мер противодействия агрессивным выпадам европейской печати и утверждал, что «руссофобия пройдет, как прошли другие безумства <...> века» [78, с. 230]. Между тем в окружении императора были люди, как, скажем П. Д. Киселев (после Крымской войны он станет послом в Париже), которые убеждали Николая I в необходимости «повлиять на иностранную печать, составляющую <...> силу, с которою надо бороться <...>, или, по крайней мере, <...> иметь орган для опровержения безобразной лжи» [56, с. 97]. Точку зрения Киселева, очевидно, разделял и С. С. Уваров, который в 1833 г. направил в Париж в качестве корреспондента министерства народного просвещения князя Э. П. Мещерского. Основной задачей Мещерского было сообщать в журнал министерства об успехах науки и образования во Франции. Однако попутно князь посвящал свои труды разоблачению враждебных России публикаций [61, с. 441] и знакомству французского читателя с позитивными сторонами российской жизни и, главным образом, русской литературой. Явный талант и прекрасное знание русского и французского языков позволили ему создать переводную антологию русской поэзии, которая и в содержательном, и в поэтическом отношении превосходила опыты предшественников в этом направлении [131].

Деятельность Мещерского имела зримые результаты, но все же не может восприниматься системным звеном информационной политики. Между тем антироссийские настроения достигали таких масштабов и ожесточения, что противоборствовать им можно было лишь путем системного подхода. Это сознавал Бенкендорф, на чье ведомство были возложены функции контрразведки [19, с. 221]. По его воспоминаниям, Николай I принимал решения, «не обращая никакого внимания» на «проклятия» европейских газет [14, с. 267], так что деятельность главы III Отделения по отражению этих «проклятий», кажется, являлась его личной инициативой. Причем Бенкендорфу удалось заручиться сочувствием и поддержкой главы австрийского МИД Меттерниха, который видел в либеральной прессе угрозу международному статус-кво и полагал, что «правительства совершили грубую ошибку, не занимаясь периодической печатью, этим оружием, способным сотворить любое зло» [77, с. 112].

Между тем, в распоряжении Бенкендорфа были оперативные сотрудники с опытом разведывательной работы, перешедшие в штат III Отделения после упразднения в 1831 г. Военно-секретной полиции [43, с. 10]. С 1832 г. им поручалось создание агентурной сети в Европе [58, с. 226; 125, с. 322], но, помимо этого, по

крайней мере, один из них, К. Ф. Швейцер, направленный в Германию, имел задание от Бенкендорфа – «брать на заметку журналистов, печатающих грубый вымысел о России и о ее государе, и вообще для того, чтобы при помощи хороших статей в различных печатных органах бороться против революционного духа, исходившего из журналистики» [14, с. 430], – то есть организовать контрпропаганду. Характерно, что Меттерних поддержал деятельность этого агента, так что Швейцер работал в пользу сразу двух монархий [20, с. 43]. И это был не единственный совместный проект, инициированный Бенкендорфом.

В 1833 г. в качестве агента III отделения был завербован редактор «Франкфуртской газеты» («Journal de Francfort») Ш. Дюран. Издание выпускалось на французском языке, а потому могло использоваться как средство информации, ориентированное на Европу в целом. Ш. Дюран регулярно размещал в газете позитивную информацию о России, выбрав убедительную авторскую тактику: «он защищает Россию, однако делает это с позиции человека якобы постороннего, незаинтересованного и сугубо европейского» [65, с. 306]. Эффективность такого скрытого влияния была оценена союзниками России, и с 1835 г. к финансированию «Франкфуртской газеты» подключились «на паях» [76, с. 93] Австрия и Пруссия. Однако успешное функционирование проекта оказалось недолгим, и тому было две причины. Во-первых, по тону газеты и некоторым другим обстоятельствам в Европе довольно скоро разгадали заказчика материалов о России. Во всяком случае, уже в 1835 г. «Вестминстерское обозрение» («Westminster Review») сообщало читателям: «“Journal de Francfort”, несомненно, является органом российского правительства. Большинство подписчиков г-на Дюрана находятся в этой стране. Долгое время он использовался как орган канцелярии Санкт-Петербурга» [133, р. 147]. Во-вторых, ставка была сделана на человека, который был мотивирован лишь корыстными соображениями. В соответствии с отчетом III Отделения (1840), Дюран обладал способностью «с равным искусством защищать и проповедовать самые противоположные мысли» [93, с. 233]. Как выяснилось, он проявил не меньшую способность к одновременной работе на два фронта и авантюризму, что в конце концов вылилось в громкий скандал, после которого русскому правительству пришлось публично отмежевываться от своего неудачного агента [65, с. 309–317].

Значительно более надежным защитником российских интересов в европейской печати стал другой агент III отделения – Я. Н. Толстой. Деятельность Толстого оказалось столь значительной, что известнейший исследователь русско-французских культурных связей М. Кадо в монографии «Россия в интеллектуальной жизни Франции» посвятил ему главу, озаглавив ее «L'espion du siècle» – «шпион века» [127, р. 64]. «Шпионом» Толстого порой называют и в отечественных работах [105, с. 48], однако, учитывая негативные коннотации, представляется более уместным называть Я. Н. Толстого агентом внешней разведки, особенно в свете важности тех сведений, которые он доставлял в Россию о реальном положении Июльской монархии [119] или о состоянии французской армии в канун Крымской войны [120].

Я. Н. Толстой был участником Отечественной войны и европейских походов, имел боевые награды, с 1821 г. служил в Генштабе, где имел доступ к секретным материалам разведки [79, с. 135]. Он был причастен к деятельности тайных обществ,

однако еще в 1823 г. отбыл во Францию на лечение и в восстании не участвовал. Тем не менее его привлекли к следствию, но он по понятным соображениям в Россию не вернулся. В Париже Толстой занялся тем, что метафорически можно назвать «партизанскими вылазками» в литературной сфере. С 1825 г. Толстой стал активно полемизировать с авторами, писавшими о России. Зачастую его возражения были довольно колки. Такой эпизод: в 1825 г. вышла книга А. Рабба «Краткий очерк истории России», где автор возводил происхождение слова «славяне» к французскому «esclave» (раб). В ответ Толстой предложил искать происхождение имени автора (Рабб) в русском слове «раб» [67, с. 27]. Французская пресса не щадила «литературного партизана» и, скажем, Стендаль однозначно стал на сторону соотечественника, заявив, что французский автор живет «своим пером, а не своими крестьянами». Б. Г. Реизов называет эту реплику Стендаля «резкой» и «несправедливой» [88, с. 167], что и понятно – в этот период сам Толстой жил именно литературным трудом, а не поступлениями из России. Тем не менее его запальчивость обращала на себя всеобщее внимание. Так, разоблачив недостоверные показания о России в записках французского военного В. Минье, Толстой был обвинен автором в клевете и вызвал Минье на дуэль (от которой Минье, впрочем, уклонился). Биограф Я. Н. Толстого Б. Л. Модзалевский верно подмечает, что Толстым изначально владело стремление вернуть себе доброе имя, вернуться на службу [67, с. 30], а если развивать уже использованную метафору, – поставить свои самочинные «партизанские вылазки» под начало отечественного командования. Ему удалось добиться этого лишь через 12 лет «литературных баталий».

В 1837 г. Толстой с одобрения императора под видом корреспондента министерства народного просвещения выполнял в Париже задания Бенкендорфа. Со временем Толстому удалось создать во Франции «один из лучших филиалов русской разведки» [121, с. 307; 95, с. 331], но для нас важна его деятельность в сфере контрпропаганды. Толстой продолжал «партизанскую войну во владениях европейской печати» [77, с. 112]: своими публикациями защищал престиж России и одновременно «коммерциализировал» продвижение пророссийской информации во французской прессе. Оба направления работы имели принципиальные достоинства и недостатки.

Если говорить о сочинениях самого Толстого, то у него было преимущество перед французскими оппонентами, которое он сформулировал сам: «опыт более тридцати лет жизни в описанной стране и самое происхождение из России» [134, р. 3]. Однако против Толстого «работал» его двойственный статус: ему приходилось ориентироваться не только на французского читателя, но и на восприятие своего руководства. Спускаемые ему инструкции [64, с. 280] вынуждали писать, как мы сегодня сказали бы, «по методичке», а необходимость угождать администраторам придавала стилю оттенок панегирика и казенщины – все это подрывало читательское доверие.

Кроме того, Толстому приходилось «сражаться» в одиночку в самых невыгодных обстоятельствах, о чем он и предупреждал Бенкендорфа: «Принадлежность к русской партии считается в наше время во Франции настолько признаком дурного тона, признается так мало патриотичной, что нужно иметь

известный запас мужества и не ставить в грош популярность, чтобы заявить себя защитником России» [101, с. 574]. Зачастую оказывалось, что выступления Толстого имели эффект противоположный желаемому: не столько убеждали читателя, сколько давали лишний повод целому хору французских авторов лишний раз высказаться против России. Видимо, сознавая это, российские власти стремились «избегать прямой полемики» в печатной среде [64, с. 259].

Покупка «нужных» публикаций (что вполне согласовалось с обычаями французской прессы) отчасти должна была «диверсифицировать» источники информации. И Толстой наладил постоянные «деловые» отношения со многими французскими изданиями. Е. В. Тарле отмечает: «Толстой подкупал газеты от раза до раза, но три органа – “La France”, “La France et l'Europe” и “La Revue du Nord” – были у него более или менее на постоянном иждивении. Когда эти издания прекратили свое существование, их сменили “La Patrie”, “L'Assemblée Nationale” и “Constitutionnel” [101, с. 596]. И все же это были лишь «точечные вливания», которые не позволяли кардинально повлиять на общественное настроение.

Ясно, что российская контрпропаганда лишь «нащупывала» оптимальные способы воздействия на европейское коллективное сознание, и на этом пути были неизбежны просчеты. Но верно и то, что существовали инициативы, призванные эти просчеты исправить. Еще в 1834 г. Э. П. Мещерский предлагал учредить в Париже журнал, объединяющий вокруг себя известных литераторов консервативного лагеря и проводящий выгодную России идеологическую линию. Учитывая авторитет Мещерского в парижском обществе и его патриотический настрой, можно почти с уверенностью сказать, что это начинание имело бы гораздо больший эффект, нежели сотрудничество с Ш. Дюраном. Об этой идее доложили императору, но продолжения дело не получило [19, с. 279]. Через 2 года Мещерский поддержал идею Я. Н. Толстого об открытии во Франции газеты для защиты России [101, с. 566–567]. Но и этот проект не был одобрен. Таким образом, правительство отказалось от собственного информационного канала в Европе, что лишило Россию эффективного инструмента контрпропаганды.

Еще один проект контрпропаганды предлагался правительству Ф. И. Тютчевым. В 1841 г. он был исключен из штата МИД [86, с. 91], но обосновавшись в Мюнхене, был хорошо осведомлен о настроениях прессы и «остро реагировал на материалы антирусской направленности» [78, с. 234]. У него созрели представления об эффективной тактике противодействия этим тенденциям. В 1843 г. Тютчев изложил свой план Бенкендорфу. А. Л. Осповат обоснованно допускает, что Тютчев предлагал «такую организацию прорусской пропаганды, при которой ставка делалась бы не на ушлых агентов и никому не ведомых наемников пера, но на фигуры – и даже издания, – уже завоевавшие авторитет в общественном мнении Европы» [76, с. 94]. Бенкендорф, что называется, отправил «проект в разработку», а для начала предложил Тютчеву самому писать в защиту России [3, с. 87]. Тютчев действительно предпринял такого рода публикации, но тем временем смерть Бенкендорфа (1844) заставила его беспокоиться о судьбе своего проекта. В 1845 г. он обратился с запиской напрямую к государю, где разъяснял свою идею: «Речь не идет о повседневных мелочных пререканиях с иностранной прессой по поводу частных,

незначительных подробностей; истинно полезным было бы другое: завязать прочные отношения с какой-нибудь из наиболее уважаемых газет Германии, обрести там радетелей почтенных, серьезных, заставляющих публику себя слушать – и двинуться разными путями, но в некоем сообществе, к определенной цели» [105, с. 113]. Николай I благосклонно воспринял обращение Тютчева, но от реализации предложенного плана воздержался [76, с. 96].

Могут возникать сомнения в способности самого Тютчева реализовать предложенный замысел, но нет сомнений, что его идея была верна в принципе: к процессу контрпропаганды целесообразно привлекать «союзников» – людей, обладающих авторитетом, соответствующими убеждениями и не подчиненных административной иерархии (ту же мысль, кстати, высказывал в 1843 г. и С. С. Уваров [66, с. 274–275]). Предложение же Тютчеву самому писать о России не могло решить проблемы, с которой сталкивался и Я. Н. Толстой: голос российского автора воспринимался как голос николаевской администрации. После 1848 г. Тютчев написал статью «Россия и революция». Николай I пожелал, чтобы «она была опубликована за границей» [60, с. 232]. Во Франции ее опубликовали, но озаглавили так: «Записка, представленная императору Николаю после Февральской революции одним русским чиновником высшего разряда Министерства иностранных дел». Предсказуемо, что после этого статья вызвала особенно острую критику. В 1851 г. Тютчев поместил в «Revue des Deux Mondes» очередную статью «Папство и Римский вопрос». Редакция снова изменила заглавие на «Папство и римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга». И статья Тютчева снова была воспринята как позиция российского официоза. Все это говорило о неэффективности старых принципов контрпропаганды.

Впрочем, новые принципы после смерти Бенкендорфа разрабатывать было уже некому. Его преемник на посту шефа III Отделения граф А. Ф. Орлов не видел пользы в отражении информационных атак. Его позиция вполне отразилась в Отчете III Отделения за 1845 г.: «<...> Журнальная война и возражения ни к чему не ведут: они только возбуждают внимание и породят бесконечные распри <...>. Несравненно лучше следовать принятому нами правилу – возражать молчанием и презрением, тем более что зло уничтожается собственным своим излишеством» [93, с. 365]. Зло, однако, не уничтожилось.

Российское общество болезненно воспринимало и нападки иностранной печати, и «гордое молчание» отечественного официоза. Это порождало рефлексию, проникавшую на страницы российских изданий. Характерный пример – статьи А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России» (1845) и «Мнение русских об иностранцах» (1846), где автор, анализируя европейские стереотипы о России, обнаруживает «путаницу в понятиях и даже в словах», «бесстыдную ложь», «наглую злобу» [117, с. 83] и отыскивает истоки европейской предвзятости. С очевидностью можно предположить, что Хомяков мог бы рассматриваться властью как «союзник» в процессе консолидации российского общества в условиях информационных угроз, но в реальности этот потенциальный союзник подвергался постоянному цензурному давлению, а в 1852 г. распоряжением Дубельта был лишен права «даже и представлять к печатанию свои сочинения» [49, с. 389]. Трудно сказать, догадывался

ли Хомяков, что французские статьи Тютчева были одобрены «сверху». Дело в том, роль тайной полиции в отношении русских авторов за рубежом регламентировалась весьма условно. Я. Н. Толстой формулировал ее так: «Если ваша книга будет против России, вас станут преследовать; коли ни то, ни се – будут смотреть сквозь пальцы, а если она будет в пользу России – то вас могут наградить» [56, с. 557].

В 1853 г. А. С. Хомяков решился втянуться в зарубежную полемику вокруг уже упомянутой тютчевской статьи «Папство и Римский вопрос» и опубликовал в Париже на французском языке брошюру «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях». Стремясь обезопаситься, Хомяков подписал книжку «Неизвестный» («Ignotus») и «деполитизировал» тему, предупредив, что не преступает «пределов вопроса религиозного» [118, с. 28]. Поскольку никаких санкций не последовало, в 1855 г. Хомяков выпустил за границей еще одну брошюру, в которой полемизировал с архиепископом де Сибуром, призвавшим католиков идти в «крестовый поход» против православных. По существу, Хомяков предпринял несанкционированные «партизанские вылазки», подобные тем, что когда-то совершал Я. Н. Толстой. И расчет литератора оказался верным: его брошюры стали известны при дворе и даже удостоились благосклонной оценки Николая I [73, с. 73]. Но все же эта история демонстрирует несовершенство существовавших подходов. Литератору, стремившемуся защитить отечественный престиж, приходилось действовать на свой страх и риск, полагаться на благополучное стечение обстоятельств, причем отсутствие преследований уже само по себе воспринималось как награда за патриотический порыв. Такое положение дел, разумеется, сдерживало движение российских авторов к зарубежной аудитории.

Однако Крымская война заставила отбросить условности. Показательный эпизод – зарубежные публикации П. А. Вяземского. В эпоху Восточного кризиса он находился на излечении в Европе и наблюдал шквал антироссийских публикаций. А. И. Герцен так характеризовал европейскую атмосферу той поры: «Война ревет. В народных толпах развили все злые чувства национальной ненависти и жадного патриотизма» [26, т. 7, с. 49]. Это принудило оторванного от родины Вяземского самостоятельно вступить в «войну перьев». Не случайно тогда в «Литературную исповедь» он включил самохарактеристику: «В литературе я был вольным казаком» [25, с. 335]. Участник Отечественной войны Вяземский, подобно Д. В. Давыдову, воспринимал информационное противостояние как аналогию реальным боевым действиям. В соответствии с этой аналогией – Вяземский «воевал» в тылу неприятеля.

Когда в 1854 г. в «Indépendance Belge» появилось стихотворение Вяземского «Вот в воинственном азарте...», направленное против Луи-Наполеона, он отметил в записной книжке: «Право, я заслуживаю георгиевский бумажный крест за мои партизанские наезды в журналы» [24, т. 9, с. 114]. А когда в том же году в «Journal de Francfort» появилась статья Вяземского, он писал Северину: «Угадали ли, что это аз грешный и недостойный кидаюсь на борьбу не на живот, а на смерть <...>. Каждому дан здесь свой удел и свое орудие, мне дано перо, и валяй!» [24, т. 9, с. 117].

Настроение воинского запала отразилось на стилистике Вяземского. Он написал сборник стихотворений «К ружью» в духе патриотической поэзии 1812 г., за что

впоследствии заслужил упреки в казенном патриотизме [75, с. 42]. Кроме того, он опубликовал по-французски «Письма русского ветерана 1812 г.», где свое участие в печатной борьбе сравнивал с боевым прошлым: «Будучи неизвестным писателем в области полемики, как был и неизвестным воином на Бородинском поле, автор теперь, как и тогда, отдает себя всецело делу народному и готов жертвовать собою» [24, т. 6, с. 487]. «Письма...» Вяземского содержали информацию о России, ее истории и политической роли, но интересно, что Вяземский избрал тональность, напомиравшую манеру С. Глинки времен противостояния с Наполеоном I, а потому в его тексте легко встретить выпады вроде такого: «Чтобы заставить умного англичанина или француза сказать глупость, нужно заговорить с ним о России: это такой предмет, от которого они пьянеют, и разумение у них тотчас мутится» [24, т. 6, с. 422]. Обострение информационной войны обостряло стилистику полемики.

Все это происходило на фоне «гордого молчания» официоза. Возмущением по этому поводу Тютчев делился в письме супруге: «Поражаешься, <...> как мы здесь поддерживаем их ложь и их утайки пошлым смирением наших бюллетеней <...>. А когда этих идиотов спрашивают о причине всей этой сдержанности, они вам говорят, что это для того, чтобы не раздражать общественного мнения. <...> Мальцов решил, будто ему будет дозволено в какой-то невинной статье для «Journal de St.-Pétersbourg» сказать, что англичане ведут *пиратскую* войну у наших берегов. Представь, канцлер заставил его вычеркнуть это выражение как слишком оскорбительное» [107, с. 234].

Неудачи под Севастополем воспринимались как закономерное следствие николаевской политики, в том числе – информационной. «Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства, – констатировал Тютчев в мае 1855 г. – <...> Ничего не было пощажено, все подвергалось этому давлению <...>» [107, с. 231]. Спустя два дня после смерти Николая I В. С. Аксакова записывала в дневнике: «<...> Все невольно чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; вдруг возродились небывалые надежды; безвыходное положение, к сознанию которого почти с отчаянием пришли наконец все, вдруг представилось доступным изменению» [5, с. 66].

Таковы были суждения людей, готовых быть союзниками власти в информационной войне, не востребованных на этом поприще, и воспринимавших поражение России как личную трагедию.

ВЫВОДЫ

Несовершенство информационной политики Николая I стало одним из важных факторов подрыва авторитета власти внутри страны и на международной арене. Принципиальным просчетом явилась недооценка влияния, которое оказывало на ход событий общественное мнение, и, как следствие – недооценка возможностей прессы как инструмента воздействия на коллективное сознание. Это вело к ряду нерациональных решений.

Информационная безопасность в отечественном пространстве обеспечивалась в основном за счет административных ресурсов и запретительных мер. В результате возник информационный дисбаланс, при котором европейская пресса по

интенсивности информационного потока значительно превосходила российскую. В то же время игнорировалось естественное стремление российского общества корректировать негативные представления Запада о России. Это, наряду с недоверием к сотрудничеству, выходящему за рамки административного подчинения, в большинстве случаев вело к отказу власти от возможности использовать в качестве информационных союзников представителей интеллектуальной и творческой элиты страны. Спорадические попытки консолидировать общество путем выработки национальной идеологии не учитывали складывавшихся идеологических тенденций и не имели существенного результата. В итоге к периоду Крымской войны в России нарастало отчуждение между обществом и властью.

Еще более провальной выглядела ситуация на внешнем информационном поле. Недооценка Николаем I информационных угроз не позволяла рассматривать контрпропаганду в числе государственных приоритетов. Тактика и стратегия контрпропаганды оказались в исключительной зависимости от персональных инициатив и предпочтений отдельных представителей администрации. Это вело к практике «точечных реакций», малоэффективных приемов, к скованности решений. Как и внутри страны, ставка делалась лишь на возможности официального аппарата. Активность неинституализированной сферы информационной защиты России оказалась вне интересов государственной информационной политики. Таким образом, выступления российских литераторов против предвзятых зарубежных мнений превращались в аналогию партизанских действий, продиктованных патриотическими убеждениями, порою санкционированных властью, но не находящих себе места в системной программе информационной обороны.

Список литературы

1. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. [Текст] / О. Ю. Абакумов. – М.: Центрполиграф, 2017. – 319 с.
2. Агапова С. Г., Гущина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение [Текст] / С. Г. Агапова, Л. В. Гущина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 27–34.
3. Азадовский К. М., Осповат А. Л. Тютчев в дневнике А. И. Тургенева (1832–1844) [Текст] / К. М. Азадовский, А. Л. Осповат // Литературное наследство. – М.: Наука, 1989. – Т. 97. – Кн. 2. – С. 63–98.
4. Айзеншток И. Я. Французские писатели в оценках царской цензуры [Текст] / И. Я. Айзеншток // Литературное наследство. – М.: Наука, 1939. – Т. 33–34. – С. 769–858.
5. Аксакова В. С. Дневник (1854–1855) [Текст] / В. С. Аксакова. – СПб: Тип-я Б. М. Вольфа, 1913. – 174 с.
6. Аникеев В. Е. История французской прессы (1830–1945) [Текст] / В. Е. Аникеев. – М.: Фак журналистики МГУ, 1999. – 55 с.
7. Анненкова П. Е. Воспоминания [Текст] / П. Е. Анненкова. – Красноярск: Книжное изд-во, 1977. – 326 с.

8. Бадалян Д. А. «Московский телеграф», «Литературная газета» и III Отделение: скрытая механика покровительства и наказания [Текст] / Д. А. Бадалян // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2019. – Т. III. – № 2. – С. 128–157.
9. Бадалян Д. А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков [Текст] / Д. А. Бадалян // *Тетради по консерватизму*. – 2018. – № 1. – С. 51–66.
10. Байнев В. Ф. Современная информационная война как глобальный феномен [Текст] / В. Ф. Байнев // *Новая экономика*. – 2012. – №2 (60). – С. 219–223.
11. Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю. Информационная война: к генезису термина [Текст] / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец, М. Ю. Лаврентьева // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2019. – № 3. – С. 76–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310.
12. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х кн. [Текст] / Н. П. Барсуков. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1888–1910. – Кн. 7. – 620 с.
13. Батюшков К. Н. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / К. Н. Батюшков. – М.: Худож. лит., 1989. – Т. 2: Из записных книжек. Письма. – 719 с.
14. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. В 2-х т. Т. II: 1826–1837 [Текст] / А. Х. Бенкендорф. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 552 с.
15. Бесков А. А. Что хуже – информационная война или страх перед ней? [Текст] / А. А. Бесков // *Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: Сб. трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.)*. – Новосибирск: СибГУТИ, 2018. – С. 78–88.
16. Беспалов Д. Н., Казаков М. А. Информационная война и обеспечение безопасности [Текст] / Д. Н. Беспалов, М. А. Казаков // *Вестник МГИМО*. – 2014. – № 6. – С. 82–87.
17. Бестужев Н. А. Избранная проза [Текст] / Н. А. Бестужев. – М.: Сов. Россия, 1983. – 336 с.
18. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В: 2-х т. [Текст] / А. А. Бестужев-Марлинский. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 2. – 592 с.
19. Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I [Текст] / Г. Н. Бибииков. – М.: Три квадрата, 2009. – 424 с.
20. Борисов А. Н. Особый отдел империи. История Заграничной агентуры российских спецслужб: монография [Текст] / А. Н. Борисов. – С-Пб.; М.: Нева, 2001. – 479 с.
21. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах (1852–1855 гг.) [Текст] / К. Ф. Фицтум-фон-Экштедт // *Русская старина*. – 1887. – Т. 54. – Кн. 5 – С. 364–405.
22. Ветошко Л. И., Ветошко А. Н., Емельяненко В. Д. Информационные войны в Интернете и ценностно-мировоззренческие основания патриотизма [Текст] / Л. И. Ветошко, А. Н. Ветошко, В. Д. Емельяненко // *Новая наука: Проблемы и перспективы*. – 2016. – № 6–3. – С. 190–206.
23. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение [Текст] / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтבלата. М.: НЛЮ, 1998. – 704 с.
24. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб, 1878–1896. – Т. 6, 7, 9.
25. Вяземский П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – Л.: Сов. писатель, 1986. – 544 с.
26. Герцен А. И. Сочинения. В 9-ти тт. [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Гослитиздат, 1955–1958. – Т. 3, 7, 9.
27. Гладышев А. В. Казаки во Франции в 1814 году: образ и коллективная память [Текст] / А. В. Гладышев // *Уральский исторический вестник*. – 2014. – № 4 (45). – С. 15–24.
28. Головашина О. В. Национальная идентичность в России: базовая модель [Текст] / О. В. Головашина // *Fractal simulation*. – 2011. – № 2. – С. 64–73.

29. Гончарова Т. Н. Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии [Текст] / Т. Н. Гончарова // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: СПбГУ, 2017. – № 17 (2). – С. 48–79.
30. Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. История Комитета цензуры иностранной [Текст] / Н. А. Гринченко, Н. Г. Патрушева // Комитет цензуры иностранной в Петербурге, 1828–1917: документы и материалы. – СПб.: РНБ, 2006. – С. 7–16.
31. Губина М. В. Особенности образа России в сознании французских современников в 1814–1818 годах [Текст] / М. В. Губина // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М.: ИРИ РАН, 2002. – С. 153–162.
32. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
33. Дружинин А. В. Полинья Сакс. Дневник [Текст] / А. В. Дружинин. – М.: Правда, 1989. – 432 с.
34. Дурьлин С. [Н.] Г-жа де Сталь и ее русские отношения [Текст] / С. Н. Дурьлин // Литературное наследство. – М.: Наука, 1939. – Т. 33–34. – С. 215–331.
35. Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч.: В 3-х т. [Текст] / А. Дюма. – М.: Ладомир, 1993. – Кн. 2. – 432 с.
36. Ермашов Д. В. Политические воззрения С. С. Уварова [Электронный ресурс] Д. В. Ермашов // Православный образовательный Портал «Слово». – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35439.php>. – (Дата обращения: 28.09.2021).
37. Есин Б. И. Расцвет русской журналистики [Текст] / Б. И. Есин // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 2. – С. 105–109.
38. Жаркова Т. В. Информационная война как фактор социально-политической коммуникации [Текст] / Т. В. Жаркова // Человек в информационном пространстве: Сб. науч. тр. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 94–103.
39. За много лет. Воспоминания неизвестного (1854–1857) [Текст] / б. п. // Русская старина. – 1894. – № 9. – С. 44–62.
40. Зипунникова Н. Н. Идеологема «самодержавие–православие–народность» в политике государства в сфере образования [Текст] / Н. Н. Зипунникова // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 7–16.
41. Золотухин В. М. Сохранение социокультурной российской идентичности в пространстве информационных войн [Текст] / В. М. Золотухин // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: Сб. трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.). – Новосибирск: СибГУТИ, 2018. – С. 231–239.
42. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века [Текст] / А. Л. Зорин. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
43. Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. Высшая воинская полиция как орган разведки и контрразведки русской армии начала XIX века [Текст] / А. А. Иванов, Т. Л. Матиенко, Н. Д. Эриашвили // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 8–10.
44. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография [Текст] / Под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с.
45. Итенберг В. С. Россия и Великая французская революция [Текст] / В. С. Итенберг. – М.: Мысль, 1988. – 253 с.
46. Иудин А. А., Рюмин А. М., Шпилёв Д. А. Информационная война в Интернет: западные обыватели о России [Текст] / А. А. Иудин, А. М. Рюмин, Д. А. Шпилёв. – Нижний Новгород: НИСОЦ, 2011. – 156 с.

47. Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи [Текст] / Н. И. Казаков // Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1989. – С. 5–41.
48. Киселев В. С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» [Текст] / В. С. Киселев // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 449–469.
49. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях [Текст] / В. А. Кошелев. – М.: НЛЮ, 2000. – 512 с.
50. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу классификации информационных войн [Текст] / Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев // Социология науки и технологий. – 2019. – Т.10. – № 2. – С. 44–55.
51. Кудряшова И. А., Селиванова И. Э. Отражение информационной войны против России в испанской и немецкой прессе, или «Крестовый поход демократии» против России [Текст] / И. А. Кудряшова, И. Э. Селиванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2015. – № 2 (44). – Ч. 2. – С. 119–122.
52. Кюстин А. де. Россия в 1839 году [Текст] / А. де Кюстин. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
53. Лагутин М. С. Перманентность антироссийских информационных войн. Причины и методы (XVI–XIX вв.) [Электронный ресурс] / М. С. Лагутин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – Режим доступа: www.stience-education.ru/ru/artide/view?id=16601 (дата обращения: 02.09.2021).
54. Лажечников И. И. Походные записки русского офицера [Текст] / И. И. Лажечников. – СПб: Медицинская типография, 1820. – 349 с.
55. Ларионова Е. О. Пушкин и его читатели в 1831–1833 годах [Текст] / Е. О. Ларионова // Пушкин в прижизненной критике, 1831–1833 / Под общей ред. Е. О. Ларионовой. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 2003. – С. 5–25.
56. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. (по подлинным делам Третьего Отделения С. Е. И. В. Канцелярии) [Текст] / М. К. Лемке. – СПб: изд. С. В. Бунина, 1908. – 614 с.
57. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – Л.: «Наука», 1979–1981. – Т. 2. – 575 с.
58. Линдер И. Б., Чуркин С. А. Спецслужбы России за 1000 лет [Текст] / И. Б. Линдер, С. А. Чуркин. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 784 с.
59. Лорер Н. И. Записки декабриста [Текст] / Н. И. Лорер. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжн. изд-во, 1984. – 416 с.
60. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов [Текст] / Р. Лэйн // Литературное наследство. – М.: Наука, 1988. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 231–252.
61. Мазон А. <Мазон А.> Князь Элим [Текст] / А. Мазон // Литературное наследство. – Т. 31–32. – М.: Наука, 1937. – С. 373–491.
62. Макушин Л. М. Цензурный режим и развитие системы печати [Текст] / Л. М. Макушин // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2008. – № 60. – Вып. 24. – С. 103–111.
63. Медовкина Л. Ю. Влияние СМИ на мировую политику посредством информационных войн [Текст] / Л. Ю. Медовкина // Наука Красноярья. – 2016. – № 6 (39). – С. 58–69.
64. Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы [Текст] / В. А. Мильчина. – СПб.: Гиперион, 2006. – 528 с.

65. Мильчина В. А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России [Текст] / В. А. Мильчина // Лотмановский сборник. – № 2. – М.: Изд-во РГГУ, 1997. – С. 303–327.
66. Мильчина В. А., Осповат А. Л. Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина [Текст] / В. А. Мильчина, А. Л. Осповат // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 272–284.
67. Модзалевский Б. Л. Яков Николаевич Толстой [Текст] / Б. Л. Модзалевский. – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1899. – 55 с.
68. Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы [Текст] / М. В. Нечкина. – М.: АН СССР, 1951. – 624 с.
69. Никитенко А. В. Дневник. В 3-х тт. [Текст] / А. В. Никитенко. – Л.: Гослитиздат, 1955–1956. – Т. 1. – 539 с.
70. Новости и смесь [Текст] / б. п. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1840. – Т. 26. – № 4. – Отд. VII. – С. 1–10.
71. Орехов В. В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2019. – Т. 5 (71). – № 3. – С. 69–88.
72. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть I: С. Н. Глинка, Д. В. Давыдов [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2021. – Т. 7 (73). – № 1. – С. 174–188.
73. Орехов В. В. Публикации А. С. Хомякова в контексте литературной борьбы за национальный имидж [Текст] / В. В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 71–78.
74. Орехова Л. А. О преподавании русского и национальных языков в учебных заведениях Таврической губернии первой трети XIX века [Текст] / Л. А. Орехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 2. – С. 137–152.
75. Орехова Л. А., Сущинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского [Текст] / Л. А. Орехова, С. С. Сущинина // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.
76. Осповат А. Л. Новонайденный политический меморандум Тютчева: к истории создания [Текст] / А. Л. Осповат // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 89–97.
77. Осповат А. Л. Тютчев и заграничная служба III отделения [Текст] / А. Л. Осповат // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. – Рига: Зинатне – М.: Импринт, 1994. – С. 110–138.
78. Осповат А. Л. Элементы политической мифологии Тютчева (Комментарий к статье 1844 г.) [Текст] / А. Л. Осповат // Тютчевский сборник: 2. – Тарту, 1999. – С. 227–263.
79. Очерки истории Российской внешней разведки в 6-ти тт. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года [Текст]. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 240 с.
80. Парсамов В. С. Декабристы и Франция [Текст] / В. С. Парсамов. – М.: РГГУ, 2010. – 432 с.
81. Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания [Текст] / Н. И. Пирогов. – М.: АН СССР, 1950. – 652 с.
82. Плетнев П. А. О народности в литературе [Текст] / П. А. Плетнев // Журнал министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – С. 1–30.
83. По поводу «Записок» И. Д. Якушкина и статьи о них П. Н. Свистунова [Текст] // Русский архив. – 1871. – Вып. 2. – С. 189–379.
84. Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков [Текст] / Сост. И. Б. Борисов и др. – М.: ЦИК, 2008. – 944 с.

85. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресение, 1994–1997. – Т. 14. – 580 с.
86. Ранчин А. М. Федор Тютчев: государственная служба поэта, публициста и историсофа [Текст] / А. М. Ранчин // Государственная служба. – 2014. – № 4. – С. 89–95.
87. Раскин А. В., Тарасов И. В. Информационное противоборство в современной войне [Текст] / А. В. Раскин, И. В. Тарасов // Информационные войны. – 2014. – № 4 (32). – С. 2–6.
88. Реизов Б. Г. Русские эпизоды в творчестве Стендаля [Текст] / Б. Г. Реизов // Реизов Б. Г. Историко-литературные исследования. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 156–196.
89. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение [Текст] / А. И. Рейтблат // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. – М.: НЛЮ, 1998. – С. 5–40.
90. Рейтблат А. И. Булгарин и III отделение в 1826–1831 гг. [Текст] / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 2. – С. 113–129.
91. Рейтблат А. И. Наблюдательный Наблюдатель: Н. И. Греч и III отделение [Текст] / А. И. Рейтблат // Литературный факт. – 2018. – № 10. – С. 108–164.
92. Рейтблат А. И. Н. А. Полевой и III отделение [Текст] / А. И. Рейтблат // Литературный факт. – 2019. – № 4 (14). – С. 228–251.
93. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: Сборник документов [Текст] / Сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. – М.: Рос. фонд культуры; Российский Архив, 2006. – 706 с.
94. Самыгин С. И., Кузнецова А. В., Латышева А. Н. Информационные войны: ресурсы, методы воздействия и ключевые риски [Текст] / С. И. Самыгин, А. В. Кузнецова, А. Н. Латышева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 8/9. – С. 137–142.
95. Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880 [Текст] / И. Симбирцев. – М.: Центрполиграф, 2006. – 383 с.
96. Симосато Т. Переосмысление концепции «народность»: С. С. Уваров как консервативный мыслитель [Текст] / Т. Симосато // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. – 2016. – Вып. 20. – С. 87–97.
97. Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863) [Текст] / А. М. Скабичевский. – СПб.: Издательство Ф. Павленкова, 1892. – 495 с.
98. Соловьев Д. В. Проекты изданий политических журналов и газет в России в 1830-е – 1850-е гг. [Текст] / Д. В. Соловьев // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источниковедение: сб. ст. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 243–255.
99. Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. [Текст] / Стендаль. – М.: Правда, 1959. Т. 2, 11, 15.
100. Таньшина Н. П. Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) [Текст] / Н. П. Таньшина // Новая и новейшая история. – 2017. – № 4. – С. 91–108.
101. Тарле Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, вторая республика, начало второй империи [Текст] / Е. В. Тарле // Литературное наследство. – Т. 31–32. – М.: Наука, 1937. – С. 563–663.
102. Тарле Е. В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение [Текст] / Е. В. Тарле // Былое. – Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42.
103. Терещенко Я. В. Цензура и журналистика в период правления Николая I [Текст] / Я. В. Терещенко // Вестник РГГУ. – 2008. – № 11. – С. 80–86.

104. Тихонова А. В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861 гг.) [Текст]: Дисс...док. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Тихонова. – Брянск, 2014. – 417 с.
105. Троицкий И. М. III Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного [Текст] / И. М. Троицкий. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 318 с.
106. Тютчев Ф. И. <Докладная записка императору Николаю I. 1845 г.> [Текст] / Ф. И. Тютчев; публ. и прим. А. Л. Осповата; пер. с фр. В. А. Мильчиной // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 98–115.
107. Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 447 с.
108. Ускова Г. И. Отечественная война 1812 года и декабристы. К 200-летию Отечественной войны 1812 года [Текст] / Г. И. Ускова // Вестник МГУП. – Москва: ФГБОУ МПУ, 2011. – №12. – С. 44–56.
109. <Уваров С. С.> «В наше время...» [Текст] / С. С. Уваров // Журнал министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – С. III–VII.
110. Уваров С. С. Избранные труды [Текст] / С. С. Уваров. – М.: РОССПЭН, 2010. – 719 с.
111. <Уваров С. С.> Циркулярное предложение г. управляющего министерством народного просвещения начальствам учебных округов о вступлении в управление министерством [Текст] / С. С. Уваров // Журнал министерства народного просвещения. – 1834. – Ч. 1. – С. XLIX–L.
112. Удалов С. В. Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России: Межвузовский сб. науч. тр. [Текст] / С. В. Удалов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – Вып. 21. – С. 77–85.
113. Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры [Текст] / Б. А. Успенский // Россия / Russia. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология: Мат-лы междунар. конф. (Неаполь, май 1997). – М.: О. Г. И., 1999. – С. 7–19.
114. Федосова Е. И. Первое «сердечное согласие» (К вопросу о франко-английских отношениях в 30–40-е гг. XIX в.) [Текст] / Е. И. Федосова // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 201–219.
115. Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» [Текст] / В. А. Францев. – Прага, 1929. – 144 с.
116. Фролова И. И., Фролова А. А. Информационная война в современных СМИ как фактор манипулятивного воздействия на общество: монография [Текст] / И. И. Фролова, А. А. Фролова. – Курск: Университетская книга, 2018. – 169 с.
117. Хомяков А. С. О старом и новом. Статьи и очерки [Текст] / А. С. Хомяков. – М.: Современник, 1988. – 461 с.
118. Хомяков А. С. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / А. С. Хомяков. – М.: Медиум, 1994. – Т. 2. – 478 с.
119. Черкасов П. П. Кризис Июльской монархии глазами агента Третьего отделения в Париже [Текст] / П. П. Черкасов // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 5–7.
120. Черкасов П. П. На тайном фронте Крымской войны [Текст] / П. П. Черкасов // Новая и новейшая история. – 2007. – № 6. – С. 186–210.
121. Черных В. В. Адам Сагтынский – первый шеф российской разведки [Текст] / В. В. Черных // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 6. – С. 302–308.

122. Шибаев Д. В. Методы противодействия информационной войне [Текст] / Д. В. Шибаев // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 4 (9). – С. 60–67.
123. Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2-х кн. [Текст] / Н. К. Шильдер. – М.: «Чарли», 1996–1997. – Кн. 1–2.
124. Штофер Л. Л. Информационная война как радикальная форма политической борьбы [Текст] / Л. Л. Штофер // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Т. 7. – № 4. – С. 158–174. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.13
125. Яблонский И. В., Слепкан Г. К. Зарождение европейской сети заграничной агентуры в период работы Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии [Текст] / И. В. Яблонский, Г. К. Слепкан // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики. Мат-лы Всероссийской научно-практич. конф. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 321–326.
126. Balzac H. de. Lettre sur Kiew // Balzac H. de. Oeuvres complètes. V. 1–28. – Vol. 28. – Paris, 1963. – P. 505–536.
127. Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). – Paris: Fayard, 1967. – 641 p.
128. Cortambert R. Les illustres voyageurs. – Paris: E. Maillet, 1866. – 396 p.
129. Dumas A. Mes Mémoires. 2 v. – Paris: Gallimard Gallimard, 1954, vol. 1. – 531 p.
130. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. – Paris: Bertrand, 1843–1845. – 3 vol.
131. Mestscherski Élim. Les poètes russes traduits en vers français. – Paris, Librairie d'Amyot, Éditeur, 1846. – 2 vol.
132. Roquette de la. Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie. – Paris, 1850. – Т. 14. – № 79–84. – P. 29–58.
133. Russian Demands on France // Westminster Review. – 1835. – Vol. XXIII. – P. 140–156.
134. Т...y J. Six mois suffisent-ils pour connaître un pays? ou Observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé "Six mois en Russie". – Paris, 1827. – 32 p.

References

1. Abakumov O. Ju. *Tret'e Otdelenie na Strazhe Nравstvennosti i Blagochinija. Zhandarmy v Bor'be so Vzjatkami i Porokom. 1826–1866 gg.* [The Third Department on Guard of Morality and Deanery. Gendarmes in the Fight Against Bribes and Vice. 1826–1866]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2017. 319 p.
2. Agapova S. G., Gushhina L. V. *Informacionnaja Vojna: Manipuljativnaja Strategija na Ponizhenie* [Information War: Manipulative Strategy to Decrease]. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoy Lingvistiki*, 2017, no. 3, pp. 27–34.
3. Azadovskij K. M., Ospovat A. L. *Tjutchev v Dnevnikе A. I. Turgeneva (1832–1844)* [Tjutchev in the Diary of A. I. Turgenев (1832–1844)]. *Literaturnoe Nasledstvo*, Moscow: Nauka Publ., 1989, vol. 97, part. 2, pp. 63–98.
4. Ajzenshtok I. Ja. *Francuzskie Pisateli v Ocenkah Carskoj Cenzury* [French Writers in the Assessments of the Tsarist Censorship]. *Literaturnoe Nasledstvo*, Moscow: Nauka Publ., 1939, vol. 33–34, pp. 769–858.
5. Aksakova V. S. *Dnevnik (1854–1855)* [Diary (1854–1855)]. St. Petersburg: Tipografija B. M. Vol'fa Publ., 1913. 174 p.
6. Anikeev V. E. *Istorija Francuzskoj Pressy (1830–1945)* [History of the French Press (1830–1945)]. Moscow: MGU Publ., 1999. 55 p.
7. Annenkova P. E. *Vospominanija* [Memories]. Krasnoyarsk: Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1977. 326 p.

8. Badaljan D. A. «*Moskovskij Telegraf*», «*Literaturnaja Gazeta*» i III Otdelenie: *Skrytaja Mehanika Pokrovitel'stva i Nakazanija* ["Moscow Telegraph", "Literaturnaya Gazeta" and Third Department: the Hidden Mechanics of Patronage and Punishment]. *Filosofija. Zhurnal Vysshej Shkoly Jekonomiki*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 128–157.
9. Badaljan D. A. «*Oficial'naja Narodnost'*» ili *Narodnost'*? S. S. Uvarov i A. S. Homjakov ["Official Nationality" or Nationality? S. S. Uvarov and A. S. Khomyakov]. *Tetradj po Konservatizmu*, 2018, no. 1, pp. 51–66.
10. Bajnev V. F. *Sovremennaja Informacionnaja Vojna kak Global'nyj Fenomen* [Modern Information War as a Global Phenomenon]. *Novaja Jekonomika*, 2012, no. 2 (60), pp. 219–223.
11. Barabash V. V., Kotelenec E. A., Lavrent'eva M. Ju. *Informacionnaja Vojna: k Genezisu Termina* [Information War: to the Genesis of the Term]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovanija*, 2019, no. 3, pp. 76–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310.
12. Barsukov N. P. *Zhizn' i Trudy M. P. Pogodina. V 22-h kn.* [Life and Works of M. P. Pogodin in 22 Volumes]. St. Petersburg, 1888–1910, vol. 7. 620 p.
13. Batjushkov K. N. *Sochinenija. V 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1989, vol. 2. 719 p.
14. Benkendorf A. H. *Vospominanija. V 2-h t.* [Memories in 2 Volumes.]. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2020, vol. 2: 1826–1837. 552 p.
15. Beskov A. A. *Chto Huzhe – Informacionnaja Vojna ili Strah pered Nej?* [What is Worse – Information War or Fear of it?]. *Informacionnye Vojny kak Bor'ba Geopoliticheskikh Protivnikov, Civilizacij i Razlichnyh Jetosov: Sb. Trudov.* Novosibirsk: SibGUTI Publ., 2018, pp. 78–88.
16. Bepalov D. N., Kazakov M. A. *Informacionnaja Vojna i Obespechenie Bezopasnosti* [Information War and Security]. *Vestnik MGIMO*, 2014, no. 6, pp. 82–87.
17. Bestuzhev N. A. *Izbrannaja Proza* [Selected Prose]. Moscow: Sovetskaja Rossija Publ., 1983. 336 p.
18. Bestuzhev-Marlinskij A. A. *Sochinenija. V: 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1981, vol. 2. 592 p.
19. Bibikov G. N. *A. H. Benkendorf i Politika Imperatora Nikolaja I* [A. Kh. Benkendorf and the Policy of Emperor Nicholas I]. Moscow: Tri Kvadrata Publ., 2009. 424 p.
20. Borisov A. N. *Osobyj Otdel Imperii. Istorija Zagranichnoj Agentury Rossijskih Specsluzhb* [Special Department of the Empire. History of the Foreign Agents of the Russian Special Services]. St. Petersburg; Moscow: Neva Publ., 2001. 479 p.
21. *V vidu Krymskoj Vojny. Zametki Diplomata pri Peterburgskom i Londonskom Dvorah (1852–1855 gg.)* [Before the Crimean War. Notes of a Diplomat at the St. Petersburg and London Courts (1852–1855)]. *Russkaja Starina*, 1887, vol. 54, no. 5, pp. 364–405.
22. Vetoshko L. I., Vetoshko A. N., Emel'janenko V. D. *Informacionnye Vojny v Internete i Cennostno-Mirovozzrencheskie Osnovanija Patriotizma* [Information Wars on the Internet and the Value and Ideological Foundations of Patriotism]. *Novaja Nauka: Problemy i Perspektivy*, 2016, no. 6–3, pp. 190–206.
23. *Vidok Figljarin: Pis'ma i Agenturnye Zapiski F. V. Bulgarina v III Otdelenie* [Vidocq Figlyarin: Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin in the III Department]. Moscow: NLO Publ., 1998. 704 p.
24. Vjazemskij P. A. *Poln. Sobr. Soch.: V 12 t.* [Complete Works in 12 Volumes]. St. Petersburg, 1878–1896, vol. 6, 7, 9.
25. Vjazemskij P. A. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., 1986. 544 p.
26. Gercen A. I. *Sochinenija. V 9-ti tt.* [Works in 9 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1955–1958, vol. 3, 7, 9.

27. Gladyshev A. V. *Kazaki vo Francii v 1814 Godu: Obraz i Kollektivnaja Pamjat'* [Cossacks in France in 1814: the Image and Collective Memory]. *Ural'skij Istoricheskij Vestnik*, 2014, no. 4 (45), pp. 15–24.
28. Golovashina O. V. *Nacional'naja Identichnost' v Rossii: Bazovaja Model'* [National Identity in Russia: Basic Model]. *Fractal simulation*, 2011, no. 2, pp. 64–73.
29. Goncharova T. N. *Russkaja Politika Kabinetov Restavracii i Ijul'skoj Monarhii* [Russian Policy of the Offices of the Restoration and the July Monarchy]. *Trudy Kafedry Istorii Novogo i Novejshego Vremeni*, St. Petersburg, 2017, no. 17 (2), pp. 48–79.
30. Grinchenko N. A., Patrusheva N. G. *Istorija Komiteta Cenzury Inostranoj* [History of the Foreign Censorship Committee]. *Komitet Cenzury Inostranoj v Peterburge, 1828–1917: Dokumenty i Materialy*. St. Petersburg: RNB Publ., 2006, pp. 7–16.
31. Gubina M. V. *Osobennosti Obraza Rossii v Soznanii Francuzskih Sovremennikov v 1814–1818 Godah* [Features of the Image of Russia in the Minds of French Contemporaries in 1814–1818]. *Rossija i Mir Glazami Drug Druga: Iz Istorii Vzaimovosprijatija. Vol. 2*. Moscow: IRI RAN Publ., 2002, pp. 153–162.
32. Gjugo V. *Sobr. Soch.: V 15 t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1953–1956, v. 14. 766 p.
33. Druzhinin A. V. *Polin'ka Saks. Dnevnik* [Polinka Saks. Diary]. Moscow: Pravda Publ., 1989. 432 p.
34. Durylin S. N. *G-zha de Stal' i ee Russkie Omoshenija* [Madame de Stael and her Russian Relations]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1939, vol. 33–34, pp. 215–331.
35. Djuma A. *Putevye Vпечатlenija. V Rossii. Soch.: V 3-h t.* [Travel Impressions. In Russia. Composition in 3 Volumes]. Moscow: Lodomir Publ., 1993, vol. 2. 432 p.
36. Ermashov D. V. *Politicheskie Vozzrenija S. S. Uvarova* [Political Views of S. S. Uvarov]. *Pravoslavnyj Obrazovatel'nyj Portal «Slovo»*. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/35439.php>. (Accessed 28.09.2021).
37. Esin B. I. *Rascvet Russkoj Zhurnalistiki* [The Flourishing of Russian Journalism]. *Russkij Jazyk za Rubezhom*, 1986, no. 2, pp. 105–109.
38. Zharkova T. V. *Informacionnaja Vojna kak Faktor Social'no-Politicheskoj Kommunikacii* [Information War as a Factor of Social and Political Communication]. *Chelovek v Informacionnom Prostranstve*. Jaroslavl: JaGPU im. K. D. Ushinskogo Publ., 2014, pp. 94–103.
39. *Za mnogo Let. Vospominanija Neizvestnogo (1854–1857)* [For Many Years. Memoirs of an Unknown (1854–1857)]. *Russkaja Starina*, 1894, no. 9, pp. 44–62.
40. Zipunnikova N. N. *Ideologema «Samoderzhavie–Pravoslavie–Narodnost'» v Politike Gosudarstva v Sfere Obrazovanija* [Ideologema "Autocracy–Orthodoxy–Nationality" in the State Policy in the Field of Education]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki*, 2010, no. 4, pp. 7–16.
41. Zolotuhin V. M. *Sohranenie Sociokul'turnoj Rossijskoj Identichnosti v Prostranstve Informacionnyh Vojn* [Preservation of Socio-Cultural Russian Identity in the Space of Information Wars]. *Informacionnye Vojny kak Bor'ba Geopoliticheskikh Protivnikov, Civilizacij i Razlichnyh Jetosov: Sb. Trudov*. Novosibirsk: SibGUTI Publ., 2018, pp. 231–239.
42. Zorin A. L. *Kormija Dvuglavogo Orla...: Literatura i Gosudarstvennaja Ideologija v Rossii v Poslednej Treti XVIII – Pervoj Treti XIX Veka* [Feeding the Two-Headed Eagle...: Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow: NLO Publ., 2001. 416 p.
43. Ivanov A. A., Matienko T. L., Jeriashvili N. D. *Vysshaja Voinskaja Policija kak Organ Razvedki i Kontrrazvedki Russkoj Armii Nachala XIX Veka* [Higher Military Police as Secret Service of the Russian Army at the Beginning of the 19th]. *Kriminologicheskij Zhurnal*. 2020, no. 4, pp. 8–10.

44. *Informacionno-Psihologicheskaja i Kognitivnaja Bezopasnost'. Kollektivnaja Monografija* [Informational-Psychological and Cognitive Security. Collective Monograph]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2017. 300 p.
45. Itenberg V. S. *Rossija i Velikaja Francuzskaja Revoljucija* [Russia and the Great French Revolution]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 253 p.
46. Iudin A. A., Rjumin A. M., Shpil'jov D. A. *Informacionnaja Vojna v Internet: Zapadnye Obyvateli o Rossii* [Information War on the Internet: Western Inhabitants about Russia]. Nizhny Novgorod: NISOC Publ., 2011. 156 p.
47. Kazakov N. I. *Ob Odnog Ideologicheskoj Formule Nikolaevskoj Jepohi* [About one Ideological Formula of the Epoch of Nicholas I]. *Kontekst-1989: Literaturno-Teoreticheskie Issledovanija*. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 5–41.
48. Kiselev V. S. *Ideologicheskij Kontekst «Sobranija Stihotvorenij, Otnosjashhihsja k Nezabvennomu 1812 Godu»* [Ideological Context of the "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812"]. *Sobranie Stihotvorenij, Otnosjashhihsja k Nezabvennomu 1812 Godu*. Moscow: Jazyki Slavjanskoj Kul'tury Publ., 2015, pp. 449–469.
49. Koshelev V. A. *Aleksej Stepanovich Homjakov. Zhizneopisanie v Dokumentah, Rassuzhdenijah i Razyskanijah* [Alexey Stepanovich Khomyakov. Biography in Documents, Reasoning and Investigations]. Moscow: NLO Publ., 2000. 512 p.
50. Krasovskaja N. R., Guljaev A. A. *K Voprosu Klassifikacii Informacionnyh Vojn* [On the Classification of Information Wars]. *Sociologija Nauki i Tehnologij*, 2019, vol.10, no. 2, pp. 44–55.
51. Kudrjashova I. A., Selivanova I. Je. *Otrazhenie Informacionnoj Vojny Protiv Rossii v Ispanskoj i Nemeckoj Presse, ili «Krestovyj Pohod Demokratii» Protiv Rossii* [Reflection of the Information War against Russia in the Spanish and German Press, or the "Crusade of Democracy" against Russia]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. Tambov: Gramota Publ., 2015, no. 2 (44), part. 2, pp. 119–122.
52. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 Godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg: Kriga Publ., 2008. 704 p.
53. Lagutin M. S. *Permanentnost' Antirossijskih Informacionnyh Vojn. Prichiny i Metody (XVI–XIX vv.)* [Permanence of anti-Russian Information Wars. Causes and Methods (16th – 19th)]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovanija*, 2014, no. 6. Available at: www.stience-education.ru/ru/artide/view?id=16601 (Accessed 2.09.2021).
54. Lazhechnikov I. I. *Pohodnye Zapiski Russkogo Oficera* [Military Notes of a Russian Officer]. St. Petersburg: Medicinskaja tipografija Publ., 1820. 349 p.
55. Larionova E. O. *Pushkin i ego Chitateli v 1831–1833 Godah* [Pushkin and his Readers in 1831–1833]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike, 1831–1833*. St. Petersburg: Gosudarstvennyj Pushkinskij Teatral'nyj Centr Publ., 2003, pp. 5–25.
56. Lemke M. K. *Nikolaevskie Zhandarmy i Literatura 1826–1855 gg. (po Podlinnym Delam Tret'ego Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii)* [Nikolay's Gendarmes and Literature 1826–1855 (on the True Affairs of the Third Department of His own Imperial Majesty's Chancellery)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S. V. Bunina Publ., 1908. 614 p.
57. Lermontov M. Ju. *Sobr. Soch.: V 4-h t.* [Collected Works in 4 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1979–1981, v. 2. 575 p.
58. Linder I. B., Churkin S. A. *Specsluzhby Rossii za 1000 Let* [Special Services of Russia for 1000 Years]. Moscow: RIPOL Klassik Publ., 2016. 784 p.
59. Lorier N. I. *Zapiski Dekabrista* [Notes by the Decembrist]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1984. 416 p.
60. Ljejn R. *Publicistika Tjutcheva v Ocenke Zapadnoevropejskoj Pechati Konca 1840-h – Nachala 1850-h Godov* [Tjutchev's Journalism in the Assessment of the Western European Press of the

- Late 1840^s – Early 1850^s]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1988, vol. 97, no. 1, pp. 231–252.
61. Mazon A. *Knjaz' Jelim* [Prince Elim]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1937, vol. 31–32, pp. 373–491.
 62. Makushin L. M. *Cenzurnyj Rezhim i Razvitie Sistemy Pechati* [Censorship Regime and Development of the Printing System]. *Izvestija Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 1. Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kul'tury*, 2008, no. 60:24, pp. 103–111.
 63. Medovkina L. Ju. *Vlijanie SMI na Mirovujju Politiku Posredstvom Informacionnyh Vojn* [The Influence of the Media on World Politics Through Information Wars]. *Nauka Krasnojars'ja*, 2016, no. № 6 (39), pp. 58–69.
 64. Mil'china V. A. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony* [Russia and France. Diplomats. Literators. Spies]. St. Petersburg: Giperion Publ., 2006. 528 p.
 65. Mil'china V. A. *Sharl' Djuran – Francuzskij Zhurnal'ist v Nemeckom Gorode na Sluzhbe u Rossii* [Charles Durand is a French Journalist in a German City in the Service of Russia]. *Lotmanovskij Sbornik, no. 2*. Moscow: Izdatel'stvo RGGU Publ., 1997, pp. 303–327.
 66. Mil'china V. A., Ospovat A. L. *Peterburgskij Kabinet Protiv Markiza de Kjustina* [Petersburg Cabinet against the Marquis de Custine]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1995, no. 13, pp. 272–284.
 67. Modzalevskij B. L. *Jakov Nikolaevich Tolstoj* [Yakov Nikolaevich Tolstoy]. St. Petersburg: Obshhestvennaja Pol'za Publ., 1899. 55 p.
 68. Nechkina M. V. A. *S. Griboedov i Dekabristy* [A. S. Griboyedov and the Decembrists]. Moscow: AN SSSR Publ., 1951. 624 p.
 69. Nikitenko A. V. *Dnevnik. V 3-h tt.* [Diary in 3 Volumes]. Leningrad: Goslitizdat Publ., 1955–1956, vol. 1. 539 p.
 70. *Novosti i Smes'* [News and mix]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1840, vol. 26, no. 4, pp. 1–10.
 71. Orehov V. V. «*Klevetnikam Rossii*»: *Avtorskaja Pozicija i Literaturnaja Reputacija* ["Slanderers of Russia": the Author's Position and Literary Reputation]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 69–88.
 72. Orehov V. V. «*Partizanskaja Taktika*» *Informacionnoj Vojny. Chast' I: S. N. Glinka, D. V. Davydov* ["Guerrilla Tactics" of Information Warfare. Part I: S. N. Glinka, D. V. Davydov]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 174–188.
 73. Orehov V. V. Publikacii A. S. Homjakova v Kontekste Literaturnoj Bor'by za Nacional'nyj Imidzh [Publications by A. S. Khomyakov in the Context of the Literary Struggle for the National Image]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 71–78.
 74. Orehova L. A. *O Prepodavanii Russkogo i Nacional'nyh Jazykov v Uchebnyh Zavedenijah Tavricheskoj Gubernii Pervoj Treti XIX Veka* [Teaching Russian and National Languages in Educational Institutions of the Taurida Province in the First Third of the 19th Century]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie Nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 137–152.
 75. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja Vojna v Zhizni i Tvorchestve P. A. Vjazemskogo* [Crimean War in the Life and Work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe Nasledie Kryma. Simferopol'*, 2005, no. 10, pp. 42–50.
 76. Ospovat A. L. *Novonajdenyj Politicheskij Memorandum Tjutcheva: k Istorii Sozdaniya* [Newly Found Political Memorandum by Tyutchev: to the History of Creation]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 89–97.

77. Ospovat A. L. *Tjutchev i Zagranichnaja Sluzhba III Otdelenija* [Tyutchev and the Foreign Service of the III Department]. *Tynjanovskij Sbornik. Pjatyje Tynjanovskie Chtenija*. Riga, 1994, pp. 110–138.
78. Ospovat A. L. *Jelementy Politicheskoy Mifologii Tjutcheva: (Kommentarij k Stat'e 1844 g.)* [Elements of Tyutchev's Political Mythology: (Commentary to the Article of 1844)]. *Tjutchevskij Sbornik: 2*. Tartu, 1999, pp. 227–263.
79. *Ocherki Istorii Rossijskoj Vneshnej Razvedki v 6-ti tt. T. 1. Ot Drevnejshih Vremen do 1917 Goda* [Essays on the History of Russian Foreign Intelligence in 6 Vols. Vol. 1. From Ancient Times to 1917]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenija Publ., 1995. 240 p.
80. Parsamov V. S. *Dekabristy i Francija* [Decembrists and France]. Moscow: RGGU Publ., 2010. 432 p.
81. Pirogov N. I. *Sevastopol'skie Pis'ma i Vospominanija* [Sevastopol Letters and Memoirs]. Moscow: AN SSSR Publ., 1950. 652 p.
82. Pletnev P. A. *O Narodnosti v Literature* [About Nationality in Literature]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1834, no. 1, pp. 1–30.
83. *Po Povodu «Zapisok» I. D. Jakushkina i Stat'i o nih P. N. Svistunova* [Regarding "Notes" by I. D. Yakushkin and Articles about them by P. N. Svistunov]. *Russkij Arhiv*, 1871, no. 2, pp. 189–379.
84. *Politicheskie Instituty, Izbiratel'noe Pravo i Process v Trudah Rossijskih Myslitelej XIX–XX Vekov* [Political Institutions, Electoral Law and Process in the Works of Russian Thinkers of the 19th – 20th]. Moscow: CIK Publ., 2008. 944 p.
85. Pushkin A. S. *Polnoe Sobranie Sochinenij: V 19 t.* [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskresenie Publ., 1994–1997, v. 14. 580 p.
86. Ranchin A. M. *Fedor Tjutchev: Gosudarstvennaja Sluzhba Pojeta, Publicista i Istoriosofa* [Fedor Tyutchev: Public Service of the Poet, Publicist and Historiosophist]. *Gosudarstvennaja Sluzhba*, 2014, no. 4, pp. 89–95.
87. Raskin A. B., Tarasov I. V. *Informacionnoe Protivoborstvo v Sovremennoj Vojne* [Information Confrontation in Modern War]. *Informacionnye Vojny*, 2014, no. 4 (32), pp. 2–6.
88. Reizov B. G. *Russkie Jepizody v Tvorchestve Stendalja* [Russian Episodes in the Work by Stendhal]. Reizov B. G. *Istoriko-Literaturnye Issledovanija*. Leningrad: Leningradskij Universitet Publ., 1991, pp. 156–196.
89. Rejtblat A. I. *Bulgarin i III Otdelenie* [Bulgarin and III Department]. *Vidok Figljarin: Pis'ma i Agenturnye Zapiski F. V. Bulgarina v III Otdelenie*. Moscow: NLO Publ., 1998, pp. 5–40.
90. Rejtblat A. I. *Bulgarin i III Otdelenie v 1826–1831 gg.* [Bulgarin and the III Department in 1826–1831]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–129.
91. Rejtblat A. I. *Nabljudatel'nyj Nabljudatel': N. I. Grech i III Otdelenie* [Supervisory Observer: N. I. Grech and III Department]. *Literaturnyj Fakt*, 2018, no. 10, pp. 108–164.
92. Rejtblat A. I. *N. A. Polevoj i III Otdelenie* [N. A. Polevoy and III Department]. *Literaturnyj Fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 228–251.
93. *«Rossija pod Nadzorom»: Otchety III Otdelenija 1827–1869: Sbornik Dokumentov* ["Russia under Supervision": Reports of the III Department 1827–1869: Collection of Documents]. Moscow: Rossijskij Fond Kul'tury; Rossijskij Arhiv Publ., 2006. 706 p.
94. Samygin S. I., Kuznecova A. V., Latysheva A. N. *Informacionnye Vojny: Resursy, Metody Vozdejstvija i Ključevye Riski* [Information Wars: Resources, Methods of Influence and Main Risks]. *Gumanitarnye, Social'no-Jekonomicheskie i Obshhestvennye Nauki*, 2016, no. 8/9, pp. 137–142.
95. Simbircev I. *Tret'e Otdelenie. Pervyj Opyt Sozdanija Professional'noj Specsluzhby v Rossijskoj Imperii. 1826–1880* [Third Department. The First Experience of Creating a Professional Special Service in the Russian Empire. 1826–1880]. Moscow: Centrpolirraf Publ., 2006. – 383 p.

96. Simosato T. *Pereosmyslenie Konceptii «Narodnost'»: S. S. Uvarov kak Konservativnyj Myslitel'* [Rethinking the Concept of "Nationality": S. S. Uvarov as a Conservative Thinker]. *Mysl'. Zhurnal Peterburgskogo Filosofskogo Obshhestva*, 2016, no. 20, pp. 87–97.
97. Skabichevskij A. M. *Ocherki Istorii Russkoj Cenzury (1700–1863)* [Essays on the History of Russian Censorship (1700–1863)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo F. Pavlenkova Publ., 1892. 495 p.
98. Solov'ev D. V. *Proekty Izdanij Politicheskikh Zhurnalov i Gazet v Rossii v 1830-e –1850-e gg.* [Projects of Publications of Political Magazines and Newspapers in Russia in the 1830^s–1850^s]. *Vlast', Obshhestvo i Reformy v Rossii v XIX – nachale XX veka: Issledovaniya, Istoriografija, Istochnikovovedenie*. St. Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2009, pp. 243–255.
99. Stendal'. *Sobranie Sochinenij: V 15-ti t.* [Collected Works: In 15 Vols]. Moscow: Pravda Publ., 1959, vol. 2, 11, 15.
100. Tan'shina N. P. *Antirossijskie Nastroenija vo Francii v Gody Ijul'skoj Monarhii (1830–1848)* [Anti-Russian Mood in France During the July Monarchy (1830–1848)]. *Novaja i Novejšaja Istorija*, 2017, no. 4, pp. 91–108.
101. Tarle E. V. *Donesenija Jakova Tolstogo iz Parizha v III Otdelenie. Ijul'skaja Monarhija, Vtoraja Respublika, Nachalo Vtoroj Imperii* [Reports of Yakov Tolstoy from Paris to III Department. The July Monarchy, the Second Republic, the Beginning of the Second Empire]. *Literaturnoe Nasledstvo*. Moscow: Nauka Publ., 1937, vol. 31–32, pp. 563–663.
102. Tarle E. V. *Samoderzhavie Nikolaja I i Francuzskoe Obshhestvennoe Mnenie* [Autocracy of Nicholas I and French Public Opinion]. *Byloe*, 1906, no. 9, pp. 12–42.
103. Tereshhenko Ja. V. *Cenzura i Zhurnalistika v Period Pravljenja Nikolaja I* [Censorship and Journalism During the Reign of Nicholas I]. *Vestnik RGGU*, 2008, no. 11, pp. 80–86.
104. Tihonova A. V. *Nadzor za Inostrancami v Rossijskoj Imperii (1801–1861 gg.): Diss. ... Dokt. Istor. Nauk* [Supervision of Foreigners in the Russian Empire (1801–1861)]. Bryansk, 2014. 417 p.
105. Trockij I. M. *III Otdelenie pri Nikolae I. Zhizn' Shervuda-Vernogo* [III Department under Nicholas I. Life of Sherwood-Verny]. – Leningrad: Lenizdat Publ., 1990. 318 p.
106. Tjutchev F. I. *Dokladnaja Zapiska Imperatoru Nikolaju I. 1845 g.* [Memorandum to Emperor Nicholas I. 1845]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 98–115.
107. Tjutchev F. I. *Sochinenija. V 2-h t.* [Compositions in 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literatura Publ., 1984, v. 2. 447 p.
108. Uskova G. I. *Otechestvennaja Vojna 1812 Goda i Dekabristy* [The Patriotic War of 1812 and the Decembrists]. *Vestnik MGUP*, 2011, no. 12, pp. 44–56.
109. Uvarov S. S. «*V Nashe Vremja...*» ["In Our Time..."]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1834, no. 1, pp. III–VII.
110. Uvarov S. S. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPJEN Publ., 2010. 719 p.
111. Uvarov S. S. *Cirkuljarnoe Predlozhenie g. Upravljajushhego Ministerstvom Narodnogo Prosveshhenija Nachal'stvam Uchebnyh Okrugov o Vstuplenii v Upravlenie Ministerstvom* [Circular Proposal by the Minister of Public Education to the Heads of Educational Districts to Join the Administration of the Ministry]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija*, 1834, no. 1, pp. XLIX–L.
112. Udalov S. V. *Teorija Oficial'noj Narodnosti: Mehanizmy Vnedrenija* [Theory of the Official Nationality: Mechanisms of Implementation]. *Osvoboditel'noe Dvizhenie v Rossii*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2006, no. 21, pp. 77–85.
113. Uspenskij B. A. *Russkaja Intelligencija kak Specificheskij Fenomen Russkoj Kul'tury* [Russian Intelligentsia as a Specific Phenomenon of Russian Culture]. *Rossija / Russia. Vyp. 2 (10): Russkaja Intelligencija i Zapadnyj Intellektualizm: Istorija i Tipologija*. Moscow: O. G. I. Publ., 1999, pp. 7–19.

114. Fedosova E. I. *Pervoe «Serdechnoe Soglasie» (K Voprosu o Franko-Anglijskikh Otnoshenijah v 30–40-e gg. XIX v.)* [The First "Cordial Agreement" (On the Question of French-English Relations in the 30–40s of the 19th)]. *Francuzskij Ezhegodnik 2008: Anglija i Francija – Sosed i Konkurenty. XIV–XIX vv.* Moscow: LKI Publ., 2008, pp. 201–219.
115. Francev V. A. *Pushkin i Pol'skoe Vosstanie 1830–1831 g. Opyt Istoricheskogo Kommentarija k Stihotvorenijam "Klevetnikam Rossii" i "Borodinskaja Godovshhina"* [Frantsev V. A. Pushkin and the Polish Uprising of 1830–1831. Attempted Historical Commentary on the Poems "Slanderers of Russia" and "Borodino Anniversary"]. Praga, 1929. 144 p.
116. Frolova I. I., Frolova A. A. *Informacionnaja Vojna v Sovremennyh SMI kak Faktor Manipuljativnogo Vozdejstvija na Obshhestvo: Monografija* [Information War in Modern Media as a Factor of Manipulative Influence on Society: Monograph]. Kursk: Universitetskaja kniga Publ., 2018. 169 p.
117. Homjakov A. S. *O Starom i Novom. Stat'i i Ocherki* [About the Old and the New. Articles and Essays]. Moscow: Sovremennik Publ., 1988. 461 p.
118. Homjakov A. S. *Sochinenija. V 2-h t.* [Works in 2 Volumes]. Moscow: Medium Publ., 1994, vol. 2. 478 p.
119. Cherkasov P. P. *Krizis Ijul'skoj Monarhii Glazami Agenta Tret'ego Otdelenija v Parizhe* [The Crisis of the July Monarchy through the Eyes of an Agent of the Third Department in Paris]. *Vestnik Jaroslavskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*, 2007, no. 2, pp. 5–7.
120. Cherkasov P. P. *Na Tajnom Fronte Krymskoj Vojny* [On the Secret Front of the Crimean War]. *Novaja i Novejshaja Istorija*, 2007, no. 6, pp. 186–210.
121. Chernyh V. V. *Adam Sagtynskij – Pervyj Shef Rossijskoj Razvedki* [Adam Sagtynsky – the First Chief of Russian Intelligence]. *Nauchnyj Dajdzhest Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii*, 2020, no. 6, pp. 302–308.
122. Shibaev D. V. *Metody Protivodejstvija Informacionnoj Vojne* [Methods of Countering Information War]. *Rossijskij Zhurnal Pravovyh Issledovanij*, 2016, no. 4 (9), pp. 60–67.
123. Shil'der N. K. *Imperator Nikolaj Pervyj, Ego Zhizn' i Carstvovanie. V 2-h kn.* [Emperor Nicholas I, His Life and Reign in 2 Volumes]. Moscow: Charli Publ., 1996–1997.
124. Shtofer L. L. *Informacionnaja Vojna kak Radikal'naja Forma Politicheskoy Bor'by* [Information War as a Radical Form of Political Struggle]. *Gumanitarij Juga Rossii*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 158–174. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.13.
125. Jablonskij I. V., Slepkan G. K. *Zarozhdenie Evropejskoj Seti Zagranichnoj Agentury v Period Raboty Tret'ego Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii* [The Emergence of a European Network of Foreign Agents during the Work of the Third Department of His Imperial Majesty's Chancellery]. *Pravo, Gosudarstvo i Jekonomika: Problemy Teorii, Istorii i Praktiki*. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii Publ., 2017, pp. 321–326.
126. Balzac H. de. *Lettre sur Kiev // Balzac H. de. Oeuvres complètes. Vol. 28.* Paris, 1963, pp. 505–536.
127. Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856)*. Paris: Fayard, 1967. 641 p.
128. Cortambert R. *Les illustres voyageurs*. Paris: E. Maillat, 1866. 396 p.
129. Dumas A. *Mes Mémoires. 2 v.* Paris: Gallimard Gallimard, 1954, vol. 1. 531 p.
130. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> *Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale*. Paris: Bertrand, 1843–1845. 3 vol.
131. Mestscherski Élim. *Les poètes russes traduits en vers français*. Paris, Librairie d'Amyot, Éditeur, 1846. 2 vol.
132. Roquette de la. *Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie*. Paris, 1850, vol. 14, no 79–84, pp. 29–58.

133. *Russian Demands on France // Westminster Review*, 1835, vol. XXIII, pp. 140–156.

134. T...y J. *Six mois suffisent-ils pour connaître un pays? ou Observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé "Six mois en Russie"*. Paris., 1827. 32 p.

**“PARTISAN TACTICS” OF INFORMATION WAR.
PART II: INFORMATION SECURITY IN THE EPOCH OF NICHOLAS I**

Orekhov V. V.

The article analyzes the principles of the information policy of Nicholas I. The matter concerns the dissemination of information within Russia and in the international space. This problem is relevant, since the information policy of Nicholas I vividly illustrates important shortcomings in the information security system. We believe that the main such drawback was the lack of a systematic, rational and objectified approach to protecting the state from information threats. The article also analyzes the effectiveness of censorship in the era of Nicholas I. Censorship was supposed to prevent European political ideas and anti-Russian information from entering Russia. This led to a narrowing of freedom of speech within the country, but did not block the flow of anti-Russian information from Europe. We also examine the strategy and tactics of the administration of Nicholas I in organizing counter-propaganda in Europe. We find out that serious mistakes were made in this area. Nicholas I underestimated the power of public opinion and the capabilities of the media. In addition, the emperor did not trust the voluntary initiatives of writers who sought to protect the prestige of Russia. All this led to the defeat of Nicholas I in the information war on the eve of the Eastern crisis.

Key words: imagology, information security, reciprocal reception, censorship, III Department, Y. N. Tolstoy, A. S. Khomyakov, P. A. Vyazemsky, F. I. Tyutchev.

УДК 070(470)(091)“1824/1825”

КРЫМСКАЯ ТЕМА В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»: 1824–1825 гг.

Первых Д. К.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: dianavasileva@yandex.ru*

В 1824 г. с выходом книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» и поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» крымская тема стремительно актуализируется для читателей столичных журналов. Этому способствуют библиографические обзоры («Сын Отечества», «Полярная звезда»), рецензии («Северный архив»), развернувшаяся литературная полемика («Вестник Европы»). Но основная роль в развитии крымской темы принадлежит издаваемому П. П. Свиным журналу «Отечественные записки», что связано с предпринятой издателем в 1825 г. поездкой на Кавказ и в Крым и последующими публикациями, позволившими донести до читателя, при возможности разных жанровых форм, информацию о природе, истории, обустройстве полуострова. Изучению редакторских решений журнала в подготовке «крымских» материалов посвящена статья.

Ключевые слова: И. М. Муравьев-Апостол, «Бахчисарайский фонтан», «Сын Отечества», «Отечественные записки», П. П. Свиный, «письмо издателя».

ВВЕДЕНИЕ

Самые популярные издания России 1810–1820-х годов объявляли в своей программе о постоянной публикации очерков об истории, хозяйстве различных регионов страны, и в разработке идеи познания родины актуальными были жанр путешествия, «письма в редакцию», обзора, статистического отчета и т. п. Как правило, в таких публикациях описывались природа, полезные ископаемые, археологические находки, история освоения местности, а также характерная для нее этнография, промыслы, особо сообщалось о деятельности администрации города, губернии, назывались имена и должности местного начальства. Изучение огромной страны представало перед читателем в виде развернутой во времени картины, эпически отражающей громадность и растущую мощь государства. Но в перечне описанных таким образом регионов мы, как ни удивительно, в 1810-е годы практически не встречаем описаний Крыма. Объяснить это можно тем, что путешествие в Крым еще не стало распространенным явлением и, по сути дела, с книгой И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» и поэмой А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» крымская тема стремительно актуализируется для читателя столичных журналов. Изучение редакторских решений журнала «Отечественные записки» в развитии крымской темы составляет **цель** настоящей статьи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1821 г. раздел «Библиография» журнала «Сын Отечества» [3, с. 232–234] сообщал о продаже «у придворного книгопродавца г. Сен-Фролана» по цене 1 р. 50 коп.» небольшой книги «почтенного любителя и знатока древней литературы» И. М. Муравьева-Апостола «Ольвия. Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приобщением перевода отрывка из Бористенской речи Диона Хрисостома»; объявление включало некоторые сведения об истории Ольвии, почерпнутые из нового сочинения. В феврале 1822 г. «Библиографическое обозрение» журнала «Северный Архив» в рубрике «Российская книга» повторило эту информацию [2, с. 286].

Книга Муравьева-Апостола не содержала собственно крымских материалов, а ограничивалась описанием поездки автора к развалинам античной колонии Ольвии (V в. до н. э. – III н. э.) на берегу Днепро-Бугского лимана, где побывал автор незадолго до поездки в Крым, точнее – по пути в Крым. С выходом «Ольвии» в качестве «отрывка из книги» Муравьев-Апостол спешил: шло активное изучение античности Северного Причерноморья (труды Д. Р. Рошетта, П. И. Кеппена), и он стремился заявить о собственных литературных размышлениях в этой сфере. Ожидаемая публикой книга Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» вышла из печати в конце 1823 г., и уже в декабре 1823 г. журнал «Сын Отечества» Н. И. Греча в разделе «Современная русская библиография» писал, начав с главного: «Таврида, самая пиитическая, самая богатая историческими памятниками и воспоминаниями классической древности область Российского Государства, искони была и долго будет предметом любопытства и полем изысканий для ученых и умных путешественников, для знатоков Истории, для любителей изящной природы <...> Редко можно найти человека, который был бы в состоянии рассматривать земли, их произведения и памятники как Историк, Археолог, гражданин и Поэт. В нынешнем случае находим приятное из общего почти правила исключение» [23, с. 229–230]. Популярный журнал задал, таким образом, не только новый «вектор» путешествий – Крым, но и обозначил условия успеха для автора: быть одновременно историком, археологом, гражданином и поэтом при описании Тавриды. Аннотация содержала перечень посещенных Муравьевым крымских мест с экзотическими названиями, так что каждому не терпелось прочесть новую книгу.

Спустя четыре месяца, в майском номере «Северного архива» была помещена рецензия на книгу Муравьева; вновь подчеркивалась безусловная привлекательность «классического уголка Российской империи» – Тавриды, которая «только с некоторого времени обратила на себя внимание ученой Европы»; автор, «одаренный светским умом, с глубокими сведениями в древних языках», «решился познакомить нас с древнею и новою Тавридой» [20, с. 151–152]. По мысли рецензента *N. N.*, книга Муравьева-Апостола «есть явление необыкновенное по важности заключающихся в оной сведений. <...> В сем отношении она может стать в ряду с отличнейшими европейскими сочинениями. <...> При сем сочинении приложена карта Таврического полуострова» [20, с. 158–159]. На книгу Муравьева-Апостола живо откликнулся в «Полярной звезде» А. А. Бестужев (ст. «Взгляд на русскую словесность в течение

1823 года)), отметив достоинство издания: «новость сведений географических», «точность исторических изысканий», «чистоту слога». Книга, утверждает критик, «заслуживает внимания европейцев», а автор – «особенную благодарность русских» [1, с. 314].

Этой же весной 1824 года в свет выходит «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина. По настоятельной просьбе А. С. Пушкина (знавшего о готовящемся выходе книги Муравьева-Апостола, но еще не читавшего ее), издатель поэмы и друг поэта П. А. Вяземский пометил «рядом» с поэмой отрывок («письмо») о Бахчисарае из «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола (получив на то авторское разрешение). А, кроме того, поэму «Бахчисарайский фонтан» «сопроводжал» написанный П. А. Вяземским (тоже по предложению Пушкина) «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», где основной пафос сосредоточился в словах «Издателя» (Вяземского): «История не должна быть легковерна, поэзия напротив» [5, с. 98]. На издание поэмы моментально отреагировал журнал «Вестник Европы», который, по словам П. П. Свиньина, «классики избрали полем своего ратоборства» (см.: письмо «Отдых в Москве издателя Отечественных записок на пути в Астрахань и Сибирь» (Письмо к редактору). От 16 мая. Москва» [18, № 51, с. 255]). Действительно, в марте 1824 г. «Вестник Европы» помещает «Второй разговор с издателем «Бахчисарайского фонтана» (подписано: N), представляющий собой продолжение затронутой Вяземским темы. Но объектом «ратоборства» стала не поэма «Бахчисарайский фонтан» и не бахчисарайский «Отрывок» Муравьева-Апостола, а «Разговор между издателем и Классиком» Вяземского, что уводило читателя в затянувшуюся внутрилитературную дискуссию. И все же полемика «классика» с «издателем» привлекла внимание и к поэме Пушкина, и к «экзотическому» литературному материалу. К тому же на вопрос «Издателя» о впечатлении от поэмы «Классик» «Вестника Европы» (М. А. Дмитриев. – Д. П.) отвечал: «Стихотворение прекрасное, исполненное чувств живых, картин верных и пленительных; и все это облечено в слог цветущий, невольно привлекающий свежестью и разнообразием!» [4, с. 61].

Но основной вклад в развитие «бахчисарайской», а шире – крымской – темы внес в это время журнал П. П. Свиньина (1787–1839) «Отечественные записки», опубликовавший в июльском номере 1824 г. статью «Описание Дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное, по приказу графа Миниха, капитаном Манштейном» [18, № 51, с. 75–100]. Причем самого издателя в это время в Петербурге не было. Судя по опубликованному в следующем номере журнала письму Свиньина к заменявшему его редактору Б. М. Федорову «Отдых в Москве издателя Отечественных записок на пути в Астрахань и Сибирь (Письмо к редактору). От 16 мая. Москва» [18, № 52, с. 251–263], издатель, в соответствии с программой «Отечественных записок», еще в начале мая отправился в многотрудное путешествие в Сибирь. В конце лета из Екатеринбурга (10 августа 1824 г.) он писал о своих маршрутах, делился впечатлениями («Объявление о продолжении Отечественных записок на следующий 1825 год. Екатеринбург, 10-го августа 1824 г.» [18, № 53, с. 408–411]). Т. о., в отсутствие Свиньина за подготовку всех публикаций журнала отвечал редактор, поэт Б. М. Федоров, и, думается, публикация

исторических материалов Манштейна о Бахчисарае была его инициативой. «Записки» Манштейна печатались уже в нескольких номерах журнала с обещанным «продолжением», но «бахчисарайский» фрагмент, возможно, Б. М. Федоров выбрал именно для этого номера. А для сравнения «со старинным описанием» Манштейна он «прилично» «присовокупляет» «выписку из Путешествия по Тавриде И. М. Муравьева-Апостола» с пояснением, что читателю «приятно будет сличить два описания жилища Бахчисарайских Ханов» и что «любопытное повествование нового путешественника может ближе ознакомить с сим разрушающимся памятником Восточной неги и пышности» [18, № 51, с. 84–100]. Кроме того, текст Муравьева-Апостола в сносках «иллюстрируется» отрывками из поэмы «Бахчисарайский фонтан» [18, № 51, с. 94, 96]. Такую компоновку разнородных материалов (собственно исторических, публицистических и поэтических) в одной публикации следует признать хорошо продуманной: в центр внимания попадал новый для российской публики экзотический локус – Бахчисарай и Крым, что, в свою очередь, открывало впечатленным читателям новые векторы путешествий. И Бахчисарай, и Ханский дворец стали впоследствии для всех путешественников местом обязательного посещения, особенно после гибели А. С. Пушкина [15; 16; 10, с. 168–178; 7, с. 149–162, 359–430].

К заслугам П. П. Свинына-редактора следует отнести его ежегодные поездки по России и оперативную публикацию материалов о них [8; 9]. П. П. Свинын не уставал уверять читателей, насколько важно путешествовать по отечеству. «Только зная свое Отечество, россиянин может в полной мере чувствовать свое достоинство <...>. Можно излечиться от слепого пристрастия к иностранцам и, наконец, можно с пользою и приятностию путешествовать по обширной России», – писал он в объявлении «О продолжении издания «Отечественных записок на 1826 год» [18, № 65, с. 426–427]. Публикации о его путешествиях выходили оперативно и оформлялись в виде писем, присылаемых «с пути» редактору Б. М. Федорову; роль издателя-«очевидца», страстного путешественника формировала Свиныну соответствующий имидж. Не случайно Б. М. Федоров язвительно подметил в 1824 г. Ф. В. Булгарину («Федоров Б. «Ответ издателю двух журналов Ф. В. Булгарину»), что издатель «Отечественных записок» «обозревает Отечество не в одном Кабинете, но в путешествиях» [18, № 63, с. 376].

Летом 1825 г. П. П. Свинын совершил путешествие на юг России – на Кавказ и в Крым – и о поездках своих рассказал, по отработанной уже тактике, до возвращения в Петербург, в письмах редактору «Отечественных записок». Так, по пути в Крым Свинын посетил Кавказ (в июне-июле 1825 г.), лечебные Теплые (Горячие) воды, и уже в августе подписчики «Отечественных записок» в разделе «Переписка» могли прочесть рассказ Свинына о «праздновании Байрама черкесском Ауле», о впечатлениях от поездки по Закубани («Письмо Издателя Отечественных записок к Редактору. Теплая вода, от 15 июля» [18, № 64, с. 241–250]). В этом же номере журнала опубликовано следующее по срокам его письмо к Б. М. Федорову из Ставрополя – о посещении кавказских вод и состоявшихся там встречах («Письмо П. П. Свинына к Редактору из Ставрополя. 26 июля 1825» [18, № 64, с. 250–254]). Ко всему, Свинын шлет редактору список лечившихся на Кавказе, и материал

немедленно был напечатан в разделе «Смесь» – «Список посетителей и посетительниц Кавказских вод в 1825 году (По июль)». В сноске уточнено: «Прислан<ный> от П. П. Свинына», что должно было подчеркнуть верность сведений. В «Списке» 272 известных и малоизвестных («провинциальных») фамилий, что позволяет представить картину бытования кавказского курорта. Приведем некоторые фамилии, сохраняя особенности их написания при публикации: «*Арсеньева* Елизавета Алексеевна, вдова-поручица из Пензы, при ней внук Михайло *Лермантов*, родственник ея Михайло *Пожогин*, Доктор Ансельм *Левиз*, Учитель Иван *Капа*, Гувернерка Христина *Ремер*» [18, № 64, с. 260]; «*Барон Розен*, Александр Владимирович, Генерал-Маиор, из С.-Петербурга» [18, № 64, с. 265], «*Князь Шаховской*, Иван Леонтьевич. Генерал-Лейтенант, из Калуги, с ним Адъютант Владимир Андреевич *Толстой*, Капитан Гвардии, и Василий Семенович *Коханов*» [18, № 64, с. 258]; «*Воейков* Николай Павлович, Адъютант Корпусного Командира Г. Генерала от Инфантерии Ермолова, Лейб-Гвардии Московского полка Поручик, из Тифлиса» [18, № 64, с. 263], «*Бороздин*, Алексей Дмитриевич. Надворный Советник, из Москвы» [18, № 64, с. 280]; «*Стевин* (так в тексте. – Д. П.) Христиан Христианович (Стевен, основатель и директор Никитского ботанического сада. – Д. П.), статский Советник, из Симферополя» [18, № 64, с. 272]; «*Гнедич*, Николай Иванович, Коллежский Советник, Императорской Публичной библиотеки Помощник Библиотекаря, из Санкт-Петербурга» [18, № 64, с. 274] и др. «Одних генералов было на Кавказских водах семнадцать человек», – пишет Свинын, и ему представляется, что «Список» «не мешало бы» в Летописях Отечественных записок опубликовать: «Оставляя все прочие уважения – можно будет со временем судить по сему о врачевности сих источников» [18, № 64, с. 253], которые «старанием попечительного начальства здешнего, вероятно, в скорости сравнятся с иностранными и насчет разных удобностей жизни» [18, № 64, с. 253–254]. Воспользовавшись случаем поправить здоровье на водах, П. П. Свинын провел в Кисловодске 2 недели, что следует из его письма Б. М. Федорову.

Необходимо отметить, что в сложившейся практике «писем издателя» «Отечественных записок» к редактору Б. М. Федорову ни одно письмо не носило характера инструкций; напротив, они ориентированы на жанр «дружеского послания», изобиловали личными впечатлениями и доверительными интонациями – хотя, несомненно, предполагались для публикации. Это импонировало Б. М. Федорову и, одновременно, делало публикацию убедительнее и привлекательнее. П. П. Свинын, к примеру, пишет, что «распрощался с *Нарзаном*» «самым нежным образом»; «вдобавок к веселостям на Кислых водах» он «имел случай видеть фокусника *Финарди* с труппою». Заключала «Письмо издателя» фраза, по которой можно судить о маршруте продолжающейся поездки – в Крым, и, кстати, видеть в этом указание читателям на возможные пути для совмещения путешествий на Кавказ и в Крым: «Сейчас отправляюсь на Кубань, в Черноморию, где вряд ли месяц придется взять перо в руки» [18, № 64, с. 254]. Но еще до приезда в Крым П. П. Свинын спешит послать Федорову «Статистические сведения о Симферополе, Нахичевани, Таганроге. Мариуполе, Кременчуге, Ставрополе, Новочеркасске в 1823 году»; они без задержки опубликованы в разделе «Смесь» того же августовского

номера журнала. В сноске читаем, что «сведения сии доставлены от А. Ф. Рихтера, путешествовавшего в 1823 году с Его Сият<ельством> Господином Государственным Канцлером графом Н. П. Румянцовым по Южной России. Пр<имечание> Редактора» [18, № 64, с. 282] и, стало быть, предложенные читательскому рассмотрению материалы получены от авторитетных чиновников и достойны полного доверия. О Симферополе, в частности, сказано, что количество жителей в 1823 г. составляло здесь 2431 чел. Из них христиан обоего пола 877, евреев 163, магометан 1391. Церквей православных греко-российских 2, греческая 1, римско-католическая 1, армянская 1; еврейская школа 1, мечетей магометанских 4. Среди строений Симферополя в 1823 г. домов европейских насчитывалось 265, азиатских 262 (всего 527) [18, № 64, с. 282].

Симферополь активно застраивался в эти годы, очень скоро Свиньин имел возможность убедиться в этом и описать в новой корреспонденции редактору Б. М. Федорову «Знакомства и встречи на Южном берегу Тавриды. Письмо Издателя Отечественных Записок к Редактору» [18, № 66, с. 119–132], подготовленной в Николаеве 3 сентября 1825 г. – на обратном пути из Крыма. Путешествие по полуострову началось с Феодосии, «лучшего города во всем Крыму» [18, № 66, с. 121], отсюда едет «верхом, на татарской лошади» через Старый Крым – в Судакскую долину, впечатлявшую ухоженностью «богатейших» владений (Свиньин перечисляет владельцев); по берегу моря через Кучук-Узень (ныне Малореченское. – Д. П.) добирается в «будуар всего Крыма» – поместье Кучук-Ламбат (Малый Маяк. – Д. П.) А. М. Бороздина, где «самый прихотливый житель столицы может получить понятие о наслаждениях жизни в сем краю» [18, № 66, с. 123]. Далее по Южному берегу путешественник следует в сторону Севастополя, посетив имения Партенита, Гурзуфа, Никитский ботанический сад, Массандру, Ялту, Алупку, где граф М. С. Воронцов «предполагает выстроить великолепный замок в восточном вкусе» [18, № 66, с. 128]. Что важно, П. П. Свиньин настойчиво удерживается на теме быстрого «населения» Южного берега «значительными помещиками», объясняет выгоды приобретения здесь земель и обустройства имений; это поддерживало инициативы Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в отношении развития Крыма, его стремление привлечь в Крым капиталы богатых помещиков, чиновников и деловых людей. «Граф Михайло Семенович (Воронцов. – Д. П.) сказывал мне, – пишет П. П. Свиньин, – что ему <...> даны поручения от многих петербургских жителей для приобретения земель и садов на Южном берегу» [18, № 66, с. 129], и далее рассуждает, что если бы «помещики поселились хотя на несколько месяцев в своих крымских владениях», то, «вкуся разницу с северными удовольствиями сельской жизни», нашли бы «приятности избранного общества на Южном берегу» [18, № 66, с. 129]. Немало место в письме уделено встречам с представителями «избранного общества», чиновниками Крыма, с помещиками, путешественниками по Крыму. Ярко описана, в частности, встреча с Ф. Ревелиоти [17, с. 87–90], а также А. С. Грибоедовым [16, с. 200–201], с которым у Свиньины связаны самые добрые чувства. В частности, в апреле 1825 г. в «Санкт-Петербургских современных летописях» «Отечественных записок» («Записка, посланная в Москву к Михаилу Яковлевичу Толстому о разного рода

С.-Петербургских новостях. 10 апреля 1825») он делился, что в Петербурге «с восхищением видел, с каким вниманием, можно сказать, с жадностью читалась и слушалась в лучшем кругу общества комедия А. С. Грибоедова – *Горе от ума*» [18, № 60, с. 179].

Крымские знакомства Свинына оказались широкими, и пишет о них издатель «Отечественных записок», подчеркивая отношение к Крыму, «Русской Швейцарии»: «Всегда с удовольствием буду еще вспоминать о двух встречах, сделанных мною в Бахчисарае. Первая – с Иваном Акимовичем *Мальцовым*, приехавшим в Крым нарочно с сыном и племянником, чтоб показать им Русскую Швейцарию, – неверя их ни наемникам, ни чужеземным менторам, с коими нежные отцы наши нередко отпускают чад своих – шататься по Европе, и кои привозят питомцев своих, к обрадованию родителей, *совершенными парижскими или английскими оригиналами*» [18, № 66, с. 131–132]. «Вторая встреча» в Бахчисарае «была с *г. Годафруа*, резидентом ганзеатических городов, прискакавшим из Петербурга, чтоб осмотреть Крым, о коем получил уже он предварительное понятие из различных описаний»: «Я с особенною готовностью сообщил сему благомыслящему иностранцу некоторые нужные для того сведения» [18, № 66, с. 132]. Автор крымского «Письма» достаточно прозрачно советует читателям при выборе маршрутов путешествий отдать предпочтение Крыму перед поездками в Европу [18, № 66, с. 119–132]. Кроме того, читателю этого материала Крым видится не только прекрасным уголком природы, а регионом активного освоения, где каждый может найти счастье поселиться здесь навсегда. Для того путешествующий издатель рассказывает Б. М. Федорову «о замечательнейших владельцах Южного берега», благодаря которым теперь «начинают давать цену стране сей и те, кои видели Италию и Швейцарию»: «Согласитесь, что с водворением помещиков столь просвещенных <...> Таврида обратится вскорости в земной рай» [18, № 66, с. 120]. Впервые открыто заявлялось о прагматических возможностях заселения крымских земель. Следует сказать, что программа М. С. Воронцова возымела успех. Свинын писал, что граф М. С. Воронцов (с которым он встретился на эскадре адмирала Грейга) «по несколько месяцев» проводит в Крыму «в кругу многочисленного общества, с ним приезжающего и отовсюду стекающегося» [18, № 66, с. 125]. Подтверждение этому находим и в других текстах [14, с. 185–214].

Крым привлекает и своей историей, мифологией. В этом же, октябрьском, номере «Отечественных записок» опубликована, видимо, полученная П. П. Свиныным в Крыму статья «О местоположении Балаклавского Георгиевского монастыря в Крыму». Под статьей лишь дата: 1820; автор ее не указан, но впечатляет его увлеченность историей поиска храма Дианы и основания Георгиевского монастыря на мысе Фиолент (близ Севастополя): «По многим Историям, и в особенности эллиногреческой, персидской и по преданиям на индийских гиероглифах <...> утверждается, что в Таврии, на полуострове так называемом Трахейском, на мысе Парфенион, за 1700 лет до Рождества Христова существовал языческий храм Дианы. Разрушение онаго последовало во время тавров при царе Фоасе». Далее излагается версия судьбы Ифигении, брата ее Ореста и друга его Пилада: «Сии два друга разрушили храм, убили Фоаса и увезли Ифигению. Тавры в

благодарность Оресту за истребление храма Дианы, в котором лилась (кровь человеческая, построили на том же месте храм Орестионов <...>» [18, № 66. с. 97].

Загадочная, величавая красота мыса Фиолент не оставляет автору сомнений, «что место храма Дианы есть то самое место, на котором ныне сооружен монастырь святого Георгия»: «В доказательство представляется и то, что, по преданиям, близ храма Дианы должен быть в море камень, похожий на барана. Камень таковой фигуры и теперь виден перед самым монастырем близ берега. Кроме того, известно, что скала, на которой находился храм Дианы, – несколько походит на женщину. Сие также и теперь видно. – Камень на берегу моря, отделившийся от горы, величины чрезвычайной, вышиною более сорока сажен, представляет некоторым образом фигуру женщины; на нем в нескольких местах видны следы рук человеческих, но многочисленными веками точность сходства истреблена <...> Что может устоять и что не изменится через 30 и более веков?» [18, № 66, с. 99]. Наконец приводится такой довод: «Преосвященный греческий митрополит Хрисанф, пребывая в Балаклавском Георгиевском монастыре и зная во всей подробности берега Черного моря, имел случай обозреть их – и решительно заключает, что если верить существованию в Крыме древняго храма Дианы, то неоспоримо место онаго есть место нынешняго Балаклавского Георгиевскаго монастыря» [18, № 66, с. 101]. Возможно, правильным будет предположить, что представленный в журнале материал Свиньину вручил в Крыму автор, согласившись на публикацию, но не считая возможным открыть свое имя. О мифологическом храме Дианы и его местоположении писали многие путешественники по Крыму, в том числе Муравьев-Апостол [22, с. 295–298], А. С. Пушкин [6, с. 34–39; 13, с. 202–203]. Опубликованная статья о Георгиевском монастыре стала для «Отечественных записок» ценным приобретением, «вписывалась» в уже существовавшую полемику, выстраивающую исторический и романтический дискурс [12, с. 8–31] журнальной информации о Крыме.

Историческое знание было особенно в почете у читателей российских журналов, слова *Наука* и *История* писались с заглавной буквы. Ноябрьский номер «Отечественных записок» содержал очередную подачу «Памятных записок Александра Васильевича Храповицкого», статс-секретаря императрицы Екатерины II (печатались в «Отечественных записках» с 1821 года). Кстати, А. В. Храповицкий неоднократно подчеркивает исторические знания императрицы, ее внимание к русской исторической мысли. Так, судя по «Запискам», императрица, помимо разговоров о европейской политической истории, обращалась к статс-секретарю с беседами по истории русской или для исторических комментариев: «27 июля. Показывал я (на карте. – Д. П.) реку Сить в Ярославской губернии <...> На Сити убит Кн. Владимир Юрьевич Рязанской от Татар» [18, № 67, с. 180]; «Позван для выслушания раздробления России на удельные Княжения во время нашествия Татар» [18, № 67, с. 181]; «Во время разговоров об Истории Российской – сказано мне, что Александр Невский был истинный герой» [18, № 67, с. 187–188]; «Приказали написать к Черниговскому Епископу, чтобы, списав верно из библиотеки тамошней <...> «Летописец», в 1669 году Боболинским сочиненный, прислал сюда через почту по тетрадам» [18, № 67, с. 198] и т. д. Дневник («Записки») Храповицкого читались

на одном дыхании, особенно захватывающей была информация августа-сентября 1791 г. о подготовке Ясского мирного договора с Османской империей и роли Светлейшего кн. Г. А. Потемкина-Таврического в острый период переговоров. Но именно в это время, в августе 1791 г. Екатерина II получила первые известия о болезни Светлейшего. Теперь каждая запись о Потемкине обретает сакральный смысл, как, например, последний выезд из Петербурга – в направлении Ясс: «5 июля. Отправился из Ц<арского> Села Князь Потемкин в 5 часов утра, по Белорусской дороге» [18, № 67, с. 179].

11 октября курьер привез в Петербург трагическое известие, «что Потемкин повезен из Ясс и, не переехав сорока верст, умер на дороге 5 октября прежде полудня... Слезы» [18, № 67, с. 190]. «В сердечной горести» императрица произнесла: «Трудно Потемкина заменить <...>, – умный человек, его нельзя было купить» [18, № 67, с. 190–191]. Российский читатель не мог не оценить исторических заслуг Г. А. Потемкина-Таврического, руководившего присоединением Крыма, создавшего Черноморский флот, основавшего несколько городов на Юге страны, в том числе Севастополь. Подготовленный им Ясский договор был заключен 29 декабря 1791 г. (по ст. ст.); документ закрепил за Россией «вечно в совершенном и беспрепятственном владении» Крым и Северное Причерноморье между южным Бугом и Днестром; в 1794 г. на этих землях была основана Одесса.

В декабрьском номере «Отечественных записок» первый же материал был связан с путешествием П. П. Свиньина в Крым – «Своеручная записка Государыни Императрицы Екатерины II о разделении лесоводства в России». Публикации сопутствует важная сноска: «Драгоценную записку сию я получил от г-жи Паллас в бытность мою в Симферополе». Записка «препровождена была к Палласу» с просьбой «написать по содержанию оной ответ» [18, № 68, с. 333, 335]. Суть послания императрицы состоит в предложении разделить пространство страны на зоны («области») – по условиям произрастания лесов – северную, среднюю и южную.

Редакторская сноска обладает потенциалом комментирующего «расширения». П. С. Паллас (1741–1811), член Петербургской Академии наук, географ, путешественник, имел огромные заслуги по изучению Крыма [19]; с 1896 г. жил в Симферополе, в имении на берегу Салгира (ныне парк Салгирка; Ботанический сад им. Н. В. Багрова КФУ им. В. И. Вернадского). Дом Палласа сохранился до наших дней. В 1810 г. Паллас получил разрешение на бессрочную командировку на родину в Берлин; умер в Берлине 8 сентября 1811 г. Его молодая жена Каролина Ивановна Польшман в Берлин уехать не согласилась и осталась, как прежде, жить в имении (Каролиновка); известно, что испытывала материальные затруднения. Ее и посетил П. П. Свиньин в Симферополе, в Каролиновке (совр. Салгирке), в августе 1825 г. и получил «драгоценную записку».

Крым еще будет упомянут в декабрьском выпуске журнала, но – в трагическом контексте. Закрывающий год декабрь оказался для «Отечественных записок», как и для всех российских журналов, чрезвычайным. В конце ноября, когда номер, очевидно, был уже подготовлен и прошел цензуру, в Петербурге получено известие о кончине 19 ноября 1825 г. в Таганроге императора Александра I. Началась подготовка траурных публикаций. Наперед скажем, что, в сравнении с ведущими

столичными журналами, «Отечественные записки» представили материалы гораздо информативнее, в жанровом смысле – более продуманно и оперативно. Так, в раздел «Переписка» в траурной рамке было помещено пространное «Письмо из Таганрога от 22 ноября 1826 года с подробностями о болезни и кончине Императора Александра Павловича» [18, № 68, с. 477–482]. Подписи под текстом нет, зато в начале текста содержится намек на имя адресата – П. П. Свинына: «М<илостивый> Г<осударь> П<авел> П<етрович>». «Прозрачные» намеки встречаются и в середине текста («п<очтенный> П<авел> П<етрович>»), а кроме того, несколько фраз «свидетельствуют» о давней дружбе автора письма с издателем «Отечественных записок». К примеру: «Не оставляю *собирать для Вас* умильные черты благодати пребывания здесь Августейшей четы <...> Государь недавно еще пожаловал достаточную сумму на улучшение *известного вам нашего сада*, которым занимается теперь прибывший из Ропши известный садовник Грей (курсив мой. – Д. П.)» [18, № 68, с. 481]. Доверяясь стилистике «дружеского послания», читатель с особым чувством воспринимает подробности о последних днях жизни царя, тем более присланные человеком из царского окружения в Таганроге, таганрогским жителем; упомянутые в письме факты в этом убеждают: на содержание сада-парка действительно было выделено, по указу императора, 11500 рублей и садовник-англичанин Грей действительно был направлен из Петербурга в Таганрог. Из письма читатель узнавал, что 5 ноября «Император Александр Павлович, возвращаясь в Таганрог из путешествия своего по Крыму, чувствовал себя <...> нездоровым»: «Говорят, что Государь простудился, едучи в Георгиевской монастырь, от внезапно подувшего сильного северо-западного ветра с моря. Вскоре открылись припадки лихорадки» [18, № 68, с. 478].

Со смертью императора выростал вопрос престолонаследия; об этом думали россияне, об этом думала Европа [11]. События развивались стремительно. 14 декабря произошло восстание декабристов на Сенатской площади; уже в ночь на 15 декабря петербургское общество узнало фамилии арестованных «заговорщиков» – знакомых, родственников, сослуживцев. Потрясение было всеобщим. 15 декабря вышли «Прибавления» к газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 100), где давалась официальная оценка произошедшего. Редакции «Отечественных записок» приходится удалять или выверять подготовленные к печати материалы. Свинын вновь обращается к отработанной и оправдавшей себя форме «письма».

Так, ниже письма из Таганрога он помещает содержательно связанное с ним «Письмо Издателя в Казань от 17-го декабря 1825 года, С.-Петербург». П. П. Свинын обращается к адресату, как к старому другу («Извините, что я так давно не писал вам...») [18, № 68, с. 482–498], подробно рассказывает о событиях, происходивших в столице с получением известий о болезни и смерти императора; дважды упоминает о письмах из Таганрога (о «дошедших из Таганрога от 30 ноября известиях» [18, № 68, с. 493], о полученных «вчерашнего числа» из Таганрога «сведениях» о здоровье императрицы [18, № 68, с. 494]) – эти детали сообщают предыдущему письму дополнительную убедительность. Однако в письме в Казань нет ни слова о заговорщиках. Трудно сказать, какая организационная работа происходила в редакции, но вслед за «Письмом в Казань от 17-го декабря» в журнале появляется

«Второе письмо в Казань Издателя “Отечественных записок” от 18 декабря 1825 года. С.Петербург». В новом письме «к другу» верноподданно приветствует восхождение на престол Николая I; это письмо, к тому же, предваряет публикацию Манифеста об отречении от престола Великого Князя Константина Павловича, «при жизни Государя Императора учиненное и согласиём Его Величества утвержденное» [18, № 68, с. 503], и о вступлении на Престол Николая Павловича «с 19 ноября 1825 года» [18, № 68, с. 507]. Как и все «письма» П. П. Свиньина, ориентированные «на провинцию» (даже когда Свиньин сам пишет «из провинции»), видимо, «Второе письмо в Казань» «с приложением Манифеста и всех относящихся к оному Актов» призвано было на представленных государственных документах разъяснить провинциальному читателю юридические нюансы престолонаследия; такая форма коммуникативной связи, несомненно, способствовала «усвоению опубликованного в печати факта» [21, с. 45], выполняла основную функцию прессы – «информировать современников о действительности и одновременно формировать определенное представление о ней» [8, с. 82].

Что касается крымских материалов летнего путешествия, то П. П. Свиньин продолжал работу над ними всю осень 1825 г. Путешествуя по Кавказу, по Крыму, он вел подробные «путевые записки», составившие «несколько толстых книг»; он обещал их обработать и обнародовать. Действительно, в числе первых материалов январского, февральского и мартовского номеров «Отечественных записок» 1826 года появились объемные материалы «Обозрение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году, относительно археологии. Читано им 16 октября 1825 года в Обществе Истории и древностей российских, учрежденном при Императорском московском университете». Крыму в «Обзрении путешествия издателя» отводилось немало места [18, № 69, 70, 71], но это тема отдельного исследования.

ВЫВОДЫ

Тематический анализ журналов «Северный Архив», «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Отечественные записки» за 1824–1825 годы позволяет говорить, что актуализация крымской тематики в эти годы связана с выходом из печати книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» и поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Особенно действенными в этом смысле следует признать редакционные решения и жанровые находки журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньина. Путешествие издателя в Крым становится «исходным» информационным «источником», позволяет не только собрать и транслировать широкий материал по истории полуострова и его современному хозяйственному состоянию, но и воздействовать на публику убеждением, что необходимо поддержать инициативы М. С. Воронцова по благоустройству Крыма. Жанровый ресурс форм «расширения» фактологического ряда многообразен: авторская статья, «письмо издателя к редактору», публикация исторических трудов «в обрамлении» цитат (отрывков) из современной литературы, комментирующие сноски, статистические подборки, использование реальных документов.

Список литературы

1. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения. В 2-х т. / А. А. Бестужев-Марлинский. – М.: Худож. лит., 1981. – Т. 2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Статьи; Письма / Сост.; подгот. текста; коммент. В. И. Кулешова. – 591 с.
2. Библиографическое обозрение / Б. п. // Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. – СПб.: В Типографии Н. Греча, 1822. – № 3. – С. 279–286.
3. Библиография / Б. п. // Сын Отечества. Исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Н. И. Гречем. – СПб.: В Типографии Н. Греча, 1821. – № XXV. – С. 232–234.
4. Второй разговор с издателем «Бахчисарайского фонтана» / Н. (М. А. Дмитриев) // Вестник Европы, составляемый Михаилом Каченовским. – М.: В Университетской типографии, 1824. – Ч. 134. – № 5 (выход в свет 27 марта). – С. 47–62.
5. Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Литературно-критические статьи / П. А. Вяземский; Сост., подгот. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. – М.: Худож. лит., 1982. – 383 с.
6. Кошелев В. А. Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки / В. А. Кошелев. Великий Новгород – Симферополь – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – 303 с.
7. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет; науч. ред В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
8. Кузьминов П. А., Тахушева И. С. Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественных Записках» (1818–1867 гг.) / П. А. Кузьминов, И. С. Тахушева // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2016. – № 4. – С. 81–87.
9. Кузьминов П. А., Тахушева И. С. П. П. Свиньин и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных Записках» (1818–1838) / П. А. Кузьминов, И. С. Тахушева // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2018. – № 2. – С. 41–47.
10. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. Орехова В. В. – К.: Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
11. О кончине Государя Императора Александра I / Б. п. // Сын Отечества. Исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Н. И. Гречем. – СПб.: В Типографии Н. Греча, 1825. – Ч XXIV. – С. 384–404.
12. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа / В. В. Орехов. – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
13. Орехов В. В. Миф о разрушении Херсонеса: эпизод литературного освоения Крыма / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. – Томск, 2021. – № 15. – С. 194–213.
14. Орехов В. В. Француженка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму / В. В. Орехов // Историческое наследие Крыма. – № 8. – Симферополь, 2004. – С. 183–215.
15. Орехова Л. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации. Крым в жизни и творчестве А. С. Пушкина (Материалы Всероссийского форума, посвященного 215-й годовщине со дня рождения поэта, 6–8 июня 2014 г.) / Л. А. Орехова // Вестник Псковского государственного университета. Вып. 1. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Псков: Псковский государственный университет, 2015. – С. 258–265.

16. Орехова Л. А. Чатырдаг как объект географических и исторических интересов А. С. Грибоедова / Л. А. Орехова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 177–205.
17. Орехова Л. А., Первых Д. К. Письмо П. П. Свинына в «Отечественные записки» как материал для комментария к «Путевым заметкам» А. С. Грибоедова / Л. А. Орехова, Д. К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 70–91.
18. Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиныным. – СПб.: В Типографии А. Смирдина, 1824–1826. – №№ 45–78.
19. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по Южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
20. Путешествие по Тавриде в 1820 году г. Муравьева-Апостола / (N. N.) // Северный архив, журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. – СПб.: В Военной Типогр. Главного Штаба Его Императорского Величества, 1824. – № 9. – С. 151–160.
21. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – № 3. – С. 44–50.
22. Сентиментальные путешествия в Тавриду: П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол. / Изд. подг. И. С. Абрамовская, А. А. Охременко; науч. ред. В. А. Кошелев. – Великий Новгород – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2016. – 507 с.
23. Современная русская библиография / Б. п. // Сын Отечества. Исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Н. И. Гречем. – СПб.: В Типографии Н. Греча, 1823. – № LI. – С. 228–232.

References

1. Bestuzhev-Marlinskiy A. A. *Sochineniya. V 2-kh t.* [Essays. In 2 Volumes]. Moscow: Hudozhestvennaja Literature Publ., 1981, vol. 2. 591 p.
2. *Bibliograficheskoye Obozreniye* [Bibliographic Review]. *Severnyy Arkhiv. Zhurnal Istorii. Statistiki i Puteshestviy. Izdavayemyy F. Bulgarinym.* St. Petersburg: Tipografija N. Grecha Publ., 1822, no. 3, pp. 279–286.
3. *Bibliografiya* [Bibliography]. *Syn Otechestva. Istoricheskiy, Politicheskiy i Literaturnyy Zhurnal, Izdavayemyy N. I. Grechem.* St. Petersburg: Tipografija N. Grecha Publ., 1821, no. XXV, pp. 232–234.
4. *Vtoroy Razgovor s Izdatelem «Bakhchisarayskogo Fontana»* [The Second Conversation with the Publisher of the "Bakhchisarai Fountain"]. *Vestnik Evropy. Sostavlyayemyy Mikhailom Kachenovskim.* Moscow: Universitetskaja Tipografija Publ., 1824, vol. 134, no. 5, pp. 47–62.
5. Vyazemsky P. A. *Sochineniya: V 2-h t. T. 2. Literaturno-Kriticheskie Stat'i* [Essays in 2 Vols. Vol. 2. Literary and Critical Articles]. Moscow: Hudozhestvennaja Literature Publ., 1982. 383 p.
6. Koshelev V. A. *Tavrisheskaya Mifologiya Pushkina: Literaturno-Istoricheskiye Ocherki* [Pushkin's Tauric Mythology: Literary and Historical Essays]. Velikiy Novgorod – Simferopol – Nizhniy Novgorod: ООО «Rastr», 2015. 303 p.
7. *Krymskii Mif v Russkoi Kul'ture Pervoi Poloviny XIX v. Svod Maloizvestnykh Svidetel'stv Sovremennikov* [Crimean Myth in Russian Culture of the First half of the 19th Century. A Collection of Little-Known Testimonies of Contemporaries]. Velikiy Novgorod – Simferopol: Rastr Publ., 2017. 768 p.
8. Kuzminov P. A., Takhusheva I. S. *Kavkaz v Redaktsionnoj Politike Zhurnala «Otechestvennykh Zapiskakh» (1818–1867 gg.)* [Kavkaz in the Editorial Policy of the Journal «Otechestvennye Zapiski» (1818–1867)]. *Scientific Thought of the Caucasus*, Rostov-on-Don, 2016, no. 4, pp. 81–87.

9. Kuzminov P. A., Takhusheva I. S. P. P. *Svin'in i Translâciâ Istorii Narodov Severnogo Kavkaza v «Otechestvennyh Zapiskah» (1818–1838)* [P. P. Svinin and the Translation of the History of the Peoples of the North Caucasus in «Otechestvennye Zapiski» (1818–1838)]. *Scientific Thought of the Caucasus*, Rostov-on-Don, 2018, no. 2, pp. 41–47.
10. Montandon Sh. *Putevoditel' Puteshestvennika po Krymu, Ukrashennyi Kartami, Planami, Vidami i Vin'etami i Predvarennyi Vvedeniem o Raznykh Sposobakh Pereezda iz Odessy v Krym* [Traveler's Guide to Crimea, Decorated with Maps, Plans, Views and Vignettes and Preceded by an Introduction about Different ways of Moving from Odessa to Crimea]. Kiev: Izdatel'skii Dom "Stilos" Publ., 2011. 416 p.
11. *O Konchine Gosudarya Imperatora Aleksandra I* [On the Death of the Sovereign Emperor Alexander I]. *Syn Otechesva. Istoricheskiiy, Politicheskiiy i Literaturnyy Zhurnal, Izdavayemyy N. I. Grechem*. St. Petersburg: Tipografija N. Grecha Publ., 1825, vol. XXIV, pp. 384–404.
12. Orekhov V. V. *V Labirinte Krymskogo Mifa* [In the Labyrinth of the Crimean Myth]. Simferopol – N. Novgorod: Rastr Publ., 2017. 579 p.
13. Orekhov V. V. *Mif o Razrushenii Khersonesa: Epizod Literaturnogo Osvoyeniya Kryma* [The Myth of the Destruction of Chersonesos: an Episode of the Literary Development of the Crimea]. *Imagologiya i Komparativistika*, Tomsk, 2021, no. 15, pp. 194–213.
14. Orekhov V. V. *Frantsuzhenka Omer de Gell i Eye Puteshestviye po Krymu* [Frenchwoman Omer de Gelle and Her Trip to the Crimea]. *Istoricheskoye Naslediye Kryma*, Simferopol. 2004, no. 8, pp. 183–215.
15. Orekhova L. A. «Bakhchisaraiskii Fontan» A. S. Pushkina v *Literature Puteshestvii po Krymu: Problemy Interpretatsii* [“The Bakhchisarai Fountain” by A. S. Pushkin in Travelling Literature on the Crimea: Problems of Interpretation]. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Sotsialno-Gumanitarnye Nauki»*, Pskov: PGU Publ., 2015, no. 1, pp. 258–265.
16. Orekhova L. A. *Chatyrdag kak Obyekt Geograficheskikh i Istoricheskikh Interesov A. S. Griboyedova* [Chatyrdag as an Object of Geographical and Historical Interests of A. S. Griboyedov]. *Uchenyye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo*, 2020, vol. 6 (72), no. 3, pp. 177–205.
17. Orekhova L. A., Pervykh D. K. Pismo P. P. Svinina v «Otechestvennyye Zapiski» kak Material dlya Kommentariya k «Putevym Zаметkam» A. S. Griboyedova [P. P. Svinin's Letter to the "Otechestvennye Zapiski" as a Material for a Commentary on the "Travel Notes" by A. S. Griboyedov]. *Uchenyye Zapiski Krymskogo Federalnogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo*, 2020, v. 6 (72), no 4, pp. 70–91.
18. *Otechestvennyye Zapiski, Izdavayemyye Pavlom Svininyem* [Otechestvennyye Zapiski Published by Pavel Svinin]. St. Petersburg: Tipografija A. Smirdina Publ., 1824–1826, no. 45–78.
19. Pallas P. S. *Nablyudeniya, Sdelannyye vo Vremya Puteshchestviya po Yuzhnyim Namestnichestvam Russkogo Gosudarstva v 1793–1794 Godakh* [Observations Made During a trip to the Southern Governorships of the Russian State in 1793–1794]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 246 p.
20. *Puteshestviye po Tavride v 1820 godu g. Muravyeva-Apostola* [Travel to Taurida in 1820 by Mr. Muravyov-Apostol]. *Severnyy Arkhiv. Zhurnal Istorii, Statistiki i Puteshestviy, Izdavayemyy F. Bulgarinyem*, St. Petersburg: Tipografija Glavnogo Shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva, 1824, no. 9, pp. 151–160.
21. Rynkov V. M. *Periodicheskaya Pechat: Mesto v Sisteme Istoricheskikh Istochnikov* [Periodical Press: a Place in the System of Historical Sources]. *Otechestvennyye Arkhivy*, 2010, no. 3, pp. 44–50.
22. *Sentimentyl'nye Puteshestviya v Tavridu: P. I. Sumarokov, I. M. Murav'ev-Apostol* [Sentimental Travels to Taurida: P. I. Sumarokov, I. M. Muravyev-Apostol]. Velikiy Novgorod – Simferopol – N. Novgorod: Rastr Publ., 2016. 507 p.

23. *Sovremennaya Russkaya Bibliografiya* [Modern Russian Bibliography]. *Syn Otechestva. Istoricheskiy, Politicheskiy i Literaturnyy Zhurnal, Izdavayemyy N. I. Grechem. St. Petersburg: Tipografija N. Grecha Publ.*, 1823, vol. LI, pp. 228–232.

THE CRIMEAN THEME IN THE EDITORIAL POLICY OF THE JOURNAL «OTECHESTVENNYE ZAPISKI»: 1824–1825.

Pervykh D. K.

In 1824, when the book by I. M. Muravyov-Apostol «Travel to Taurida in 1820» and A. S. Pushkin's poem «The Fountain of Bakhchisarai» were published, the Crimean theme was rapidly updated for readers of the capital's magazines. This was facilitated by bibliographic reviews («Syn Otechestva», «Polyarnaya Zvezda»), reviews («Severnyj arhiv»), and unfolding literary controversy («Vestnik Evropy»). But the main role in the development of the Crimean theme belongs to P. P. Svinin's magazine «Syn Otechestva» due to the publisher's trip to the Caucasus and Crimea in 1825 and to publications that brought to the reader information about the nature, history, and arrangement of the peninsula in various magazine genres. The article is devoted to the study of the journal's editorial decisions in the preparation of «crimean» materials.

Keywords: I. M. Muravyev-Apostol, «The Fountain of Bakhchisarai», «Syn Otechestva», «Otechestvennye zapiski», P. P. Svinin, «the publisher's letter».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск, Россия

Ачилова Елена Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Балданова Евгения Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки» Забайкальского института железнодорожного транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», г. Иркутск, Россия

Булгакова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Виноградова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры русской филологии ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Галушко Алена Дмитриевна – аспирант второго года обучения Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры украинской филологии Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Дондокова Наталия Бальжинимаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные науки» Забайкальского института железнодорожного транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», г. Иркутск, Россия

Жулева Альбина Сергеевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института Мировой Литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пелипась Николай Иванович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой украинской филологии Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, заведующая кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Рябова Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

Шестакова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, библиотекарь гуманитарного зала Центральной библиотеки имени Н. В. Гоголя, г. Северодвинск, Россия

Ягенич Лариса Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 4 Института филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Булгакова А. А.

ДИАЛЕКТИКА КАТЕГОРИИ ТОПОСА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ3

Виноградова Е. В.

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ «ЖАР-ПТИЦА»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.....18

Галушко А. Д.

КОНЦЕПТ «ОАЗИС»
В «ПУТЕШЕСТВИИ ПО ВСЕМУ КРЫМУ И БЕССАРАБИИ В 1799 ГОДУ»
П. И. СУМАРОКОВА.....30

Жулева А. С.

КОНЦЕПТ «КИТ-ТОТЕМ»
В ПРОЗЕ ЧУКОТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЮРИЯ РЫТХЭУ.....41

Шестакова Е. Ю.

МОТИВ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ И РОССИИ
В ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЕВА ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ.....50

**2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Ачилова О. Л., Пелипась М. І.

КОНСТРУКЦІЇ ІЗ СЕМАНТИКОЮ ПЕРЕПОВІДНОСТІ
У ТВОРАХ МАРКА ВОВЧКА.....64

Дехтярьова О. В.

ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ
ГАЛИЦЬКО-БУКОВИНСЬКИХ ДІАЛЕКТНИХ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ
У ХУДОЖНІХ ТВОРАХ.....77

Ягенич Л. В.

НОВЫЕ СЛОВА В ПИСЬМЕННЫХ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТРАКТАТОВ XVII ВЕКА).....88

**3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ****Архипова И. В.**НИДЕРЛАНДСКИЕ ДЕВЕРБАТИВЫ
КАК ТАКСИСНЫЕ АКТУАЛИЗАТОРЫ.....99**Baldanova E. A., Dondokova N. B.**LINGUISTIC FEATURES OF THE NOVEL "SPY"
BY JAMES FENIMORE COOPER.....113**Рябова И. Ю.**ТРАНСФЕР ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА
И. МАКБЮЭН «ЗАКОН О ДЕТЯХ»).....120**4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ****Орехов В. В.**«ПАРТИЗАНСКАЯ ТАКТИКА» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ.
ЧАСТЬ II: ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I.....131**Первых Д. К.**КРЫМСКАЯ ТЕМА В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЖУРНАЛА
«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»: 1824–1825 гг.....168**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....183**